

ОБЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

Редакция журнала
«Обозреватель-Observer»

"План Медведева" и приоритеты российской политики в Европе

А.САВЕЛЬЕВ, А.МАРУЕВ

И.КУЗЬМИН

Геополитика
новой России

Берлинская стена.
История. Падение

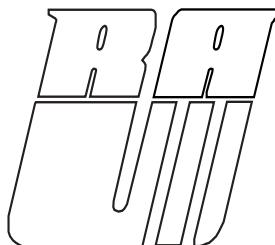
А.ОРЛОВ

А.СЕНЯВСКИЙ

Тerrorизм в Испании
на современном этапе

Сталин – Гитлер
стратегическая дуэль

Двойные стандарты Запада
против терроризма

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ OBSEVER

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1992 г.

Содержание номера

Новый год (стихотворение)	5
----------------------------------	---

А.Цветков

Геополитические ориентиры новой России: внутренние угрозы и ресурсы	6
--	---

А.Савельев, А.Маруев

Статус государства в системе международных отношений зависит и от ситуации внутри страны. Проведенный применительно к Российской Федерации анализ основных угрозообразующих факторов во внутривнешней политической сфере (кризисные явления в экономике и социальной сфере, ослабление военно-технического потенциала, отчуждение общества от власти и власти от общества, снижение уровня здоровья нации и др.) демонстрирует потенциальную уязвимость нашей страны, что препятствует адекватному позиционированию России в большой геополитической игре.

“План Медведева” и приоритеты российской политики в Европе	16
---	----

В.Мизин

Статья посвящена актуальной теме – вопросам развития и продвижения инициативы Президента РФ Д.А.Медведева о создании новой евро-атлантической архитектуры безопасности и заключении Договора в этой сфере.

“Перезагрузка” в действии

25

В.Михин

В статье автор пытается разобраться, действительно ли новая американская администрация Б.Абамы нацелена на “новое мышление”, на новые конструктивные и взаимовыгодные отношения с Россией?

На примере многочисленных высказываний американских политологов, сенаторов, других политических деятелей он показывает, что за “перезагрузкой” стоят обычные демагогические заявления, а Вашингтон, как и прежде, стремится преследовать только свои эгоистические цели. И если он предлагает сотрудничество Москве, то это только там, где пробуждается американская политика: в Афганистане, Ираке, Иране. Все это при полном сохранении своих позиций в Европе.

Другими словами, Вашингтон до сих пор рассматривает Россию в качестве побежденной страны и стремится, если не мытьем, так катаньем – политика “перезагрузки” – заставить ее таскать каштаны для американцев.

Двойные стандарты Запада против терроризма

34

А.Олейник

Автор на значительном фактическом материале анализирует современные взгляды западных государств и зарубежных организаций на проблему международного терроризма и показывает их двойные стандарты в противодействии ему.

Национальная безопасность в исторической ретроспективе

46

О.Толстухин

Анализируя понятие “национальная безопасность” как состояние защищенности личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, автор подчеркивает, что исторический опыт формирования российской государственности, проявляет определенную закономерность взаимоотношений в триаде: власть – общество – человек, а именно: волнообразный процесс перетекания политических полномочий от властных государственных структур к общественным, но всегда в интересах сохранения национальной безопасности.

Проблема терроризма в Испании на современном этапе

55

А.Орлов

Рассматривая особенности текущего момента антитеррористической борьбы в Испании, автор отмечает успехи правоохранительных органов в противодействии ЭТА. Одновременно указывает, что радикальный баскский национализм остается питательной средой для существования терроризма.

Сталин – Гитлер: стратегическая дуэль

62

А.Сенявский

Итоги Первой мировой войны стали полем для “большой игры” – борьбы крупнейших государств за удержание или расширение своих позиций, или даже за радикальный слом системы международных отношений. Реваншизм Германии был неизбежным продуктом унижения кайзеровской Германии.

Приход Гитлера к власти обусловил перевод дипломатической борьбы в силовую плоскость, а СССР стал главным объектом политики “расширения жизненного пространства”. В статье раскрывается то, как сталинская политическая стратегия не допустила консолидации держав оси с “западными демократиями”, предотвратила изоляцию СССР, а также ослабила военный удар фашистской Германии по СССР.

Г.К.Жуков в Белорусской операции

73

В.Афанасьев

В статье отражены особенности полководческого искусства Маршала Советского Союза Г.К.Жукова при планировании, подготовке и проведении Белорусской стратегической наступательной операции.

Вермахт и бандеровцы: как они сотрудничали

85

В.Галицкий

В связи с непрекращающимся попытками реабилитировать ОУН–УПА и перевести их из категории коллаборационистов – предателей своего народа в категорию победителей фашизма и освободителей Украины, автор с привлечением документальных материалов показывает истинное лицо этих националистических организаций и разоблачает их сотрудничество с немецко-фашистским командованием в борьбе с Красной Армией и советской властью на Украине в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Берлинская стена. История. Падение

104

И.Кузьмин

В статье автор как очевидец рассказывает о перекрытии границы между столицей ГДР и Западным Берлином 13 августа 1961 г. и о сопутствовавших событиях, а также приводит описание стены и данные о ее обслуживании.

Описывая падение стены, автор также пытается объяснить причины и смысл произошедшего, как он видел их в 1989 г. с позиций начальника информационно-аналитического отдела Представительства КГБ СССР в Берлине.

Появление в России мифа о “желтой опасности”

120

Л.Жукова

Статья посвящена процессу складывания представления о “желтой опасности” в русском общественном сознании на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. Выделяются этапы формирования мифа, выявляются основные взгляды на страны Дальнего Востока и роль России в этом регионе, показывается трансформация идей и соотношение их с внешнеполитической обстановкой.

Издатель

научно-исследовательская фирма «РАУ-УНИВЕРСИТЕТ»

Редакционная коллегия:

ШТОЛЬ В.В. – главный редактор, д.п.н., проф.

ЕРЕМЕНКО И.Н. – исп. директор, к.т.н.; НОВИКОВ Ю.Д. – зам. гл. редактора; АБАШИДЗЕ А.Х. – д.ю.н., проф.; БЕРКОВ А.А. – к.ю.н.; БОЙКО Ю.П. – д.п.н., проф.; ГРОМЫКО А.А. – д.п.н.; ЗАДОХИН А.Г. – д.п.н., проф.; ЗИМЕНКОВ А.Л. – д.п.н.; КОМАРОВ И.К. – д.э.н.; КРУГЛОВ В.В. – д.в.н., проф., генерал-майор; ЛУЗЯНИН С.Г. – д.п.н., проф.; ОРЛОВ А.А. – к.и.н.; ПАВЛЕНКО В.Б. – д.п.н.; ПЛЯЙС Я.А. – д.п.н., проф.; РУДОВ Г.А. – д.п.н., проф., Чрезвычайный и Полномочный Посол; ХМЫРОВ Ю.Н.; ЦВЕТКОВ А.И. – д.в.н., проф., Заслуженный деятель науки РФ.

Научно-редакционный совет

- АРИСТОВ В.В. – член-корреспондент РАН
- БАБАЯН Э.А. – председатель Постоянного комитета по контролю наркотиков при Минздраве России, член Международного комитета ООН по контролю наркотиков, доктор медицинских наук, профессор
- ГАБАРАЕВ Б.А. – генеральный директор ФГУП НИКИЭТ им. Н.А.Доллежаля, доктор технических наук
- ГАЛОГАНОВ А.П. – президент Адвокатской палаты Московской области, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ
- ГРИБ В.В. – заместитель Председателя комиссии по региональному развитию и местному самоуправлению Общественной палаты России, заместитель Председателя правления Ассоциации юристов России
- ДЕЛЯГИН М.Г. – директор Института проблем глобализации, доктор экономических наук, профессор
- ЖУРКИН В.В. – Почетный директор Института Европы РАН, академик РАН
- ЗОРИН В.С. – первый заместитель председателя Федерации «Мира и согласия», доктор исторических наук, профессор
- ИВАШОВ Л.Г. – президент Академии geopolитических проблем, генерал-полковник, доктор исторических наук, профессор
- ИВЛИЕВ Г.П. – депутат Госдумы ФС РФ, председатель комитета по культуре
- КРЕМЕНЮК В.А. – заместитель директора ИСКРАН, доктор исторических наук, профессор
- ЛАДЫГИН Ф.И. – вице-президент Совета ветеранов военной разведки, генерал-полковник
- МУРАДОВ Г.Л. – руководитель департамента внешнеэкономических и международных связей города Москвы, председатель правления фонда международного сотрудничества им. Юрия Долгорукова, кандидат исторических наук
- ПЕТРАКОВ Н.Я. – директор Института проблем рынка РАН, академик РАН
- ПИВОВАРОВ Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН
- ПРИМАКОВ Е.М. – президент ТПП России, академик РАН
- СУХАРЕВ А.Я. – советник Генерального прокурора РФ, доктор юридических наук, профессор
- ТИТАРЕНКО М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН
- ТОРКУНОВ А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, академик РАН, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол, председатель РАС ООН
- ШАХНАЗАРОВ К.Г. – генеральный директор киноконцерна «Мосфильм»
- ЩЕРБАКОВ И.А. – директор Института общей физики им. А.М.Прохорова РАН, член-корреспондент РАН, профессор
- ЯКОВЛЕВ В.Ф. – советник Президента РФ по правовым вопросам, доктор юридических наук, профессор

© РАУ-Университет

Анатолий Цветков

Новый год

Новый год наступает в России,
Как волна беспокойной реки,
Он приходит в избенки косые
И в роскошные особняки.

Он желает всем нам, россиянам,
Счастья, радости, света в окне,
И назло всем земным ураганам
Пробиваться навстречу весне.

Ведь еще остается надежда
На Всевышнего мудрую власть,
Для которой близки были прежде
Воля, мужество, совесть и страсть.

Если даже шумит непогода,
Надо драться за мир и покой,
Пусть мечтою грядущего года
Будет новый Союз вековой.

За его негасимое имя,
За борьбы настоящий накал
Пусть с надеждою каждый поднимет
Новогодний желанный бокал.

Пусть родная Отчизна воспрянет
И идет вдохновенно вперед,
А спасителем Родины станет
Устремленный к победе народ.

Геополитические ориентиры новой России: внутренние угрозы и ресурсы

Артем Савельев
Алексей Маруев

Одной из характерных черт современной международной обстановки является стремление США сохранить за собой статус единственной сверхдержавы, который позволил бы Вашингтону реализовывать глобальные национальные интересы, которые имеются у Соединенных Штатов практически во всех точках Земного шара.

В последнее время многие государства также пытаются повысить свой геополитический статус. В первую очередь, это относится к ведущим европейским странам (Великобритании, Германии, Франции), странам Азиатско-Тихоокеанского региона (Китаю, Японии, Индии), а также ряду других государств, например Турции, Бразилии, Венесуэле.

Проблема формирования геостратегического курса является особо актуальной для России, так как российская политическая элита, которая призвана формулировать и реализовывать геополитические интересы страны, похоже, до сих пор не определилась с геополитическим статусом России в системе мировых геополитических отношений. Сделать это непросто из-за имеющихся внутренних проблем и угроз безопасности России.

Геополитический статус России

По нашему мнению, *геополитический статус* можно охарактеризовать как место государства в системе международных отношений, исходя из его геополитического положения и воз-

можностей по реализации своих национальных интересов.

Что касается геополитического статуса России, то слабое экономическое положение страны, ухудшающееся со-

САВЕЛЬЕВ Артём Борисович – кандидат исторических наук, эксперт в области национальной безопасности.

МАРУЕВ Алексей Юрьевич – кандидат политических наук, эксперт по проблемам геополитики.

Ключевые слова: геополитический статус, стратегия национальной безопасности, национальные интересы, внутренние угрозы, геополитические противники, социально-экономические проблемы.

стояние российских Вооруженных Сил, тревожная демографическая ситуация, отсутствие идеологических и духовных основ развития общества и т.д. не позволяют в настоящее время России претендовать на статус сверхдержавы, каковым в свое время обладал Советский Союз.

Согласимся с мнением группы экспертов по вопросам национальной безопасности о том, что России из-за ее геополитического положения и многонационального населения просто опасно не быть великой державой¹.

Однако сейчас нельзя утверждать, что Россия сохранила за собой статус великой державы. Реальное воздействие Российской Федерации на формирование мирового порядка пока еще не слишком весомо. Некоторые эксперты считают, что хотя Россия сохраняет определенное влияние на ход мировых процессов, перспективы восстановления ею былого могущества и превращения в мировой “центр силы” пока остаются неясными².

Совершенно очевидно, что статус государства в системе международных отношений базируется далеко не только на таких своего рода “геополитических константах”, как размеры территории, географическое положение, климат, наличие или отсутствие выходов к морю, природных ресурсов и полезных ископаемых, их состав и экспортный потенциал.

Конечно, все эти факторы создают базовые “статусные предпосылки” для достижения успеха в отстаивании национальных интересов в диалоге с ключевыми игроками мировой политики. Однако то, как именно они будут использованы, насколько раскрыты в актуальной политической практике, зависит и от ситуации *внутри страны, от степени адекватности политического курса, от способности политической системы достигать искомого синергети-*

ческого эффекта, задействуя в том числе такие специфические ресурсы, как “человеческий капитал”, фундаментальная наука, высокие технологии, инновации, наконец, в более широком контексте, от избранной модели развития.

После окончания холодной войны и распада СССР Россия понесла большие геополитические потери.

В то же время Россия сохранила выгодное географическое положение, оставаясь уникальным транзитным коридором через Евразию; в пределах Российской Федерации остались лучшие по качеству, составу и конкурентоспособности на мировом рынке естественные ресурсы; в России сконцентрированы самые мощные научные силы бывшего СССР³.

Специфика нынешнего этапа для России состоит в том, что при объективно богатом геополитическом потенциале реальные статусные позиции страны в системе международных отношений на протяжении всего постсоветского периода истории де-факто остаются неопределенными.

До сих пор не отрефлексировано в полной мере на экспертном уровне (хотя периодически и озвучивается на политическом) даже то, к какому собственно геополитическому статусу мы стремимся: будет ли это “концепция мировой державы”, или наши амбиции на международной арене ограничиваются лидерством в региональном/субрегиональном формате?

Решение данного вопроса зависит и от того, способна ли нынешняя Россия играть на равных с ключевыми субъектами глобальной политики или ей следует сосредоточиться на наиболее обеспеченных имеющимся потенциалом отдельных ее направлениях.

Фундаментальных разработок в данной области нет. Об этом свидетельствует, в частности, то, что эти

вопросы весьма конспективно изложены в утвержденной указом главы государства “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года”.

Так, в перечне долгосрочных национальных интересов Российской Федерации закреплена идея “превращения Российской Федерации в мировую державу, деятельность которой направлена на поддержание стратегической стабильности и взаимовыгодных партнерских отношений в условиях многополярного мира”. Однако то, как это относится с приоритетами устойчивого развития страны, стратегическими национальными приоритетами прописано, как представляется, недостаточно четко. Среди последних речь, в частности, идет о повышении качества жизни российских граждан, а именно:

- гарантирование личной безопасности и высоких стандартов жизнеобеспечения;
- обеспечение устойчивого экономического роста, который достигается, прежде всего, за счет развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;
- развитие науки, технологий, образования, здравоохранения и культуры;
- соблюдение принципов экологии живых систем и рационального природопользования, поддержание которых достигается за счет сбалансированного потребления, развития прогрессивных технологий и целесообразного воспроизводства природно-ресурсного потенциала страны.

Столь распространенный список совершенно не проясняет, однако, достижения на каком именно направлении (или их совокупности) позволят в первую очередь (с точки зрения внутренних предпосылок) приблизиться к ис комому геополитическому статусу. И

уж точно, приоритеты должны быть расставлены более четко в условиях экономического кризиса и ограниченности финансовых средств на реализацию национальных интересов страны.

Из концептуальной неопределенности в вопросе о составляющих геополитического потенциала проистекает, по видимому, и сделанный в “Стратегии” акцент на экономику в вопросах стратегического сдерживания, не сводимых, как представляется, к проблемам конкурентной борьбы хозяйственных комплексов ведущих мировых держав в условиях глобализации. А между тем выработка полноценной и комплексной геостратегии России требует четкого представления как о направлении движения, так и о векторе сосредоточения необходимых внутри – и внешнеполитических усилий.

Нельзя не согласиться с тем, что внешняя политика нашей страны исторически носила идеократический характер, была выстроена в соответствии с великодержавной доктриной, а внутренний потенциал России, ее экономические возможности, далеко не всегда соответствовали целям, озвучивавшимся ее советскими и постсоветскими руководителями (а ранее –венценосными особами) на международной арене.

Последнее не только исказило естественный ход процессов модернизации в российской экономике и социальной системе, до сих пор сохранивших многочисленные сугубо традиционалистские элементы, но и периодически подводило российскую государственность к “критической отметке”, ставило Россию на грань выживания. Между тем нельзя отрицать и того факта, что столь сложное с этнокультурной и протяженное с географической точки зрения образование вряд ли сможет сохранить свою целостность без четкого, идеологически выверенного и проработо-

танного внутри – и внешнеполитического проекта, учитывающего как актуальные процессы на мировой арене, так и внутриполитические реалии.

Подобный проект пока находится в стадии формирования и более того, определенные его контуры, сформировавшиеся в период президентства В.В.Путина, в настоящий момент оказались в фокусе экспертно-аналитических и политических дискуссий. Это, несомненно, актуализирует обращение исследователей теме, обозначенной в заголовке статьи.

Очевидно, что в начале XXI столетия магистральной тенденцией развития международной обстановки стала глобализация процессов во всех сферах международной жизни, которая, в свою очередь, предопределила высокий динамизм и взаимозависимость событий, происходящих как на мировой арене, так и во внутриполитической жизни большинства современных государств.

В результате глобализационных процессов между ними обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития, углублением разрыва в уровнях благосостояния. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции, а зачастую и объектом насилиственного экспорта в третью страны.

Наряду с этим возросла уязвимость всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз. Одной из наиболее актуальных из них на сегодняшний день (наряду с традиционными – международным терроризмом, исламским радикализмом, распространением ОМУ, потеплением климата, экологией, дефицитом энергии и ресурсов, пандемиями и т.п.) стал глобальный финансово-экономический кризис.

В результате происходит укрепление новых центров экономического ро-

ста и политического влияния, формируется качественно новая геополитическая ситуация, в рамках которой очень многое зависит от того, насколько быстро будут сформулированы, проработаны и, наконец, успешно решены задачи устойчивого развития России. Именно от этого в конечном итоге зависит не только успешная интеграция России в глобальное экономическое пространство и международную систему разделения труда, но и само позиционирование нашей страны в формате “Большой восьмерки”, “Большой двадцатки”, БРИК, АТЭС, ШОС и на постсоветском пространстве.

Между тем, устойчивость развития России определяется, безусловно, не только форсированным ростом экономики и ее многократно провозглашенным переводом на инновационные рельсы, справедливо поставленными Д.А.Медведевым во главу угла Ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. Необходимо также обеспечить социальную стабильность, этническое и конфессиональное согласие, поднять качество работы органов государственной власти и сформировать действенные механизмы их взаимодействия с гражданским обществом.

В преамбуле к “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” констатируется, что на сегодняшний день “Россия преодолела последствия системного политического и социально-экономического кризиса конца XX века – остановила падение уровня и качества жизни российских граждан, устояла под напором национализма, сепаратизма и международного терроризма, предотвратила дискредитацию конституционного строя, сохранила суверенитет и территориальную целостность”.

Подобная оптимистическая констатация, по-видимому, основывается на

том, что в последнее десятилетие государственная политика становится все более адекватной внутренним и внешним условиям. Консолидировано правовое пространство, наметились подходы к решению первоочередных задач в экономической сфере, возрождаются исконно российские идеалы, духовность, достойное отношение к исторической памяти.

Таким образом созданы устойчивые предпосылки для укрепления геополитических позиций и роста геополитического потенциала страны. Однако было бы некорректным не отметить, что на данный момент речь идет скорее именно о создании предпосылок, а не о

достижении конкретных результатов на вышеуказанных направлениях.

Иначе говоря, мы понимаем, что политическая система откликнулась на определенные импульсы извне, предлагает решения, однако реакция “объекта управления” в виде каких-либо качественных сдвигов в его состоянии или хотя бы в виде “обратной связи” с ним по существу пока отсутствует. Более того, вызовы внутренней безопасности, угрожающие нивелированием тех самых предпосылок к росту геополитического потенциала, о которых шла речь выше, не только не утратили своей актуальности, но и, напротив, приобрели в настоящее время дополнительную остроту.

Внутренние угрозы безопасности России

В общественно-политическом контексте сохраняется угроза резкого обострения социально-политических проблем вследствие нарастающей (в условиях кризиса) диспропорции в экономическом положении граждан и не-подготовленности социальной среды в целом к новым социально-экономическим отношениям.

Что такое правый и левый экстремизм в политической сфере?

Какова социальная база скинхедов и иных поборников националистической идеологии?

В чем сущность феномена постоянного рекрутирования “пушечного мяса” в террористические организации?

На какой почве легче всего “прорастают” зерна радикального ислама, иных нетрадиционных тоталитарных форм религии?

Все эти явления в существенной мере связаны не только с сохраняющимися кризисными явлениями в экономике и социальной сфере, но и (в системном отношении) с незавершенными до сих пор процессами реструктуризации традиционных социальных

групп и слоев советского общества, которые так и не привели к формированию принципиально новой системы и формата социальных отношений.

По сути мы имеем дело с маргинализированным (читай – выбитым из традиционных ниш формирования мен – талитета, поведенческих традиций, социализации) социумом. В нем до сих пор отсутствует основа любой демократии – средний класс.

По самым оптимистическим оценкам, к середине 2008 г. количество людей, которых можно было с определенными допущениями отнести к данной категории приближалось к 25%⁴, сейчас этот слой снова активно размывается.

В новых условиях не сформировалась мотивация к гражданской активности. Вертикальная социальная мобильность парализована закрытостью сложившихся в конце XX столетия чиновничих и бизнес-корпораций.

Во многом по этим же причинам, а также вследствие сохраняющихся диспропорций в формате отношений Центр – регионы, а также вследствие отсутствия на уровне массового сознания

ния толерантной культуры и интернационализма мы все чаще фиксируем растущую напряженность в межнациональных отношениях.

По оценкам экспертов, те или иные сложности, связанные с национальным и конфессиональным фактором (в большей мере свойственные, естественно, республикам Поволжья и Северного Кавказа), сейчас фиксируются на территории 60% субъектов Федерации, в том числе в таких ранее благополучных с этой точки зрения регионах как Карелия, Приморье и Калининград.

Основу для консервирования подобных социальных явлений создает продолжающаяся деградация фундаментальной науки, образования, культурной сферы, наконец, депрофессионализация системы подготовки кадров.

В разрезе кадров управленческих мы уже сейчас видим последствия данного явления, когда, несмотря на все усилия по восстановлению вертикали управления страной, нет никаких гарантий того, что команда, отданная на любом уровне системы, вплоть до Президента и Председателя Правительства, будет выполнена.

При этом, чем сложнее управленческие задачи, тем больше соблазн их содержательно примитивизировать и вульгаризировать, ведущий, как следствие, к управленческому хаосу, а далее – к деградации и упрощению самого объекта управляющего воздействия.

В последнее время все более остро в угрозообразующем контексте формулируется *проблема коррупции*, ставшей, как неоднократно отмечал глава государства, системным вызовом всей российской политической системе.

На самом деле следует говорить не об отдельных проявлениях такого рода, поддающихся хирургическому воздействию, а о системном срашивании госаппарата, а в целом ряде случа-

ев и правоохранительных органов с полулегальным бизнесом и криминалистом.

Отсюда – системное снижение уровня доверия к институциональной структуре органов власти (в среднем не превышает 30%), за исключением персонально популярных фигур федеральной и региональной политической авансцены. Растет процент абсентеистов.

Инструментальный характер партийной системы, обеспечивающей реальную связь между населением и государством лишь на этапе подготовки и проведения различного рода выборных кампаний, также не способствует укоренению традиций представительной демократии.

Речь в данном случае отнюдь не о необходимости выстраивать политическую систему “под копирку и диктовку” наших европейских и заокеанских партнеров. Речь – о системном представительстве интересов социума с целью адекватного понимания происходящих в нем процессов и выработки мер реального управляющего воздействия, в том числе и в разрезе эффективного обеспечения безопасности и устойчивости всей системы. Без указанного представительства сложно преодолеть системное отчуждение общества от власти и власти от общества.

Можно констатировать, что у нас нет общественной идеологии.

Это обстоятельство закрывает для нас возможность решения многих насущных вопросов, связанных с защитой своих национальных интересов и с обеспечением национальной безопасности Российской Федерации. Превращение российского общества в деидеологизированный конгломерат было главной задачей Запада на протяжении большого исторического отрезка времени⁵.

В своем нынешнем качестве российское общество не является в полной

мере субъектом политического процесса. Не случайно, например, сталкиваются с полным непониманием и неприятием “снизу” все попытки стимулировать гражданскую активность даже на уровне муниципального или местного самоуправления.

Что же касается объективных процессов в самом социуме, то налицо *прогрессирующее снижение уровня здоровья нации* и, как следствие, самая высокая в Европе смертность от социальных болезней, двукратно превышающее среднемировые показатели потребление алкоголя на душу населения (15,4 л чистого алкоголя на взрослого гражданина)⁶, высокая детская смертность, низкая (с учетом стремительного сокращения численности населения – до 1 млн. чел. в год, по прогнозам, к 2025 – до 114 млн чел., а к 2050 г. – до 70–75 млн чел.)⁷ рождаемость.

Естественно, что краткосрочный позитивный эффект на данном направлении может быть достигнут отдельными мерами господдержки (наподобие приоритетного национального проекта “Здоровье” или программы “Материнский капитал”, позволивших выйти на положительную динамику по балансу прироста-убыли населения к концу 2008 г.) и все же необходимо иметь в виду, что без учета всех показателей, оказывающих воздействие на демографию и здоровье нации (вплоть до объема ВВП на душу населения) ситуацию не исправить.

Сохраняется вся палитра традиционных социальных проблем:

- предельно низкий уровень пенсий и социальных пособий;
- заработных плат в бюджетной сфере;
- разорительная для малообеспеченных слоев населения монетизация льгот;
- стопроцентная оплата услуг ЖКХ;

– вновь обострившаяся на фоне экономического кризиса проблема невыплат заработной платы.

Острота ситуации периодически выражается в стихийных акциях протеста (рост количественных показателей по которым составил за первое полугодие 2009 г. 60%), а также в постепенном росте популярности леворадикальных идей и лозунгов, формулируемых в настоящий момент уже не только “политическими динозаврами” из КПРФ, но и молодежными структурами, работающими с населением на принципиально иных началах (таких, например, как приморское Товарищество инициативных групп граждан [ТИГР]).

В экономике страны в последнее время обозначились такие крайне тревожные тенденции как сокращение промышленного потенциала в инвестиционно емких отраслях, стремительное устаревание и износ основных фондов, качественное ухудшение технологического и инновационного потенциала, то есть де-факто сохраняется угроза деиндустриализации хозяйственного комплекса страны, сдвига экономики в сторону первичного и промежуточного секторов.

Существенные проблемы с точки зрения определения точек роста могут создать истощение сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, деградация транспортной инфраструктуры, разрушение единой системы электроэнергетики.

Первые итоги финансового кризиса наглядно продемонстрировали слабость кредитно-финансовой системы страны, ее спекулятивный характер, неготовность к осуществлению долгосрочных программ кредитования реального сектора.

В военной сфере сохраняется тенденция к снижению военно-научного и военно-технического потенциала, мобилизационной готовности граждан-

ских и военных производств, статуса армии и военной службы.

Не просчитаны с точки зрения угроз внутренней безопасности последствия форсированно осуществляемой

военной реформы. Самостоятельным фактором остается неконтролируемое распространение оружия и боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ.

Методы геополитических противников России

Проведенный нами конспективный обзор основных угрозообразующих факторов во внутриполитической сфере показывает, насколько потенциально уязвимыми остаются геополитические позиции новой России. Более того, следует учитывать, что любые перемены к лучшему на указанных направлениях внимательно отслеживаются нашими геополитическими противниками и конкурентами с целью не допустить развития позитивных тенденций. Ими же ведется и планомерная работа по дестабилизации внутриполитической обстановки в стране.

Известно, например, что в качестве повода для очередного обращения к разработке дестабилизационного сценария для России предполагается использовать федеральный избирательный цикл 2011–2012 гг. В рамках подготовительного этапа уже в настоящее время развернута работа в российском информационном пространстве с акцентом на нерешенность ключевых социально-экономических проблем и рост социальной незащищенности населения.

Следует признать, что западное общество, и в первую очередь США, располагает всей необходимой политической, экономической и разведывательной инфраструктурой, а также апробированными технологиями и методикой воздействия на внутриполитические процессы в других странах.

Роль организационного ядра в данном случае, как правило, выполняют такие структуры, как Агентство США по международному развитию (*USAID*), Национальный фонд за демократию, Фонды

Мотта и "Евразия", "Freedom House", а также Международный республиканский (МРИ) и Национальный демократический институты (НДИ), институт "Открытое общество" Сороса.

Разработанные указанными "мозговыми центрами" политические технологии "по оказанию содействия в переходе к плюралистической демократии и рыночной экономике" реализуются через сеть специально созданных региональных представительств западных организаций и национальных неправительственных организаций (НПО).

Ситуация в значительной степени осложняется нарастающей политизацией молодежи. Учитывая имеющийся опыт использования протестного потенциала младших возрастных групп, антироссийские силы за рубежом и ангажированные ими лидеры оппозиции стремятся максимально использовать указанный дестабилизирующий ресурс.

Радикализация студенчества особенно сильна в региональных филиалах государственных вузов, в которых практически отсутствует контроль со стороны головных институтов, что при попустительстве местных властей обеспечивает формирование благоприятных условий для деятельности зарубежных НПО и сект. Получившая в последнее время распространение практика обучения мусульманской молодежи национальных республик России в религиозных центрах Ближнего и Среднего Востока, пропагандирующих догматы радикального ислама, способствует распространению фундаменталистских течений.

Особую озабоченность вызывает активизация неонацистских группировок.

При чем, если ранее их деятельность выражалась в основном в отдельных хулиганских проявлениях, то в последнее время она начала приобретать все более выраженный политизированный характер (известно, что в качестве реальной тактической задачи ими все чаще ставится участие в выборах).

В связи с тем, что государством не предпринимаются какие-либо серьезные меры для приобщения лиц, прибывающих в Россию, к местным национально-культурным традициям, коренное население зачастую с пониманием относится к попыткам бороться с засильем "инородцев" всеми доступными (в том числе и противоправными) методами.

Ситуация усугубляется тем, что ряд общественно-политических объединений активно разыгрывает "национальную карту" (Движение против нелегальной миграции), разжигая националистические и расистские настроения, тем самым способствуя дополнительному притоку в их ряды радикально настроенной молодежи.

Так называемые прокремлевские молодежные организации после окончания федерального избирательного цикла 2007–2008 гг. во многом дезориентированы и на данном этапе не могут эффективно противостоять распространению радикальных настроений среди молодежи.

Несмотря на ограничительные меры, принятые на уровне федерального законодательства и определенные проблемы с финансированием, возникшие в связи с глобальным кризисом, в стране по-прежнему заметна активность многочисленных структур правоохранительной направленности.

Ведущую роль на данном направлении играют традиционно "Московская хельсинкская группа", фонд "ИНДЕМ".

Не случайна и очередная активизация организованных по сетевому принципу различного рода "просветительских" и "образовательных" структур, финансируемых НДИ и МРИ США.

Под предлогом осуществления благотворительной деятельности и реализации совместных проектов гуманитарного характера устанавливаются контакты с местными властями, предпринимаются попытки консолидации оппозиции, организуются мероприятия, направленные на соответствующую обработку молодежи.

Фактически речь идет о "регионализации и выходе протестного потенциала" за пределы столичной политической дискуссии в расчете на то, что ситуация на местах значительно менее управляема из Центра.

Помимо социально-политической проблематики в рамках попыток дестабилизировать обстановку в стране и создать дополнительные препятствия укреплению geopolитических позиций России следует также обратить внимание на стремление определенных политических сил использовать тематику эскалации террористической угрозы, ее выхода за пределы Чеченской республики, распространения не только по всему Северному Кавказу (особенно – в Ингушетии и Дагестане), но и в масштабах всей страны (не случаен, к примеру, муссируемый рядом СМИ слух о "чеченском следе" в аварии на Саяно-Шуинской ГЭС).

Основной акцент делается на то, что действующая власть не способна урегулировать ситуацию, а принимаемые на государственном уровне контртеррористические меры на самом деле призваны укрепить позиции правящей элиты и ликвидировать остатки демократии.

Таким образом, целый ряд тенденций в развитии внутриполитической ситуации в России по прежнему препятствует адекватному позиционированию в большой geopolитической игре.

Не случайно многие аналитики относят внутренние проблемы нашей страны к одной из главных угроз национальной безопасности (“основная угроза – это мы сами”).

При этом, несмотря на все усилия, пока так и не разработан детальный план действий по наведению порядка внутри страны, адекватный вызовам времени. Однако именно решение этого вопроса является жизненно важным для России, так как только найдя действенные пути решения внутренних проблем, можно будет выступать с более сильных позиций на международной арене.

Примечания

- ¹ Буркин А., Возженников А., Синеок Н. Национальная безопасность России в контексте современных политических процессов. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 242.
- ² Стратегическая ситуация и основные узлы противоречий в Восточной Евразии / Отв. редактор Г. Агафонов. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2007. С. 177.
- ³ Колесов В., Мироненко Н. Геополитика и политическая география. М.: Аспект Пресс, 2002. С. 220.
- ⁴ Средний класс в современной России / Отв. ред. М. Горшков, Н. Тихонова. М.: Институт социологии РАН, 2008. С.14.
- ⁵ Смульский С. Национальная безопасность и национальные интересы России в современных условиях. Новые угрозы национальной безопасности Российской Федерации. Материалы научно-практической конференции. М.: РАГС, 2008. С. 11.
- ⁶ Алкоголизация России: не пора ли опять звать Горбачева? ВЦИОМ. Пресс-выпуск. № 1279. 29.07.2009. С. 45.
- ⁷ Рыбаковский Л. Стратегия демографического развития России на ближайшие 20 лет (доклад на заседании Ученого Совета ИСПИ РАН). М., 2006. С 2–4.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

“План Медведева” и приоритеты российской политики в Европе

Виктор Мизин

Новые контуры российской внешней политики

Анализ комплексной проблематики современной мировой политики свидетельствует, что, несмотря на оптимистические прогнозы ряда политологов, международные отношения и в период после завершения холодной войны далеки от идеалов И.Канта и идеала “всеобщего мира”¹.

Сегодня уже очевидно, что в силу целого ряда причин мир остается не слишком управляемым, по-прежнему разделенным и нестабильным. На смену общемировому противостоянию и соревнованию двух антагонистических военно-политических блоков периода холодной войны пришла конкуренция “Востока” – нового экономического центра силы и теряющего позиции “Запада”, недовольство вечно деградиру-

ющего “Юга” чуть ли не неоколониалистским засильем индустриального “Севера”, а также, в последние годы – противопоставление России ведущим странам “Запада”.

Оно особенно обострилось в самые последние годы в связи с шагами России по отстаиванию своих жизненных интересов, прежде всего на постсоветском пространстве. “Кавказский кризис” (август 2008 г.) не только резко обозначил усиление роли и статуса России в мировой политике, но и привел к осознанию необходимости коренной переоценки сложившихся в период после окончания холодной войны подходов к крупнейшим международным проблемам.

Внешнеполитические последствия агрессии грузинского режима и недвус-

МИЗИН Виктор Игоревич – кандидат исторических наук, заместитель директора института международных исследований МГИМО(У) России.

Ключевые слова: безопасность, евро-атлантическое пространство, ОБСЕ, ЕС, ДОВСЕ, НАТО, ОДКБ, процесс Корфу, контроль над вооружениями.

мысленного поворота России к решительной реализации своих геостратегических приоритетов, защите соотечественников в “ближнем зарубежье” положили начало новому периоду в международных отношениях, а, может быть, и новому этапу мирового развития.

Стало ясно, что оказались либо неспособными, либо заблокированными многие послевоенные механизмы обеспечения международной безопасности, выявился явный кризис послевоенной Ялтинской системы, да и всей Вестфальской системы международных отношений. Соответственно, принципы обеспечения безопасности на всех уровнях нуждаются в новом всестороннем осмыслении.

Сегодня очевидно, что уже не в полной мере адекватны такие традиционные механизмы поддержания безопасности как ООН, ОБСЕ, ЕС или НАТО. Требуется, разумеется, не их “закрытие”, а планомерная реформа в привязке к изменившимся мировым и, прежде всего евро-атлантическим реалиям, а возможно (о чем свидетельствует дополнение “большой восьмерки” “большой двадцаткой”) и подкрепление новыми механизмами по принципу *ad hoc*.

“План Медведева” обозначил векторы такого интеллектуального поиска применительно к евроатлантическому пространству. Однако от российской дипломатии ждут не только его дальнейшей конкретизации, но и новых инициатив, которые подтверждали бы заявку Москвы на роль мирового лидера и способствовали бы утверждению представления о стране как действительно великой, демократической и просвещенной державе, новом мировом политическом и духовном “центре силы” (пусть и “мягкой”). Будет весьма контрапродуктивным развитием, если

эта инициатива останется в восприятии партнеров лишь отражением комплексов и разочарований российской элиты, а не попыткой предложить новые конструктивные решения проблем области внешней политики.

Не секрет, что те или иные внешнеполитические заявления с нашей стороны вызывают у партнеров, когда наигранное, а когда и искреннее непонимание. Дело, видимо, в том, что российская внешняя политика все еще окончательно не нашла комфорtnую “нишу” для страны на мировой арене.

Оказалось, что **концепции основ мироустройства у элит России и Запада, особенно США, диаметрально противоположны**.

Между Россией и ее западными партнерами обозначились – вопреки тезисам либеральных экспертов – явные расхождения в видении мира, идеологических подходах. Налицо разница в понимании специфики социально-политического строя государства, существа демократии, соревнования и взаимного обуздания ветвей власти, контрольных функций гражданского общества и системы “сдержек и противовесов”.

Жалобы российской дипломатии на “сдерживание” внешнеполитических устремлений Москвы², организацию “цветных революций” в ареале ее жизненных интересов, приближение натовских военных объектов к территории страны, практику “двойных стандартов”, попытки решать важнейшие международные проблемы без российского участия или совета – зачастую практически игнорируются. В конфликтах с грузинским и украинским руководствами Западом – по крайней мере первоначально – как бы инстинктивно поддерживались эти режимы в противовес российской позиции.

Не устранены также серьезные геополитические противоречия (в частности, в борьбе за влияние на постсоветском пространстве, в Восточной Европе и Евразии). Практически по всем наиболее актуальным проблемам мировой политики – будь то ситуация на “Большом Ближнем Востоке” или в бывшей Югославии (в особенности, Косово), угрозы безопасности в пресловутой исламской “дуге нестабильности” или восприятие Китая, не говоря уже о конкуренции за влияние в Евразии – подходы России и Запада прямо противоположны.

В этой ситуации требовался прорыв к новому качеству российской дипломатии, попыткой добиться которого и явились, на наш взгляд, инициатива Президента Д.Медведева о выстраива-

нии новой архитектуры евроатлантической безопасности. Стало ясно, что нам и странам Запада пора прекратить говорить как бы “мимо” друг друга.

Отрадным представляется тот факт, что в Западной Европе все же сочли необходимым после августовского кризиса развивать более тесные и добрососедские отношения с Россией.

В кругах НАТО и ОБСЕ явно прослеживались некая растерянность, отсутствие интеллектуальных ресурсов и способностей выработать глубоко продуманную стратегическую линию в отношении Москвы и кризиса всей системы “евробезопасности” по итогам кавказского кризиса.

Это лишь подтвердило обоснованность российской критики ОБСЕ и НАТО, развивающейся уже на протяжении ряда лет.

Новые – старые площадки евроатлантической безопасности

Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), созданная в разгар холодной войны в результате развития “разрядки” (и даже подспудных надежд на “конвергенцию”) в отношениях между двумя военно-политическими блоками, весьма эффективно проявила себя в период 70-х – 80-х годов. В настоящее время она объединяет 56 стран, включая все страны Европы, пять стран Центральной Азии, США и Канаду. ОБСЕ нацелена на предоставление странам-членам Организации площадки для обсуждения европейских дел, особенно в сфере безопасности.

Однако по мнению российской стороны, сегодня Организация утратила прежний авторитет, приобретя довольно неоднозначный облик. Для нее стали характерны некая операционная неразбериха и функциональная “вязкость”, отсутствие обязательного ха-

рактера решений и механизмов введения эффективных санкций.

Особенно негативно в Москве воспринимается обозначившийся после коллапса мировой социалистической системы “перекос” ОБСЕ в сторону гуманитарного измерения, проблем демократии и прав человека, проведения политики “демократизации” и “миростроительства” на постсоветском пространстве. При этой “зацикленности” на данной, по мнению Москвы, искусственно раздувающей проблематике российская сторона отмечает фактическую недееспособность двух первых “корзин” организаций.

У ОБСЕ, действительно, отсутствуют механизмы адекватного мониторинга и быстрого реагирования на конфликты, возникающие в зоне ее ответственности. Москва уже в течение долгих лет критикует ОБСЕ за то, что в результате наблюдения за выборами,

выдвижения требований о соблюдении демократических прав и поддержки проектов в области строительства гражданского общества в отдельных странах-членах организации Организация, дескать, вмешивается в их суверенные права.

Все это привело к открытой и довольно жесткой критике Россией ОБСЕ, призывы к ее трансформации в структуру, “отвечающую вызовам времени”. А такой подход объективно приводил к снижению российского влияния в этой Организации – с переключением основного акцента в нашей внешней политике на более “управляемые” и благожелательные структуры типа ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС и т.п.

Вместе с тем, при обращении к лучшим традициям принципиальной, изобретательной и взвешенной российской дипломатии мы вполне способны активно действовать в наших национальных интересах и существующие структуры евроатлантической безопасности, в первую очередь ОБСЕ. При этом еще не исчерпан и потенциал развития связей с ЕС, НАТО, а также Советом Европы.

К сильным сторонам ОБСЕ относится ее роль единственной региональной организации с универсальным членством на евроатлантическом пространстве. Организация, которая была с самого своего зарождения важнейшей частью европейской архитектуры безопасности, вполне способна ею оставаться и в XXI в.

“План Медведева”, сформулированный в июне 2008 г., мог бы способствовать реформированию ОБСЕ в выгодном для нас направлении, адаптируя ее к новым реалиям, и параллельно укреплять российские позиции в этой структуре, равно как и в Европе в целом. В этом конкретно реализовывалась бы одна из главных философских

сверхзадач “плана” – устранение “разделительных линий” на евроатлантическом пространстве, в конечном счете, повышение эффективности действующих региональных механизмов, построение здесь всеохватывающей системы обеспечения безопасности во всех ее измерениях, обеспечение равноправного взаимодействия в треугольнике Россия – ЕС - США. Россия надеется, что “новые рамки безопасности Европы” будут иметь обязательную юридическую силу.

Кроме всего прочего, подобный подход – на постепенное приспособление ОБСЕ к нашим интересам на пространстве “от Владивостока до Ванкувера” – исходит из учета сегодняшних реалий. Ясно, что наши западные партнеры решительно отвергают инициативы создания какой-либо новой структуры вроде пресловутой “Организации Евроатлантического Договора (ЕАТО)” в подкрепление инициативы о заключении договора о новой структуре безопасности и отстаивают адекватность существующих структур, прежде всего НАТО и ЕС. У России, конечно же, нет и не может быть стремления ослаблять или даже подменять действующие структуры евробезопасности. Речь идет, скорее, о необходимости “нового мышления”, которое сегодня в Европе не менее актуально, чем в позднесоветскую эпоху.

В то же время необходимо подумать о создании таких систем и механизмов, которые предотвращали бы – во имя жесткой евроатлантической “солидарности” – втягивание государств евроатлантической зоны в конфликты, провоцируемые амбициозными малыми странами-лимитрофами.

Россия подтверждает принцип “единой и неделимой безопасности”, согласно которому ни одно государство не имеет право укреплять свою без-

опасность в ущерб безопасности других. По мнению российской стороны, культивируя “натоцентризм”, Запад исключает другие страны из архитектуры безопасности Европы и тем самым ущемляет ее основные интересы.

В Договоре о европейской безопасности, по идеи Москвы, все государства, входящие в ОБСЕ – Соединенные Штаты и Канада, европейские страны, а также бывшие советские среднеазиатские республики – должны установить обязательные для всех принципы в области политики безопасности и контроля над вооружениями, обязательные к исполнению правила урегулирования конфликтов и, наконец, механизмы, по которым партнеры по договору могли бы совместно реагировать на такие угрозы, как терроризм, распространение оружия массового поражения и организованная преступность. Среди основных положений нового договора Россия видит уважение суверенитета, территориальной целостности и политической независимости государств.

Россию не обескуражило, что в декабре 2008 г. это предложение было фактически отклонено. Однако в последующем, во многом по инициативе Германии и Франции, эта идея была подхвачена, и Запад подтвердил готовность вести с Москвой новый “диалог о безопасности”. После неформальной встречи министров иностранных дел стран-членов ОБСЕ, по инициативе Греции, это предложение получило название “процесс Корфу”, ориентированный на достижение единства в отношении будущей европейской безопасности на основе открытых, широких и продолжительных консультаций по созданию “более безопасной, более стабильной, более мощной” Европы³.

По мнению Москвы, однако, российское предложение о разработке Договора о европейской безопасности и

инициатива проведения “корфусских встреч” являются взаимно пересекающимися, но не заменяют друг друга. Договор о европейской безопасности – документ, вырабатываемый с привлечением всех международных структур евроатлантического региона, а “корфусские встречи” – это дискуссии в рамках Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по ее широкой повестке дня, включая повышение ее эффективности.

Россия предлагает созвать в 2010 г. встречи руководителей НАТО, ОДКБ, ОБСЕ, ЕС и СНГ для сопоставления стратегий безопасности, которые есть у каждой из этих структур и выработка скоординированных подходов в целях формирования неделимого пространства безопасности в регионе. Это был бы важный шаг к созданию единого и неделимого пространства безопасности в Евро-Атлантике и операционизации “Платформы безопасности”, основанной на сотрудничестве.

Однако определенный скепсис по отношению к российской идеи сохраняется. Западные партнеры утверждают, что Москва все еще не уточнила, о чем конкретно должна идти речь в таком договоре.

Возникает вопрос – чего же действительно хочет от такого документа Россия?

В Европе подозревают, что Москва хотела бы не допустить расширения НАТО на Восток и таким образом добиться своего рода “права вето” на решения альянса, а, следовательно, и ослабления блока.

Западные комментаторы поэтому призывают сохранять “испытанные” организации по безопасности на евроатлантическом пространстве (надо-де лишь сделать их более эффективными), а также “всеобъемлющее” понимание вопросов безопасности в ОБСЕ, то есть когда они рассматриваются во

всей их совокупности, включая аспект демократизации и прав человека. Для этого не требуется, по их мнению, заключения какого-либо нового соглашения, нужна лишь политическая воля.

Запад категорически возражает против того, чтобы постсоветское пространство оставалось зоной каких-то “особых интересов” России и ее признанной “сферой влияния”.

“План Медведева” – что же дальше?

Следует признать, что, первоначально не детализировав эту свою важнейшую – как первое политическое послание нового российского лидера – инициативу, наша дипломатия несколько запутала западных партнеров. Неслучайно главным предлогом неприятия идеи “плана Медведева” западными контрагентами, что называется “с ходу”, были обвинения в их расплывчатости и неконкретности. В будущем нам, видимо, следует избегать выдвижения такого рода идей-“футляров”, которые кто-то за нас должен заполнять. Несколько прояснили концепцию тезисы последующих неофициальных документов и выступлений по конкретизации первоначально высказанной идеи нового евро-атлантического механизма. Однако и сегодня необходимы последовательные интеллектуальные и дипломатические усилия для прояснения того, чего действительно добивается Москва в решении задачи дальнейшего укрепления архитектуры евро-атлантической безопасности.

Пора сделать шаг по конкретизации наших предложений. Это целесообразно также и потому, что состоявшиеся первые обсуждения в рамках “процесса Корфу” уже вылились в обзор принципов и норм ОБСЕ и их практического применения. При этом ставится вопрос о целесообразности дальнейшего совершенствования механизмов Организации. Следует также ожидать, что центр дискуссии в Вене пойдет по пути обсуждения вопросов не только “жесткой” безопасности, но всего комплекса обязательств по ОБСЕ.

Вполне предсказуемо, что отдельные положения проекта Договора (который Россия пообещала внести в скором времени) могут оказаться неприемлемыми для ряда наших партнеров. К числу таких положений относятся прямые или косвенные формулировки, направленные на закрепление недопустимости дальнейшего расширения НАТО на Восток.

В свете этого целесообразно в качестве запасного варианта развития нашей позиции – одновременно с продвижением проекта Договора – инициировать параллельный, менее формализованный механизм для диалога. Его предметом стал бы комплексный обзор обязательств и механизмов обеспечения европейской безопасности. Такой обзор целесообразно организовать в более широком формате, нежели уже начавшийся обзор документов и возможностей ОБСЕ. В него необходимо включить анализ обязательств и механизмов, сложившихся на базе иных европейских организаций, занимающихся вопросами безопасности (в частности, НАТО и ЕС).

Ориентиром этой работы могла бы служить закрепленная в Заключительном акте Хельсинки и традиционная для ОБСЕ схема деления рассматриваемой в рамках организации проблематики на три основных блока-“корзины”: политика, экономика, гуманитарные вопросы.

Результатом такого комплексного обзора проблематики обеспечения европейской безопасности стала бы подготовка обзорного документа, в рам-

ках которого были бы обобщены принятые в рамках ОБСЕ обязательства и механизмы и дана оценка степени претворения этих обязательств в жизнь и действенности существующих механизмов. В нем содержались бы также рекомендации, касающиеся способов повышения эффективности уже принятых обязательств по ОБСЕ, их согласованной интерпретации. В сжатой форме воспроизвелись бы обязательства в сфере безопасности, действующие в отношениях НАТО и ЕС с не входящими в их состав государствами-участниками ОБСЕ (прежде всего – с Россией).

Нам требуется раскрыть, как мы расшифровываем базовые положения предлагаемого Договора (в частности, неприменение силы, неделимость безопасности, мирное урегулирование споров и др.). Тем более, что в многочисленных документах по вопросам европейской безопасности, и в особенности в документах ОБСЕ, эти принципы и нормы уже определенным образом конкретизированы.

Можно было бы исходить из того, что отправной точкой для достижения возможных будущих договоренностей по рассматриваемому проекту, видимо, должно стать наше предложение партнерам начать работу по набрасыванию текста проекта документа (декларации, “плана действий”, “дорожной карты” и т.п.), сформулированного таким образом, чтобы его основные положения могли бы быть на этом этапе в самом общем плане поддержаны западными державами.

В данном документе следовало бы по максимуму учесть приемлемые для России элементы позиций наших западных партнеров, прежде всего ЕС и НАТО. Это позволило бы избежать продолжения бесцельных вопросов и настраивало на конкретный конечный результат.

Такой итоговый документ – в первом приближении – мог бы состоять из нескольких смысловых “блоков”.

В *первом* содержалось бы изложение **основных философских и “идеологических” постулатов, объединяющих страны Евро-Атлантики**, – базовые демократические ценности, идеи “свободы, равенства и братства”, свободы совести, уважения всей совокупности прав человека, видение современного миропорядка на основе дальнейшей демократизации международных отношений в стремительно глобализирующемся мире, концепция разделения властей и контроля гражданского общества над государственным аппаратом, идеи развития регионализма и прав коммун и муниципалитетов в противовес гегемонии общегосударственной бюрократии, местного самоуправления, развитие гражданских свобод, неприятие расизма и любого вида дискриминации и ксенофобии и т.д.

Во *втором* смысловом блоке рассматривались бы **общие концепции безопасности** на основе изложения общепринятых принципов международного права, Устава ООН, Хельсинского акта и других документов ОБСЕ, аксиом мировой политической мысли типа концепций коллективной “неделимой” безопасности для всех, приемлемых положений Европейской концепции безопасности “Безопасная Европа в изменяющемся мире” и т.п.

Отсюда перебрасывался бы логический “мостик” к самой сложной из-за различия подходов части работы – **оценке современной геополитической ситуации на евро-атлантическом пространстве и изложению согласованных позиций по плану совместных действий**, направленных на парирование новых вызовов и угроз, была бы сформулирована программа перехода к новой архитектуре безопасности с указанием ее

организационных форм, модальностей поэтапной разработки и реализации.

В конкретном плане мы могли бы предложить на рассмотрение партнеров ряд идей – вроде создания в рамках обновляемой ОБСЕ “Центра мониторинга военно-политической ситуации на евро-атлантическом пространстве”.

При обнаружении угрожающей ситуации он передавал бы собранные им в реальном времени факты и данные в новый Консультационно-согласительный механизм (Совет). В этом органе участвовали бы все заинтересованные государства, а также страны-медиаторы.

Своего рода “Советом Безопасности” новой ОБСЕ мог бы стать Совет по урегулированию конфликтных ситуаций. Он функционировал бы в связке с Координационным комитетом по миротворческим операциям (с участием соответствующих структур региональных организаций). Такие операции проводились бы, в том числе, и по мандату ОБСЕ.

Существовала бы и структура для связи с другими международными региональными организациями (ЕС, Советом Европы, НАТО, СНГ, ОДКБ и др.) для обмена информацией, согласования общих позиций по вопросам, затрагивающим общие интересы.

Для проработки всех этих идей можно было бы создать некий рабочий орган, например, Рабочий комитет, для подготовки и согласования необходимых документов и решений, которые по мере готовности вносились бы на рассмотрение государств-участников на пространстве ОБСЕ.

Третий блок касался бы **вопросов разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ**.

России следовало бы смелее прописывать в нем готовность к радикаль-

ным сокращениям стратегических ядерных вооружений в увязке с ограничениями на системы глобальной ПРО, а в перспективе – и миру без ядерного оружия, не предоставляя нынешней администрации США возможность перехватывать этот традиционный для нас лозунг, который снискдал внешней политике Москвы столько сторонников в мире.

Следующий *смысловой блок* предлагаемого документа – *экономический*.

В нем следовало бы отразить нашу искреннюю заинтересованность в развитии равноправного сотрудничества в сферах энергетики, новейших технологий, в частности ядерной и авиационной промышленности, мирного космоса, информатики и современной оптики со странами Евро-Атлантики – от чего напрямую зависит успех поступательной модернизации страны.

Вероятно, *заключительные блоки – гуманитарный, экологический и культурный*.

В гуманитарном разделе нам следовало бы без ложной боязни выступить в поддержку основных принципов соблюдения прав человека. В этой области, конечно же, необходимо отметить клеветнические наскоки. Но скрупулезное соблюдение прав человека относится к коренным интересам страны и ее граждан, без чего Россия не сможет дальнее развиваться как современное демократическое государство.

Предлагаемое наполнение возможного будущего обзорного документа представляет собой лишь первую попытку конкретного осмыслиения и дальнейшего продвижения сформулированной российским Президентом идеи.

От успехов нашей дипломатии и экспертного сообщества в конкретизации данной инициативы и ее использовании для продвижения наших подходов к усилиям по стабилизации ситуации

на евро-атлантическом пространстве в конечном счете зависит дальнейшее укрепление внешнеполитических позиций

России, ее продвижение от засилья агрессивно-послушных “шариковых” к приходу “поколения Медведева”.

Примечания

¹ Кант И. К вечному миру. М., 1989.

² Лавров С. Сдерживание России: назад в будущее? // Россия в глобальной политике. 15-08-2007 // <http://www.globalaffairs.ru/articles/8043.html>

³ Press release “Corfu Process” launched to take European security dialogue forward, says OSCE Chairperson // http://www.osce.org/cio/item_1_38493.html

⁴ Нестратегическое ядерное оружие. Проблемы контроля и сокращения. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии. Московский физико-технический институт, 2004 // www.armscontrol.ru/pubs/NSNW_print_v2d.pdf

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

“Перезагрузка” в действии

Виктор Михин

Кажется, только вчера в торжественной обстановке государственный секретарь США Хилари Клинтон и министр иностранных дел России С.Лавров шутливо нажали на кнопку “новых отношений и возможностей” между двумя странами. Х.Клинтон объявила, что кнопка символизирует собой “перезагрузку” взаимоотношений и вывода их на новый, небывалый до сих пор уровень. Но почему-то на кнопке было написано слово “перегрузка”, а не то, что всем с улыбкой объясняла государственный секретарь.

Многие, умудренные опытом и знаниями специалисты, задали весьма резонный вопрос: “Что же все-таки имела в виду новая американская администрации? И случайна ли была ошибка? Или такие же умудренные опытом и знаниями профессионалы в Вашингтоне решили разыграть некую шутку, пообещав при этом Москве новые возможности в условиях “перегрузки”?

Москва, как обычно, всю эту игру приняла за чистую монету. И вот уже президент Дм. Медведев дает указания нашим министерствам и ведомствам скоординировать новые позиции с Вашингтоном в духе “перезагрузки”:

- самолетам НАТО и США облегчается пролет в Афганистан через российскую территорию;
- сразу же начинаются переговоры и координация действий между соответствующими ведомствами двух стран по борьбе с афганскими наркотиками;

– российская позиция по вопросу ядерных испытаний в Иране еще больше приближается к американской, о чем помпезно сообщают наши средства массовой информации.

Казалось, что на время официальная Москва забыла о разгуле насилия в Ираке, спровоцированном незаконной оккупацией американскими войсками территории этой арабской страны, на десятки тысяч миль отстоящей от США. Вновь американские астронавты регулярно летают на российскую космическую станцию, проводя многочис-

МИХИН Виктор Леонидович – член-корреспондент Академии естественных наук (РАЕН), действительный член Международной академии наук о природе и обществе (Московское отделение). Специалист по международным отношениям современной истории.

Ключевые слова: “перезагрузка”, политика “нового мышления”, НАТО, наркотики, наркотрафик, Договор СНВ-1, ракета с РГЧ.

ленные опыты. К этому можно добавить и многие другие более мелкие факты, свидетельствующие об искреннем желании Москвы улучшить отношения между двумя странами, осуществлявшимися на практике их "перезагрузку".

Кстати, буквально на днях российские летчики проявили еще один акт "братского" героизма, вписывающийся в наше понимание политики "перезагрузки".

Вертолет Ми-26 российской транспортной компании "Вертикаль-Т", которая занимается грузовыми перевозками для международных сил в Афганистане, успешно эвакуировал буквально перед носом талибов* подбитый американский вертолет "Чинук".

Ми-26 пролетел с закрепленным на внешней подвеске американским вертолетом 110 км, тем самым спасая и вертолет, и самое главное, – американский экипаж.

Президент США Барак Обама в духе времени выразил признательность российской стороне за успешно проведенную эвакуацию подбитого американского вертолета.

"Со стороны руководства Соединенных Штатов в лице президента российскому руководству была выражена признательность за этот самоотверженный шаг и поступок наших специалистов, которые работают в Афганистане", – заявил официальный представитель МИД России Несторенко.

Правда, в этой связи почему-то вспоминаются сбитые американскими "Стингерами" в Афганистане наши самолеты и погибшие русские летчики.

Тогда это самое современное оружие и материальную помощь в размере до 1 млрд. долл. в год США поставляли террористам, типа Усама бен Ладен.

Вспоминается также и высказывание тогдашнего американского президента по поводу нашей борьбы против афганских террористов: "Мы заставим русских умыться собственной кровью в Афганистане!"

В этой связи давайте более внимательно посмотрим, случайно ли сделана "описка" на пресловутой коробке?

И насколько изменилась политика Вашингтона в отношении России?

Поначалу, казалось, что новая администрация все-таки решила проявить новые подходы к этой политике, расчистить завалы, существовавшие до этого между двумя партнерами. Своебразным тестом могла бы стать новая позиция Вашингтона в отношении отказа от создания третьего позиционного района своей стратегической ПРО в Восточной Европе.

И вдруг, о чудо, это на самом деле случилось!

Вашингтон как-то невнятно, но все же заявил о своем нежелании размещать ракеты и радар на территориях дружественных им Чехии и Польши.

Эта тема стала самой горячей новостью на всех телевизионных каналах, на большинстве радиостанций и практически во всех более или менее значимых печатных СМИ. Лейтмотивом многих публикаций и комментариев, особенно западных, да и некоторых отечественных, стала мысль о том, что, Барак Обама сделал России очень серьезную уступку и теперь Кремль должен отплатить ему той же монетой.

К примеру, оказать давление на Тегеран, чтобы тот свернул свою программу создания ядерного оружия, или отказаться от контракта на поставку в Иран зенитно-ракетной системы С-300ПМУ-1.

И, тем не менее, новая позиция Вашингтона была с пониманием и благодарностью принята Кремлем. Но пока наши руководители думали о новых реалиях, сложившихся как на Европейском континенте, так и в отношениях между нашими странами, как пришла

* "Талибан" был создан и профинансирован США для борьбы против СССР.

вдруг весьма неожиданная для них весть. Оказывается, США и не думали совершенно отказываться от ПРО в Европе. Их просто не так поняли. США отказались от старой схемы размещения ПРО, но в угоду новой, более современной и размещенной на территории большего количества европейских стран.

17 сентября 2009 г. министр обороны США Роберт Гейтс представил модифицированный проект американской системы ПРО в Европе. Р.Гейтс отметил, что наибольшую угрозу европейской безопасности на данный момент представляют не межконтинентальные баллистические ракеты, для перехвата которых была спроектирована предыдущая система ПРО, а ракеты средней и малой дальности (типа иранских "Шахаб-3").

США планируют разворачивать новую систему ПРО в четыре этапа:

– до 2011 г. в Европе будут развернуты системы *Aegis* морского базирования с противоракетами *SM-3 Block IA*. Командные пункты для этих систем и предполагается создать в Польше. Следующие три этапа, которые планируется завершить до 2020 г., включают последовательное развертывание наземных ракет *SM-3 Block IB*, *SM-3 Block II A* и, наконец, *SM-3 Block II B*.

Последняя модификация сможет защитить США и их союзников не только от ракет средней дальности, но и от межконтинентальных баллистических ракет. Кроме того, как сообщил вице-президент США Джозеф Байден в конце октября, заканчивая свое европейское турне, к концу года в Румынии должно быть закончено строительство американской военной базы, которая примет около 1,6 тыс. американских военнослужащих.

К 2011–2012 гг. аналогичный объект у американцев появится в Болгарии. Польша и Чехия уже дали согла-

сие Вашингтону принять элементы новой ПРО.

Кстати, американские наблюдатели называют эту европейскую поездку Дж.Байдена "миссией по исправлению ущерба, нанесенного отношениям США с восточноевропейскими странами заявлением президента Барака Обамы о корректировке плана ПРО в Европе".

Не слабо!

Аналитики обратили внимание, что американский гость достаточно легко добился обещаний премьера Польши Дональда Туска и президента республики Леха Качиньского принять элементы новой системы противоракетной обороны США. Комплексы *SM-3* ("Стандарт"), способные поражать вражеские ракеты средней и меньшей дальности, могут появиться в Польше в 2018 г. В случае ратификации польским парламентом соответствующих договоренностей с США установки развернут на той же базе в Редзиково (север Польши), которая по плану экс-президента США Дж.Буша должна была принять 10 американских противоракет *GBI* шахтного базирования.

Бывший посол США в Польше Виктор Эш разъяснил, что для Польши значение играл не тип развертываемой американской ПРО, а тот факт, что вместе с нею на польской земле появятся американские военные.

"Польша считает, что в случае атаки более вероятно, что США отреагируют, если на ее территории будут находиться американцы", – сообщает со ссылкой на Виктора Эша *"New York Times"*.

Джеймс Роббинс, старший научный сотрудник washingtonского мозгового треста *American Foreign Policy Council*, которого цитирует издание Пентагона, отметил, что появление баз в Румынии и Болгарии вписывается в американскую глобальную стратегию по передислокации сил США и их переброске

из Германии в восточном направлении. Содержание американских военных в Румынии и Болгарии обойдется дешевле, и они будут ближе как к России, так и странам Ближнего Востока, утверждает Дж.Роббинс.

Вашингтон, понимая, что новые планы по размещению американской ПРО в Европе, уж никак не вписываются в политику “перезагрузки” и, попытавшись неуклюже сделать “хорошую мину при плохой игре”, решил сделать акцент на более тесном сотрудничестве НАТО, США и России по европейской ПРО и, особенно, по Афганистану.

Как заявил генсек НАТО Расмуссен, НАТО и России необходимо совместно рассмотреть общие вызовы ХХI в. Этот и другие вопросы, по словам генсека альянса, он намерен обсудить в ноябре с российским руководством. Расмуссен выразил надежду на более активном участии России в урегулировании ситуации в Афганистане (видимо, считая, что на этот раз террористы, типа Усамы бен Ладена не будут “Стингерами” сбивать российские самолеты) и намерен расширить взаимодействие с Россией в области европейской ПРО.

По его мнению, данную задачу облегчает провозглашение американской администрацией во главе с Бараком Обамой новой стратегии США в этой области.

Свою лепту тут же внес и Барак Обама, который призвал укреплять отношения между Россией и США, Россией и НАТО.

Данное заявление, как сообщает *Reuters*, он сделал после встречи с генеральным секретарем НАТО Расмуссеном в Белом доме. Со слов Б.Обамы, он и глава НАТО занимают одинаковую позицию в вопросе укрепления отношений с Россией даже в условиях

опасений Москвы по поводу американского плана ПРО.

Американский лидер подчеркнул: “Очень важно, чтобы мы вели диалог с Россией и находили такую конфигурацию нашей ПРО, которая бы вела к дальнейшему сотрудничеству с Россией”.

В условиях размещения и нацеливания ПРО на Россию, добавим мы.

Вполне естественно, что США и НАТО больше интересуют положение в Афганистане, Ираке, Иране, где они потерпели фиаско, и теперь призывают нас включиться в урегулировании этих конфликтов. А если вещи называть своими именами, то Запад считает, что Москва, которая обладает хорошими связями и отношениями с этими азиатскими странами, должна для них “таскать из огня каштаны”.

Но нас больше интересуют европейские страны, находящиеся на наших границах и на территории которых не сегодня, так завтра будут размещены ракеты американской ПРО.

Чем же здесь может нам помочь американская “перезагрузка”?

Интересное наблюдение в этой связи сделал профессор российских исследований Университета Нью-Йорка, известный политолог Стивен Коэн: “ Все небольшие государства на российских границах, которым было обещано членство в НАТО, не налаживают независимые и мирные отношения с Москвой (территориальные, этнические, энергетические и пр.), а лупят Россию по носу и прячутся за спиной США. Другими словами, ни страны Балтии, ни Украина или Грузия не имеют стимула налаживать полновесные дипломатические отношения с Россией, поскольку считают, что США и НАТО придут им на помощь вне зависимости от того, что они сделали”.

Как говорится, яснее не скажешь.

И он же продолжает: “В начале 1990-х, при президенте Джордже Буше-старшем и его госсекретаре Джеймсе Бейкере, Со-

единенные Штаты согласились с тем, что НАТО не будет расширяться за пределы объединенной Германии. Однако во время правления Билла Клинтона, а затем и Джорджа Буша-младшего НАТО открыло двери не только для стран бывшего Варшавского договора (Польша, Чехия и др.), но и для бывших советских прибалтийских республик, а также рассматривало возможность принять в альянс и Грузию с Украиной. Прибавьте к этому решение второго президента Буша в одностороннем порядке выйти из договора по противоракетной обороне, который русские считали "основанием своей ядерной безопасности" – и можно понять, почему сегодня русские скептически относятся к США".

Но если уж вернуться к Афганистану, то нас больше волнует неконтролируемый поток наркотиков в Россию.

Как же на это сможет среагировать американская "перезагрузка"?

Общеизвестно, что после вторжения туда американских и натовских войск, общий объем производства наркотиков возрос более, чем в три раза.

По данным за 2008 г. урожай опия в Афганистане составлял 8,2 тыс. т, занятые под ним сельскохозяйственные площади достигали 193 тыс.га, а общий доход наркоторговцев в Афганистане составлял 4 млрд. долл.

Однако это в Афганистане.

Известно, что в развитых странах Европы, России и США цена на готовые наркотики превышает цену на опий сырье в Афганистане в десять и более раз.

Генеральный секретарь Организации Договора о коллективной безопасности Н.Бордюжа, заявил, что проблема наркотрафика не беспокоит ни НАТО, ни США. По его словам, несмотря на "ужасные тенденции распространения наркотиков во многие страны, в том числе в Европу, НАТО в течение последних трех лет категорически отказывается от какого-либо сотрудничества с ОДКБ" в области борьбы с незаконным наркотрафиком.

А ведь Россия в последнее время занимает первое место среди всех стран мира по потреблению героина, на ее долю приходится 21% всего производимого в мире героина и 5% всех опиумо-содержащих наркотиков. Об этом говорится в обнародованном накануне в Вене докладе "Наркомания, преступность и повстанческое движение: угроза транзита опиума из Афганистана".

Документ был подготовлен экспертами Управления ООН по наркотикам и предупреждению преступности на основании своих исследований и данных, предоставленных государствами, в том числе и соответствующими российскими органами.

И вот появляются новые совместные акции, о которых довольно подробно рассказал директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН): Виктор Иванов.

По его словам: "Достигнуты договоренности, связанные с изучением опыта борьбы с наркотрафиком на границе. В рамках этого соглашения планируется визит российских специалистов в погранзону США – Мексика и, соответственно, выезд американских специалистов на российско-казахстанскую границу.

Решено также изучить опыт наркосудов в США. В этих целях предполагается визит в Соединенные Штаты российских наркополицейских, наркологов и представителей судебной власти".

Кроме того, по заявлению В.Иванова, в рамках рабочей группы ФСКН предложила американским коллегам создать три рабочие подгруппы, которые бы наладили взаимодействие в сферах борьбы с наркотрафиком, профилактики и лечения наркомании, а также совершенствования правовых стандартов, администрирования и уголовно-судебного преследования.

"Мы предложили американской стороне проработать вопрос обмена инструментами идентификации наркокартелей, –

особо подчеркнул руководитель ФСКН В.Иванов, – мы уже передали нашим американским коллегам бренды наркосодержащих веществ 175 афганских наркокартелей и рассчитываем получить данные на 50 афганских наркобаронов, составленные правоохранительными органами США".

Видимо, любой читающий эти строчки, вправе задаться вопросом : "Свежо предание, да верится с трудом!".

Ведь учитывая катастрофическое положение России из-за нахлынувших из соседней страны наркотиков, нам необходима помочь американцев не в создании очередных комиссий и комитетов, а практических и быстрых результатов, если уж не по уничтожению, то, по крайней мере, резкому ограничению распространения наркотиков из Афганистана в нашу страну. Ни для кого не секрет, что афганский наркотрек с момента оккупации этой страны контролируют спецслужбы США. Именно они несут ответственность за резко возросший поток наркотиков в нашу страну при прямом попустительстве афганских и среднеазиатских силовиков и чиновников.

Кстати, проверкой заинтересованности Вашингтона в политике "перезагрузки" может стать декабрь 2009 г., когда истекает срок действия Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1), подписанного СССР и США в 1991 г. и вступившего в силу уже после распада Советского Союза (1994 г.)

После прихода к власти в США нового президента в 2009 г. Москва и Вашингтон начали готовить новую договоренность по контролю над вооружениями, и в июле Б.Обама и В.Медведев подписали рамочное соглашение к будущему договору о СНВ. В частности, стороны предполагают сократить количество ядерных боезарядов до 1500–

1675 единиц, а их носителей – до 500–1100 единиц, то есть практически вдвое по сравнению с нынешними показателями.

Но уже сейчас, республиканцы в Сенате возражают против плана президента Обамы заключить к концу этого года новый договор по СНВ.

Так, например, сенатор-республиканец из штата Аризона Джон Кайл поднял вопрос о "нарушениях" договора со стороны России, которая вооружается новыми межконтинентальными баллистическими ракетами стратегического назначения РС-24 с разделяющимися головными частями. Это означает, что число носителей будет соответствовать соглашению, но число боеголовок увеличится втройне. По мнению сенатора, беря на вооружение эту ракету, Россия нарушает если не букву, то дух американо-российского договора.

"Как можно заключать новый договор со страной, которая нарушила старый?" – демагогически спрашивает сенатор.

С ним согласен американский эксперт по вопросам вооружений, научный сотрудник washingtonского Фонда "Наследие" Бейкер Спринг: "Некоторые подвергают сомнению надежность России как партнера, поскольку она не выполняет своих обязательств. Я думаю, Кремлю следовало бы каким-то образом гарантировать соблюдение всех пунктов соглашения. Видимо, президенту Б.Обаме придется приложить немало усилий, чтобы убедить американцев в том, что России можно верить. Труднее всего будет убедить сенаторов, которые должны ратифицировать новый договор".

Как говорит китайская пословица: "Трудно спрашивать мнение о прекрасной панораме человека, который является слепцом".

Если чего-то не хочешь – предлог всегда найдется.

Кроме того, возникает и другой вполне закономерный вопрос: "А, что,

разве на вооружении США не состоят подобные ракеты с разделяющимися головными частями? А как в отношении американских ракет морского базирования, которых во много раз больше российских, и которые Пентагон ни при каком виде не хочет сокращать?"*. Тем не менее, мы идем на сокращение ядерного вооружения, считая, что подобный шаг будет отвечать чаяниям народов всего мира.

Политика, как известно, на 90% и возможно более, определяется экономикой, взаимными связями и торговлей. Давайте посмотрим, как же обстоят дела в этой области?

На протяжении последних лет на долю Америки приходится более 4% внешнего товарооборота России, тогда как доля России во внешней торговле США составляет 1%.

Созданный недавно двусторонний Совет президентов Б.Обамы и Дм.Медведева ставит вопрос о развитии делового и экономического сотрудничества во главу угла. По мнению министра иностранных дел С.Лаврова, экономическое сотрудничество между Россией и США имеет огромный потенциал. Для американского инвестора растущий российский средний класс является большим потенциалом для внедрения в нашу экономику.

"Российский рынок еще не перенасыщен товарами, и как только экономика пойдет на улучшение, россияне тоже быстро вернутся на прежний уровень потребления", – утверждает Джек Барнетт, представитель Российско-Американской торговой палаты в Вашингтоне.

Америка экспортирует в нашу страну, прежде всего, технику, машины для сельского хозяйства, автомобили и

продукты питания. Россия же является стратегическим партнером США в области энергетики, а нефть и продукты ее переработки являются основным российским экспортом.

Но помимо природных ресурсов, Россия интересна для Америки своим человеческим капиталом. "Российские программисты и компьютерные инженеры представляют огромный интерес для Америки", – говорит Барнетт.

Например, Интернет-компания "Яндекс" планирует открыть филиал в Америке, и это уже большое достижение российских специалистов. Американский рынок – самый крупный в мире для Интернет-компаний и технологий. А для американской самолетостроительной компании "Боинг" научный капитал в России как нельзя лучше подходит для налаживания производства на ее территории.

Но в настоящее время объем сотрудничества сократился на 40%, и например, в 2008 г. составил всего 22 млрд. долл. Видимо, не надо здесь приводить в качестве примера тот факт, что с многими странами мира подобный товарооборот США составляет значительно более 100 млрд. долл. в год.

Другими словами, экономика не может оказать решающего значения на наши отношения в сторону их улучшения. Как говорится, нет основы.

Правда, надо честно признаться, что нынешнему президенту Б.Обаме весьма трудно начать политику "нового мышления", и в какой-то мере в этом виновата Москва. Американские политологи честно заявляют, что на самом деле, Вашингтон настолько привык к российской пассивности и бессилию, что сопротивление России он уже не мог объяснить иначе, как ее агрессивностью и имперскими устремлениями.

* По всей вероятности автор имеет в виду крылатые ракеты, которые США ни под каким видом не хотят сокращать или ограничивать. (Прим. ред.).

Если 90-е годы были периодом нормального состояния отношений, то любая манера поведения России, когда она не выступает как павший ниц просятель, подпадает под определение ничем не спровоцированной раздражительности. Вполне возможно, что государственные мужи и ученые аналитики, привыкшие смотреть на Россию через призму собственного опыта 90-х годов, на самом деле не в состоянии понять, что такие определения крайне ошибочны. А если это так, заявляют американские “русисты”, то вряд ли стоит надеяться на исправление в ближайшее время нашей политики в отношении России. Ведь постоянные попытки представить ее в качестве “агрессивной” и “ревизионистской” державы это не просто пропаганда или интеллектуальная непорядочность. Все гораздо хуже, так как эти попытки вытекают из полной неспособности понять то, что 90-е годы в России (и во всем мире) были исключительным и не-повторимым периодом, и в будущем ситуация будет совершенно иной.

Если это действительно верно, то “перезагрузка” это не просто попытка реанимировать клиントоновскую политику в отношении России, а стремление жить в прошлом, делая вид, будто исключительный период в истории это норма, и что все так и должно быть.

Вполне очевидно, что нынешнему президенту просто не на кого опереться в проведении “перезагрузки”.

Бывшие администрации и члены их команд – кстати, ряд из них работает при Б.Абаме – предпочитали относиться к России не как к равному партнеру, а как к побежденной державе.

Как пишут американские политологи, логика была следующей: Россия проиграла холодную войну, а Америка ее выиграла. Следовательно, Россия находится на одном уровне с Японией и Германией после Второй мировой

войны. В результате, Вашингтон был убежден в своем праве диктовать Москву то, что ей делать в области внутренней политики и экономики, и в том, что российские интересы на внешнеполитической арене должны быть идентичны американским. То есть, проблема возникла почти 20 лет назад и вот почему она столь серьезна.

Обидно, что когда появился шанс оторваться от негативного наследия 90-х годов и начать игру с “чистого листа”, эта возможность не была использована и, более того, ситуация осложнилась. После атаки на США 11 сентября 2001 г., мы помогли США в борьбе с афганским “Талибаном” больше, чем любая другая страна мира, больше, чем любая страна НАТО. Россия снабдила США разведывательной информацией, она позволила использовать свое воздушное пространство, что сделало возможным размещение военных баз в Центральной Азии. Более того, Москва даже предоставила в распоряжение США поддерживаемые ею боевые силы – “Северный Альянс” в Афганистане, что сохранило множество жизней американцев.

В.Путин разумно предполагал, отмечает в этой связи С.Коэн, что после всего этого отношения перейдут на уровень реального и равного партнерства с Соединенными Штатами.

Однако что Россия получила после того, как “Талибан” был отстранен от власти?

Россия была исключена из числа государств, которые занимались политическим устройством Афганистана. США захотели постоянных военных баз в Центральной Азии, несмотря на то, что изначально заявляли, что эти базы будут только временными. Вашингтон в одностороннем порядке вышел из Договора о противоракетной

обороне, который Россия считала основой ядерной безопасности. Более того, заключает С.Коэн, идя по стопам Клинтона, администрация Буша еще более придвинула НАТО к российским границам.

Позднее В.Путин сказал, что Россия была предана и обманута, и это очень важное заявление. Когда президент Дм.Медведев приехал в Вашингтон в начале 2009 г., он принял участие во встрече с экспертами Совета по внешней политике, во главе с Мадлен Олбрайт. Медведев повторил ту же самую мысль и сказал, что США упустили возможность создания партнерства с Россией после 11 сентября 2001 г.

Другими словами, было два ключевых момента, когда существовала реальная возможность наладить настоещее стратегическое партнерство с постсоветской Россией. В первом случае, Вашингтон стал на путь проведения неумной политики. Во втором – наказал Москву после того, как получил от нее столько помощи. Американцы не понимают или не знают этой истории, в то время как Москва никогда об этом не забудет и продолжает негодовать по этому поводу.

Народы, например русский, обладают хорошей памятью, и мы в России хорошо помним события конца

Сейчас, как мы видим, дело обстоит еще проще.

Через некоторое время США, объегорив нас в очередной раз, так же нагло зададут нам вопрос – “А, кто Вам собственно сказал, что мы, новая администрация, имели в виду “новое мышление?”.

Ведь на “документе” (пресловутая коробочка с большой кнопкой) ясно же и четко было написано “перегрузка”. Ну, а что Вы сами подумали по этому поводу – это Ваше дело. Мы в Вашингтоне к этому никакого отношения не имеем”.

Осталось немного времени, чтобы убедиться в истинности этих слов и понять, что история вновь и вновь повторяется, почему-то поворачиваясь к нам, как в известной сказке, задом.

Но все же так хочется верить в сказку и надеяться на чудо!

80-х годов прошлого столетия. Тогда М.Горбачев, опьяненный политикой “нового мышления” (сравните с нынешней “перезагрузкой”) пытался договориться с Западом и, в первую очередь, с США. Договоренности были достигнуты: СССР сдает социалистические страны Европы, распускает Варшавский договор и как побежденная страна выводит все войска из Европы. Взамен этого, как “блеял” тогдашний Генеральный секретарь КПСС, Запад якобы распускает НАТО и для выводящихся войск из стран Европы строит в Советском Союзе новые дома.

Прошло время и что мы увидели: НАТО не только самораспустилось, но и подошло впрямую к нашим новым границам, стало проводить наряду с США агрессивные захватнические акции в бывшей Югославии, Афганистане, Ираке, а ныне угрожает Ирану.

Выведенные войска из Европы разместились в чистом поле, а территория России стала коридором для пролета американских военных самолетов в Афганистан.

Когда же стал вопрос об обязательствах Запада в рамках “нового мышления”, то там ответили просто: “А где подписанные документы о том, что Вам наплел Горбачев? Он просто не понял нас и к тому же был некачественный перевод!”

Двойные стандарты Запада против терроризма

Андрей Олейник

Международный терроризм остается опасным социально-политическим явлением в современном мире.

К сожалению, в политике западных государств, прежде всего входящих в блок НАТО, по отношению к нему широкое распространение получила идеология двойных стандартов, что в значительной степени затрудняет борьбу с террористами всех мастей. Прежде всего, это проявляется в подходе стран Запада к оценкам борьбы с терроризмом в России.

В основе – политическая конъюнктура

Именно политическая конъюнктура лежит в основе отношения западных государств и многочисленных зарубежных организаций к оценке терроризма в современных условиях. Им выгодно в этом отношении придерживаться двойных стандартов. Если США и другие страны НАТО оккупируют Ирак и Афганистан под предлогом борьбы с терроризмом – это законно, а если, например, Россия борется с террористами на Северном Кавказе или Сербия в Косово – это нарушение норм международного права.

В условиях формирования глобальной информационной сферы современный терроризм стал высоко эффективным орудием оказания устрашающего воздействия на миллионы людей, дестабилизации социально-политической обстановки в различных регионах мира.

Положительный исход в Карибском кризисе был закономерным следствием того, что в годы холодной войны друг другу противостояли “вменяемые противники”, а не правители-самоубийцы, не фанаты типа воинов джихада, “а

ОЛЕЙНИК Андрей Витальевич – кандидат юридических наук.

Ключевые слова: двойные стандарты; политическая конъюнктура; терроризм; террористическая деятельность.

люди, для которых, – как отмечается в проекте Стратегии национальной обороны США, – понятие “неприемлемого ущерба” было сдерживающим фактором”.

Теория и практика “малых войн” к началу XXI в. претерпела определенные изменения.

Раньше под этим термином можно было понимать “восстание”, “вооруженный мятеж”, “партизанскую борьбу”, “диверсионную войну”, “межнациональный конфликт”, “локальный конфликт”, “вооруженное национально-освободительное движение”, “бандитско-повстанческую деятельность”, “классический терроризм” как разнообразные формы военного конфликта на ограниченной территории и с участием ограниченного числа участников противоборства.

Сегодня же появилась глобальная угроза терроризма, когда незначительная группа фанатично настроенных людей способна совершать террористические акты с уничтожением в массовом количестве мирного населения либо с угрозой применения оружия массового поражения.

В современной России такими трагическими примерами можно назвать террористические акты в Буденновске и Кизляре, Москве и Волгодонске, Махачкале и Беслане.

Такие примеры приобретают многообразные формы на Западе и Ближнем Востоке (США и Испания, Ливия и Ирак и т.д.).

Уровень коварства, фанатизма и жестокости терроризма привел к уничтожению многоэтажных домов, захвату больниц, школ и театров, многочисленным безвинным жертвам.

Тerror перешел от избирательного, точечного удара к массовым атакам с использованием различных средств уничтожения.

Массовая атака с применением химического и биологического оружия в япон-

ском метро в 90-х годах sectой “АУМ Синреке” (образована в 1987 г.) явилась предвестником новой потенциальной угрозы жизни большей части людей.

Стихия насилия позволяет небольшой группе людей, обладающих незначительными ресурсами, оказывать существенное воздействие на сильные государства, существенно влиять на жизнь отдельных регионов и в целом планеты.

Арсенал боевых средств террористических группировок пополняется взрывными устройствами новых типов, обладающими значительной разрушительной силой, и оружием, которое трудно обнаружить обычными средствами технического контроля (например, пластиковые автоматы “Клос 17–19”).

На рубеже ХХ–XXI вв. терроризм получил новое измерение.

События в Чечне и многочисленные террористические акты с уничтожением огромных масс мирного населения, рейды террористов в Москве и Буденновске, Дагестане и Беслане, угроза террористических атак на ядерные объекты свидетельствуют о появлении новой опасности для жизни человечества независимо от границ.

В роли заказчиков терроризма могут выступать экстремистски настроенные политические режимы, руководители спецслужб, транснациональные корпорации и зарубежные финансовые институты, националистические и клерикальные организации, представители “теневой экономики” и коррумпированные чиновники. Иными словами, практика борьбы с терроризмом нередко сталкивается с так называемой политикой двойных стандартов.

Мировая элита в лице транснациональных корпораций с центром на Западе выступает в роли заказчика политически острых и наиболее опасных форм террористических актов, а ведущие спецслужбы стран Запада (прежде всего

США и их союзников по НАТО) являются зачастую главными организаторами – исполнителями – субъектами международного терроризма, оказывают непосредственное воздействие на формирование идеологии современного терроризма в условиях глобализации.

Этот вывод напрашивается при строгом анализе современной политики США в Афганистане и Ираке.

Так, в Стратегии национальной разведки США, подписанной президентом Дж.Бушем 1 марта 2005 г., отмечается: "В Афганистане и Ираке мы видели несколько примеров того, как операции разведок враждебных государств вооружили террористов средствами поражения американских граждан. Вдобавок "Аль-Каида" и иные террористические организации применяют классические методы разведок по сбору информации, пополнению источников и управлению активами!".

Из этого утверждения вытекает, что террористическая угроза интересам США исходит исключительно из тех стран, которые не устраивают американскую администрацию. К этому списку добавляется сегодня Иран и Северная Корея, составляющие "ось зла" для США. В то же время, Вашингтон почему-то не замечает аналогичные проблемы в странах, выступающих союзниками и партнерами США (вклю-

чая ту же Турцию, Королевство Саудовская Аравия).

Очевидным становится тот факт, что мир снова поделен на "фаворитов" и "аутсайдеров".

Террористические организации существенно выигрывают тогда, когда располагают поддержкой государств-спонсоров.

Во второй половине 1995 г. в британской и французской прессе появились публикации о специфической роли спецслужб в Боснийской войне и подготовке "Дейтонского мира".

Авторы этих статей утверждают, что, по крайней мере, некоторые крупные террористические акты в Боснии (включая взрывы на рынке в Сараево), послужившие поводом для широкомасштабных военных действий НАТО против сербов, были подготовлены спецслужбами США, Германии и Турции и выполнены исламскими боевиками из разных стран мира.

Таким образом, в современных условиях мир и международная общественность постоянно сталкиваются с применением рядом государств политики двойных стандартов в противодействии современному терроризму.

Для понимания сути данного направления внешней политики государств необходимо обратиться к мировой истории использования терроризма.

Немного истории

Использование терроризма как инструмента для решения крупных государственных задач впервые освоила Великобритания (колонизация Индии, завоевание и освоение Южной

Африки и т.д.). Приоритет же использования терроризма в политических целях во второй половине XX в. принадлежит отнюдь не исламским странам, а США*.

* Одной из наиболее известных операций такого рода является нашумевшее дело "Ирангейт", когда высокопоставленные сотрудники ЦРУ Оливэр Норт, Ричард Секкорд, Уолтер Реймонд и другие осуществляли тайные продажи оружия "врагу" – Ирану, а на вырученные средства финансировали и оснащали террористические группы никарагуанских "контрас".

Менее известно то обстоятельство, что вся операция контролировалась тогдашним вице-президентом США Дж.Бушем, согласно директиве президента Рейгана №3 от 1982 г., по национальной безопасности.

Вовсе не безгрешны в этом вопросе Германия, Турция, Пакистан, Саудовская Аравия, Иордания и др.

В силу объективных причин на сегодняшний день не является секретом, что именно США сыграли немаловажную роль в становлении и распространении исламского терроризма.

Еще в январе 1979 г. американский политолог Зб.Бжезинский в статье в “Таймс” заявил, что “дуга напряженности” Иран – Афганистан – Индостан является серьезным вызовом Западу, но одновременно и наилучшим оружием против СССР. Затем администрация Рейгана поставила задачу “вышибить СССР из Афганистана”, для чего, по расчетам ЦРУ, требовалась “партизанская армия” из 150 тыс. моджахедов.

Сразу началось финансирование создания лагерей подготовки на территории Пакистана, поиск наиболее подходящих для США региональных террористических лидеров, масштабный транспорт для стрелкового и тяжелого оружия, организация особых “медресе” для “воспитания” будущего партизанского поколения.

В психофизической и боевой подготовке групп моджахедов и разработке их операций с самого начала участвовали штабисты и профессиональные инструкторы из спецслужб США и специалисты радикальных исламских центров.

Главной опорой США в формировании региональной среды терроризма в Центральной Азии стал Гульбеддин Хекматиар, быстро выросший не только в наиболее мощную региональную военную силу, но и в короля международного наркобизнеса.

По данным Управления по борьбе с наркотиками США, к началу 90-х годов Хекматиар контролировал почти половину пакистано-афганского опийного потока. По тем же данным, в настоящее время треть

героина поступает на американский рынок именно из Афганистана.

Глобальная антитеррористическая кампания США вряд ли что сможет изменить. Кроме того, США продолжали поддерживать Хекматиара финансами и оружием вплоть до 1994 г.

Однако недальновидность западных стратегов, видевших только ближайшую цель своей политики в Афганистане, в итоге привела к тому, что уже сегодня США и их ближайшие союзники не знают, как ликвидировать опасный источник терроризма и наркобизнеса, созданный фактически их же руками на афганской территории. Не знают, а где-то, может быть, и не хотят его окончательной ликвидации в расчете на то, что он еще может потребоваться в той geopolитической игре, которая продолжается к югу от российских границ.

После вывода советских войск из Афганистана и распада СССР исчезла одна из главных идеологических мотиваций моджахедов – борьба с “красным шайтаном”, и одновременно резко снизилось внешнее финансирование. С этого момента основная часть движения моджахедов стала необратимо распадаться, выходить в “чистый криминал” и рекрутироваться в преступно-террористические синдикаты в различных регионах мира. Но идеологически закаленное ядро моджахедского движения в количестве, по разным оценкам, от 8 до 15 тыс. боевиков, сохранилось и содержит в большинстве своем хорошо подготовленных фанатиков, мечтающих сражаться с “неверными”, готовых к самопожертвованию в любых точках планеты.

Эта, созданная под руководством США, террористическая армия является одним из основных факторов кристаллизации современной террористической среды в Северной Африке, Кашмире, Боснии, на Филиппинах,

Ближнем Востоке, в Чечне, Таджикистане и, как это уже не звучит парадоксально, в США* и Великобритании.

История отношений США к конкретным террористическим организациям достаточно отчетливо проявляет политику двойных стандартов.

Так, палестинское движение ХАМАС, стоящее сегодня в числе первых в американском списке опасных террористических организаций, еще недавно в открытую поддерживалось США.

В 1988 г. при поддержке шейха Джамали Саида в Соединенных Штатах была даже создана группа "Филиастин" ("Палестина"), целью которой стала "помочь братьям" на Западном берегу и в секторе Газа. ХАМАС использовало США как свою базу, а его штаб находился в здании Объединенной ассоциации научных исследований в Спрингфилде, что в получасе езды от Вашингтона².

После смерти лидера (председателя) повстанческого Национального союза за полное освобождение Анголы (УНИТА) Жонаса Савимби, который погиб во время вооруженного столкновения с правительственными войсками, стало известно, что эта организация начиная с 1966 г. пользовалась неограниченной поддержкой со стороны США.

Вашингтон перестал поддерживать Савимби лишь в 1998 г., после введения широкомасштабных санкций ООН против вооруженной ангольской оппозиции.

В октябре 1999 г. Государственный департамент США обнародовал очередной список террористических группировок в мире.

Список, обновляемый каждые два года, включает 28 организаций, первое место среди которых занимает группиро-

ва, возглавляемая международным террористом Усамой бен Ладеном.

Организации, действующие на территории России или бывших республик СССР, в этот список не включены.

По заявлению официального представителя Госдепартамента Джеймса Рубина, "мы в курсе сообщений о связи между Усамой бен Ладеном и некоторыми боевиками в Дагестане и Чечне, однако фактов, подтверждающих реальное участие бен Ладена или его людей в этом конфликте, а также перечисление им средств для чеченцев у нас нет".

Такая практика не отвечает коренным интересам мира и всеобщей безопасности.

Организационно специфические функции по проведению "тонкой политики" США возлагаются на Отдел специальных операций, созданный в структуре Оперативного директората ЦРУ. Деятельность отдела ведется в рамках проведения только тайных операций³.

Непосредственно подготовка террористов, диверсантов и убийц проводится на территории США и за рубежом на специально созданных базах и лагерях.

Параллельно ЦРУ вооружало и координировало деятельность уже существующих террористических организаций в некоторых регионах мира⁴.

Тайная деятельность администрации США за рубежом состоит не только в организации заговоров с целью свержения неугодного законного правительства, поскольку устанавливаемый извне режим не способен выжить самостоятельно. Поэтому деятельность спецслужб США направлена еще и на создание благоприятных условий для функционирования "марионеточных

* Не случайно бывший руководитель операций ЦРУ в Южной и Центральной Азии Чарльз Коган в 1995 г. признался в "Нью-Йорк Тайме": "...когда мы проводили эти операции, никому не приходила в голову гипотеза, что моджахеды придут в Америку".

режимов”, готовых проводить выгодную для Вашингтона политику. Эти условия предполагают наличие “репрессивных” (силовых) институтов и ультраправых террористических организаций.

Опасность данных процессов состоит в том, что симбиоз “угодных” западному государству террористов из инструмента тайной войны внутри государства и между государствами начинает превращаться в субъекта-посредника межгосударственной и мировой политики. В силу секретности такой политики и специфики своей посреднической роли, терроризм, отчасти, постепенно обретает полуавтономный или даже автономный характер, вплоть до подчинения государственных интересов собственным целям.

Так, в прямые и плодотворные контакты с аберром и гестапо вступили арабские фашистские группы, известные под названием “зеленорубашечников” и “братьев-мусульман”. Главными пунктами идеологического консенсуса в данном случае были юдофобия и “арийский” расизм.

По данным экспертов, “ливанская фланга” все 80-е годы активно финансировала торговлю кокаином, а также и левый, и правый терроризм в Латинской и Центральной Америке.

Основатель Антикоммунистического альянса Аргентины и наиболее свирепых “эскадронов смерти” Хосе Рега, астролог и главный советник Хуана Доминго Перона, одновременно являлся приятелем знаменитого гитлеровского “командос” Отто Скорцени, членом ложи Пи-2 и другом ее основателя Личчо Джелли.

С конца 70-х годов прослеживаются все более тесные связи радикального крыла баскской ЭТА-Милитар с тюркской фашистской организацией “Боз курд” (“Серые волки”). В данном случае “точкой соплания”, как считают эксперты, оказались “арийское язычество” и антилиберализм.

Одна из основательниц Всемирной антикоммунистической лиги (ВАКЛ), член

Черного Интернационала – Антикоммунистическая лига азиатских народов (АКЛАН) – создана прошедшими денацификацию японскими военными преступниками, имеющими давние и тесные контакты с радикальными буддийскими структурами.

По данным некоторых экспертов, с АКЛАН связана ставшая знаменитой секта “Аум Сенрике”.

Одним из признаков проведения государством политики двойных стандартов является размыт понятий.

Будучи стесненным множеством противоречивых международных принципов, современный терроризм как бы теряет свою острую негативность и начинает обрасти благопристойными одеждами.

Отстаивание “свободы”, защита “прав человека”, реализация “права на самоопределение”, записанные в международных декларациях в качестве базисных оснований современного мира, из-за своей неопределенности и широкого диапазона толкования как бы легализуют любые, в том числе террористические средства достижения установленных в законодательном порядке целей, что позволяет терроризму расширять свою социальную базу и одновременно дает возможность заказчикам и спонсорам террора оправдывать свои действия в глазах части общественности, произвольным и игровым образом соединяя, например, терроризм и национально-освободительную борьбу.

Ряд западных государств в последние годы все шире используют транслируемый СМИ террор для создания массовой “терророфобии”, которая немедленно оказывается инструментом для ведения политики отдельными государствами на международной арене.

Наиболее очевидным оказывается ее применение для внедрения в социальные массы “образов врага”. В тече-

ние продолжительного времени прослеживается выстраивание западными странами (при помощи угрозы террора) мифа о противостоянии: “цивилизованный западный мир” – “террористический исламский мир”. Под флагом этого мифа предпринимаются попытки военной и политической интеграции Запада в противовес Юго-Восточной “террористической угрозе”.

Очередные призывы к такой интеграции четко прозвучали на саммите в Шарм-Эш-Шейхе (1999 г.), а после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне стало возможным открыто осуществлять экспансию против неугодных государств, навесив на них ярлык государств-источников терроризма.

Одновременно делается небезуспешная попытка расколоть сам исламский мир по признаку отношения к террору на “антитеррористов” (Саудовская Аравия, Пакистан, Кувейт, Турция, Египет, Иордания, Эмираты) и “террористов” (Иран, Ирак, Ливия, Сирия, Ливан), “прикупив” союзников и изолировав противников.

При этом всем участникам данной политической игры хорошо известно, что Саудовская Аравия, Пакистан, Турция и Иордания являются районами базирования и главными спонсорами исламских террористических групп для Карабахской, Абхазской, Боснийской, Чеченской, Афганской, Таджикской войн, причастных к исламскому терроризму ничуть не меньше, чем Иран или Ливия.

Динамика развития событий в Передней Азии позволяет предположить, что сейчас рядом западных стран под знаменем “борьбы с терроризмом” готовится крупномасштабная акция против Ирана, которая будет осуществляться одновременно в Южном (интервенция из Персидского залива силами НАТО и ряда арабских государств), Северном (Иранский Азербайджан) и

Юго-Восточном (Белуджистан) районах страны.

Региональная ситуация дает возможность прогнозировать, что подобная акция, тактически убрав на время иранский фактор из ближневосточного процесса, стратегически взорвет весь исламский Восток, дестабилизирует южное “подбрюшье” России и резко снизит энергетическую безопасность многих стран Европы и АТР, крайне зависимых от ближневосточной нефти.

Наращивание военного потенциала и расширение полномочий спецслужб США под знаменем борьбы с терроризмом, конечно, “изящное” решение, но и слишком опасная игра для человечества.

Сенатская комиссия США при расследовании ряда конкретных дел, связанных с проведением террористических операций американской разведкой в отношении иностранных лидеров, было установлено, что в начале 60-х годов ЦРУ создало специальное подразделение, предназначенное для организации и осуществления убийств в рамках общей оперативной деятельности. Кодовое наименование подразделения было *ZR/RIFLE*.

“В целом проект *ZR/RIFLE* предназначался для решения вопросов, связанных с осуществлением убийств, и для создания в этих целях необходимой базы. Говоря более конкретно, в его функции входила подготовка потенциальных агентов-исполнителей и “разработка” техники убийств, которую можно было применять при том или ином случае”⁵.

Но есть и более крупные цели политического разыгрывания терророфобии.

Начиная с взрыва в Оклахома-Сити (1995 г.), с высочайших мировых трибун регулярно раздаются призывы к ограничению государственных суверенитетов или даже их отмене во имя международной борьбы с терроризмом.

Премьер-министр Швеции и член Комиссии Организации Объединенных Наций по проблемам глобального управления Ингвар Карлссон в докладе Комиссии сформулировал новое понятие глобальной ответственности и предложил ввести в Хартию ООН поправку, позволяющую Совету Безопасности "...действовать в тех случаях, когда право человека на безопасность нарушается настолько, что требует незамедлительной международной реакции".

А Жак Аттали завершил свой доклад в ООН предложениями, состоящими в том, что в связи с угрозой глобального терроризма целесообразно отказаться в международной политической практике от старых понятий суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела государств. Характерно, что в качестве судьи, принимающего решение о необходимости нарушения суверенитета той или иной страны ради борьбы с террором, чаще всего предлагается клуб развитых государств.

Новое время – новая идеология

Существует угроза создания в перспективе ситуации, когда на смену идеологии антисоветизма периода холодной войны может прийти новая идеология борьбы с терроризмом.

На эту мысль наводит и тот факт, с какой стремительной скоростью Соединенные Штаты Америки превратили 11 сентября в повод для объявления войны виртуальному международному терроризму, под который можно подвести любой субъект международных отношений не устраивающий администрацию Вашингтона.

Подтверждением этого выступает позиция США об исключительном праве выбирать по всему земному шару страны-мишени для ударов возмездия, не сообразуясь ни с ООН, ни с Советом Безопасности ООН, ни с региональными организациями, ни с нормами международного права.

Действия США можно определить уже как скординированные в рамках хорошо проработанной доктрины "большой войны".

Неуловимый террорист № 1 Усама Бен Ладен становится неким призраком, который бродит по уязвимым для интересов США странам и материкам. Его можно помешать в любой регион мира и проводить очередную реализацию собственных геополитических замыслов.

Под прикрытием акций возмездия США предпринимают меры для расположения своих баз и сил специального назначения на территории других независимых государств.

Особый интерес проявляется к странам СНГ: к Узбекистану, Таджикистану, Казахстану, Киргизстану, Азербайджану, Грузии.

Соответственно, Центрально-Азиатский регион позволяет США установить контроль Афганистана с севера, закавказский регион через Грузию обеспечивает выход на каспийскую нефть и Чечню, а с помощью Азербайджана получить контроль над нефтяной политикой Каспийского моря, стратегическими коммуникациями Кавказа и Центральной Азии и оказывать давление на Иран.

Подразделения спецназа и военные базы дают возможность США и надолго оставаться на территории той или иной страны, и сохранять контроль над регионом.

В настоящее время Госдепартамент США считает Иран одной из стран, способничающей международному терроризму.

Однако в поддержке террористов обвиняются и Куба, и Ливия, и Северная Корея, и Судан, и Сирия.

Проводимая в Афганистане и Ираке антитеррористическая операция

прямо указывает на то, что американцы не останавливаются ни перед чем при реализации своих намерений на мировой арене.

Конечно, подобный инструмент глобализации порождает ответную реакцию, в том числе и в форме “протестного терроризма” со стороны стран и народов, исповедующих ислам. Однако вряд ли стоит контртеррор антизападного, тем более антироссийского характера, рассматривать как ответную реакцию исламского мира⁶.

Наоборот, одной из причин и проявлений современного терроризма (как внутреннего, так и внешнего) является “исламский террор”, политический замысел радикальных сил (священнослужителей и национальных элит) стран и субъектов исламского мира.

Следует полагать, что “исламский террор” как политический феномен имеет свои особенности, различия в тактическом и стратегическом замыслах (в том числе по отношению к США, странам Западной Европы и России).

Если нет универсального подхода, поскольку различны политические амбиции мусульманских стран и организаций, то, следовательно, и алгоритм борьбы спецслужб с проявлениями “исламского терроризма” должен учитывать выявленные особенности и различия.

Радикальный ислам считает возможным в борьбе против Запада использовать любые средства борьбы, включая массовый террор.

Расширяется география дислокации баз подготовки исламских террористов.

Так, после второго этапа контртеррористической операции на территории Чеченской Республики и закрытия тренировочных лагерей в контролируемой чеченскими и международными

исламскими боевиками территории на Северном Кавказе, а также вслед за военной операцией США в Афганистане и Ираке и прекращением функционирования баз террористов, их сеть перекинулась на территории Индонезии, Филиппин, Африки и других стран.

При этом боевики, принимавшие участие в чеченском конфликте, получали подготовку и убежище в Турции, что бросает тень недоверия к демократическому курсу правящей элиты этой страны говорит о политике двойных стандартов в борьбе против международного терроризма.

Сегодня уже очевидно, что современный терроризм стал вполне самостоятельным, оформленвшимся явлением, которое захватило существенный сектор теневой экономики с его многомиллиардными оборотами и огромной армией организованной преступности.

Это превращает лидеров террористических организаций в контролеров мощнейших политico-экономических и военных ресурсов, то есть в нелегальных, но весьма серьезных потенциальных игроков на мировой политической, экономической и военной аренах.

Этот потенциал, осознаваемый в качестве так называемой “сферы террористических услуг”, не может не быть использован в своих интересах и легальными игроками современных международных отношений – государствами.

Однако в силу бесспорной незаконности и неприемлемости такого подхода к использованию данного явления и ввиду крайне значимого сегодня массового общественного мнения, привлечение субъектов терроризма государствами для решения собственных задач может осуществляться только в рамках

тайных операций*, проводимых специальными службами и организациями с молчаливого согласия (а точнее по инициативе и при полной негласной поддержке) государств в лице правящих кругов различных стран.

Сегодня много говорится о роли “террористических государств” в расширении террористической угрозы во всем мире.

К числу таковых относят Иран, Ливию, Ирак, Сирию и т.д., обвиняя их в поддержке и организации исламского терроризма. Однако односторонность этих обвинений можно объяснить лишь политической конъюнктурой.

Характер геостратегических интересов ряда зарубежных стран по отношению к России и ориентация их на использование экстремизма (в том числе современного терроризма) в качестве важного инструмента удовлетворения их геостратегических целей обуславливает формирование и использование этими зарубежными государствами так называемой политики двойных стандартов.

Скрытое участие указанных государств в инициировании и поддержке угрозы международного терроризма с использованием исламистского экстремизма (исламистской идеологии) в условиях объединения мирового сообщества для борьбы с терроризмом предопределяет использование этими государствами, с одной стороны, национальных и международных форм строгого контролируемого осуждения

международного терроризма и поддержки России в борьбе с ним, а с другой – использование различных форм поддержки террористов и затруднения антитеррористической деятельности России под флагом защиты прав человека, свободы национального самоопределения, обеспечения свободы вероисповедания.

Второй аспект политики двойных стандартов со стороны ряда зарубежных государств предполагает:

– предоставление политического убежища террористам всех мастей на своей территории, а также различного рода услуг по оказанию помощи структурам антироссийского направленного международного терроризма (для лечения, обучения и т.д.).

Например, как не политикой двойных стандартов назвать действия США по предоставлению политического убежища министру иностранных дел Ичкерии Ильясу Ахмадову, либо аналогичные действия Великобритании в отношении Ахмеда Закаева, либо пребывание Мовлади Удурова в Турции;

– недостаточная активность официальных властей как зарубежных западных, так и ряда ближневосточных государств в осуществлении провозглашенной ООН политики пресечения финансирования любым способом международных террористических организаций и иных структур терроризма.

В связи с этим обращает на себя внимание сохранение на территории Великобритании и ряда других госу-

* Законодательство США (ст. 503 Закона “О национальной безопасности”) дает такое определение тайных операций: “Тайные операции – это действие или действия правительства Соединенных Штатов по оказанию влияния на политическую, экономическую или военную обстановку за рубежом, при осуществлении которых предполагается, что роль правительства Соединенных Штатов не будет очевидной или публично признанной”.

Из этого можно сделать вывод, что субъектом проведения тайных операций является государство, а специальные службы – лишь субъектами отдельный действий и операций, выполняя способствующую функцию по реализации стратегических и тактических планов администрации США.

дарств фондов поддержки мусульман и оказание им материальной помощи; центров пропаганды международного терроризма под видом культурных, информационных и иных аналогичных структур; ведение прочеченской пропаганды национальными информационными средствами; навязывание России идеи необходимости переговоров с лидерами чеченских сепаратистов (поддержание контактов с рядом утративших официальный статус членов "правительства А.Масхадова" и т.д.).

Современный терроризм как массовое и политически значимое явление есть закономерное порождение эпохи утверждения нового миропорядка.

После холодной войны мир оказался многополярным и содержащим множество противоправных политических субъектов разных уровней, способных реализовать собственную политику самостоятельно. В этих условиях совокупная мощность "регионального терроризма" стала вполне соизмерима с мощностью многих официальных государственных субъектов, что позволяет лидерам террора в ряде случаев исполнять уже не политические заказы тех или иных сверхдержав либо региональных государств, а вести свою собственную политическую игру.

Одновременно распад биполярного мира инициировал локализацию личных и групповых идентификаций.

Ранее провозглашаемое движение к всечеловеческой универсальности сменилось обратным процессом нарастания национализма, этнорадикализма, религиозных и сектантских фундаментализма, затронувших и самые развитые страны (США, Францию, Германию,

Италию, Австрию, Японию). Этот процесс, не имея никаких возможностей и шансов на политическую институциализацию, подпитывает почву терроризма.

Об этом указывает в своей статье "Россия, вперед!" Президент Российской Федерации Д.А.Медведев: "... Террористические атаки на Россию продолжаются. Жители республик Северного Кавказа просто не знают покоя. Гибнут военные и работники правоохранительных органов, государственные и муниципальные служащие, мирные люди. Конечно, эти преступления совершаются при поддержке международных бандгрупп".

Таким образом, только сейчас и только во многом уникальных политико-исторических обстоятельствах политика двойных стандартов ряда ведущих мировых держав привела к формированию условий, когда современный терроризм превратился в инструмент, контролирующий мировую политику и экономику.

Единственный способ борьбы с политикой двойных стандартов отдельных западных государств является комплексное использование политических, экономических, информационных сил и средств при жестком и последовательном отстаивании национальных интересов России. Очевидные успехи российской экономики и прагматичная внешняя политика будут способствовать укреплению статуса великой державы на мировой арене и эффективному противодействию политике двойных стандартов западных государств (в том числе по линии борьбы с современным терроризмом).

Таким образом, современный терроризм сегодня превратился в крайне выгодный бизнес уже не местного, а глобального масштаба, в особый "узаконенный" вид деятельности, с развитым "рынком труда и приложением капитала". Он представляет собой войну, в которой участвуют правительства, политические партии, спецслужбы, различные коммерческие структуры. Это также бизнес, приносящий

солидные дивиденды в виде денег, заказов, подрядов, территорий, природных ресурсов, а самое главное, в виде власти.

Анализ различных взглядов на проблему так называемого современного терроризма свидетельствует о наличии двойных стандартов в выработке подходов к пониманию природы данного явления как абсолютно зависимого от определенных социальных структур государственного и надгосударственного уровней.

Здесь явно прослеживается стремление западных государств, транснациональных компаний, контролирующих через финансовый механизм мировой рынок, прийти к неограниченному господству, в том числе путем ослабления государственности и суверенитета ряда стран.

Подобные устремления в отношении России реализуются, в первую очередь, через деятельность спецслужб ведущих западных государств.

Примечания

- ¹ Стратегия национальной разведки США. Пост Директора национальной разведки. 2005. Март. С. 7.
- ² Данилов М. Арафат для них – коллаборационист // Независимая газета. 2001. 25 декабря.
- ³ Светлов Б., Тарин О. Международный терроризм и ЦРУ. Документы, свидетельства, факты. М.: Прогресс, 1981. С. 21.
- ⁴ Marchetti V., Marks J. The CIA and the Cult of Intelligence. N.Y., 1974. P. 123.
- ⁵ Заговоры ЦРУ. М., 1979. С. 181.
- ⁶ Олейник А.В. Оппозиция в России сегодня и завтра // Обозреватель–Observer. 2005. № 3.
- ⁷ Медведев Д.А. Россия, вперед! // kremlin@gov.ru от 10 сентября. 2009.

Национальная безопасность в исторической ретроспективе

Олег Толстухин

История развития цивилизации – это сложный и противоречивый процесс, в значительной мере обусловленный стремлением человека и общества обеспечить свою безопасность, избежать голода, болезней, добиться комфортных условий существования, сохранить окружающую среду обитания и т.д.

Можно утверждать, что важнейшей целью развития во все времена было достижение все более высокого качества жизни и безопасности – как состояния спокойствия, материальной и политической стабильности, отсутствия реальной опасности.

Однако в XXI в. значение безопасности, ее вес в общей характеристики качества жизни существенно возрастает.

За первое десятилетие XXI в. в России, во многих странах мира состоялись тысячи научных конференций, ориентированных на анализ причин неудовлетворительного состоянием безопасности. Главным итогом глобального осмысливания этой проблемы стало строительство новой архитектуры, новой парадигмы безопасности. Были также высказаны обоснованные пожелания по изменению сложившихся систем безопасности как в отдельных странах (например, России, США, Китая), так и для регионов (Европы, ряда регионов Азии) и для мирового сообщества в целом.

Во всех предложенных стратегиях и концепциях безопасности, основное внимание было обращено:

во-первых, на необходимость перераспределения понятия безопасности с государства на безопасность человека;

во-вторых, на то, что безопасность человека в политическом процессе общества становится всеохватывающим условием, связывающим воедино тенденции развития человека, его личной безопасности, его прав и свобод;

ТОЛСТУХИН Олег Дмитриевич – соискатель аспирантуры Института социально-политических исследований РАН.

Ключевые слова: национальная безопасность, безопасность личности, государственная безопасность, система безопасности.

в-третьих, на четкое понимание – безопасность человека начинается тогда, когда сам человек становится активным участником обеспечения своей безопасности и безопасности других людей.

Глобальные геополитические изменения в мире на рубеже XX и XXI вв., определившие изменения в динамике безопасности, характере ее субъектов и объектов, актуализируют потребность человеческого сообщества в поиске новых моделей безопасности. При этом ориентация идет на новую парадигму, которая содействует как исследованию самого феномена новой безопасности, так и среды безопасности.

Важность решения обозначенной проблематики обостряется также вхождением всего мирового сообщества в глобальный кризис. Это обстоятельство обуславливает не только изучение взаимодействия состояния и изменения безопасности с учетом влияния внешней среды, не только формирование новых национальных моделей безопасности, но и выработку новых моделей всего мироустройства и миропорядка.

Дело в том, что сегодняшний глобальный кризис, по оценке экспертов, совсем не похож на предыдущие и даже на кризис времен Великой депрессии (конец 20-х – начало 30-х годов XX в.), с которым часто его сравнивают². Это не просто финансовый (“банковский”) или экономический (“ипотечный”, “продовольственный”, “энергетический” и т.п.) кризис.

Это, прежде всего, кризис сложившихся к третьему тысячелетию геополитических и экономических моделей мирового миропорядка, незэффективность, неработоспособность существующей “однополярной” модели мироустройства. Это кризис доминирующей роли США как мирового экономического, политического, финансового и военного лидера.

Способность каждого человека действовать в секторе безопасности от своего имени, а также от имени других людей является важнейшей особенностью новых подходов к безопасности XXI в.¹.

Следует отметить, что руководство и экспертное сообщество России своевременно с учетом новых опасностей и угроз представили конструктивную программу строительства многополярной модели мироустройства, предложили свое виденье модернизации мировой системы безопасности и инновационный характер ее обеспечение в современной России.

Концептуально эти идеи изложены в статье Президента России Д.А.Медведева “Россия, вперед!”³, его Послании Федеральному Собранию Российской Федерации 12 ноября 2009 г.⁴, в новой Концепции внешней политики Российской Федерации (июль 2008 г.) и “Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” (май 2009 г.)⁵.

Новаторский характер этих документов обусловлен, во-первых, тем, что в них дается современное понимание всесторонне взаимосвязанной и взаимообусловленной модели многополярного мира, конструктивная программа ее строительства при условии стабильности и равноправного стратегического партнерства. Во-вторых, обоснование безопасности человека как главной цели в контексте целей развития общества и государства.

Для России эта устойчивая взаимосвязь обозначена, прежде всего, в определениях таких базовых понятий российской стратегии национальной безопасности, как “стратегические национальные приоритеты”, “угрозы национальной безопасности”, “силы и средства обеспечения национальной безопасности” и, конечно, через определение главной, центральной среди них

категории – категории “национальная безопасность”.

В отечественной стратегии безопасности “национальная безопасность” понимается как состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства.

Таким образом, можно уверенно утверждать, что обеспечение комплексной безопасности личности, общества, государства и мирового сообщества становится важнейшим приоритетом ближайших десятилетий, превращается в основу стратегии существования цивилизации в современных и прогнозируемых условиях.

Определяя основные направления по обеспечению комплексной безопасности личности, общества и государства в Стратегии показано, что в содержательном плане современные объекты защиты не идентичны.

Личная безопасность – это состояние защищенности жизни и здоровья человека, его целей, идеалов, интересов, ценностей от опасных воздействий (физических, духовных, информационных, этнокультурных, социальных, экономических, техногенных, экологических, медико-биологических, военных, политических и т.д.), то есть реализация конституционных прав и свобод человека.

Безопасность общества – это, прежде всего, упрочение демократии; сохранение и умножение материальных и духовных ценностей; создание правового и социального государства; достижение и поддержание общественного согласия; сохранение общественного устройства.

Государственная безопасность – это обеспечение незыблемости конституционного строя, суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ России; защиты природных богатств и системы управления страной; это обеспечение политической, экономической и социальной стабильности, законности и правопорядка; развитие равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества. Таким образом, ядро национальной безопасности формируют безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства.

Национальная безопасность – совокупность актуальных факторов, обеспечивающих благоприятные условия для развития исторически сложившейся Российской Федерации; нормальные отношения личности и государства; способность эффективно преодолевать любые внешние и внутренние угрозы; руководствоваться своими национальными интересами и стратегическими национальными приоритетами.

С точки зрения историко-социологического анализа безопасности личности в контексте государственной, общественной и национальной безопасности представляют значительный интерес работы русского историка Н.М.Карамзина⁶.

Неразрывную связь социологического и политологического подходов к безопасности личности он сформулировал так: “Оградите святынею закона неприкосновенность церкви, государя, чиновников и личную безопасность всех россиян; утвердите связи гражданские между ними, потом займитесь целостию собственности, наследствами, куплею, завещаниями, залогами и проч.; наконец, дайте устав для производства дел ... Государству для его безопасности нужно не только физическое, но и нравственное могущество;

жертвуя честью, справедливостью, вредим последнему”⁷.

Обобщение научного творчества Н.М.Карамзина в контексте концепции безопасности человека позволяет выделить следующие смысловые блоки: общественная цель, общественные и государственные идеалы, главные ценности.

Здесь подразумевается следующее: благополучие Отечества и благосостояние граждан – цель; Великая Россия, сильное государство, нравственная личность – идеал; мудрость, безопасность, законность, терпимость, честь, справедливость – ценности. Отсюда безопасность человека (личная безопасность) – это, прежде всего защита целей, идеалов и ценностей.

Сегодня идейное наследие Н.М.Карамзина звучит особенно актуально для российской действительности. Известно, что без объединяющей социальную ткань идеологии, без консолидации населяющих страну народов решить проблемы безопасности и благополучия человека и семьи, общества и государства практически невозможно. Ведь общность, не скрепленная едиными идеалами и чувствами, неучаствующая повседневно в общем и при этом главном для всех общенациональном деле, размывается каждой конкретной проблемой и является весьма неустойчивой.

Как это ни парадоксально звучит, но большое число негативных явлений российской действительности во многом связаны не только со сложностями экономической и социальной сторон жизни, но и с утратой, с исчезновением в 90-е годы объединяющей и направляющей общество идеи. Развал казалось бы вечного Советского Союза, отказ от скреплявшей его идеологии и системы ценностей, не способствовал выработке новой идейной основы россий-

ского общества. К сожалению, российская идентичность так и не сложилась.

Наше же общество сегодня объединено, “помимо административной “вертикали власти”, практически только двумя программами федерального телевидения, Сбербанком, рублем и Путиным В.В. в качестве признаваемого (хотя и воспринимаемого по-разному) национального символа”⁸.

Думается, что дальнейшее движение вперед российских народов по пути политической консолидации должно продолжаться на основе таких оправдавших себя в последние десять лет и оченьозвучных с предложенными Н.М. Карамзиным базовыми ценностями, как патриотизм, державность, стабильность, социальная справедливость, законность, честь.

Анализ тенденций в области безопасности общества и человека, их прогноз на XXI в. показывают, что опасности и угрозы приобретают все более комплексный взаимоувязанный характер. Одна угроза порою влечет за собой целую цепочку других опасностей (рисков), а трансграничные угрозы вообще представляют собой симбиоз внутренних и внешних угроз.

В XXI в. единственным верным подходом к решению проблем безопасности является комплексный, системный подход. Это интегральное понятие.

До сих пор было принято рассматривать и обеспечивать безопасность по ее видам, направлениям – военную, промышленную, информационную, природную и т.д.

На сегодняшний день в подходах к решению проблем безопасности личности, коллектива, страны, мирового сообщества, цивилизации необходимо решать не только проблемы конкретных угроз, но и рассматривать идеи, объединяющие всевозможные аспекты опасности, намечающие общую методологию безопасности существования.

Специфика безопасности государства определяется природой самого государства. Государство выступает важнейшей институциональной формой и предпосылкой функционирования политической системы и властных отношений.

Государство – это мозг и руки общества, и оно призвано делать все необходимое, с чем общество справиться не в состоянии. Нет задач, с которыми не способно справиться государство при достаточно эффективном управлении.

Основные функции государства, которые не могут быть выполнены другими социальными институтами и структурами, следующие:

- защита общенациональных интересов на международной арене и внутри страны;
- регуляция важнейших систем функционирования общества и поддержание общественного порядка;
- реализация основных социальных и духовных потребностей населения;
- сохранение здоровья и работоспособности граждан и др.

Конечно, в практике государственного строительства преобладают такие формы управленческого регулирования, которые нацеливаются на упорядочивание массовых и групповых процессов, а также поведенческих аспектов жизнедеятельности людей, подвергаемых правовому принуждению и контролю. Регулирование многих специфических, локальных или частных проблем безопасности делегируются государственной властью на нижние уровни социальной практики, в частности на уровень местной власти, общественных объединений, семейно-родственных связей. Однако эффект достижения частных аспектов безопасности также во многом зависит от общей деятельности государства.

Перечисленные выше качества и функции государства по отношению к обществу, нации, человеку позволяют говорить о нем как о фундаментальном институте существования современного мирового сообщества. Данная констатация отнюдь не обесценивается на фоне глобальных процессов, которые трансформируют роль государства в общесоциальной, этнонациональной и индивидуальной жизнедеятельности, не ослабляют ее, а придают ей новые формы, наполняя ее новым содержанием⁹.

Безопасность государства означает отсутствие угроз его целостности, действенной реализации его важнейших функций и целей развития. Безопасность государства тесно связана с его способностью предотвращать и устранять угрозы для власти, правопорядка, территориальной целостности страны, жизненно важных интересов его граждан. Государство, имея разветвленную систему властных полномочий, располагает законодательно-правовыми рычагами и административными структурами, выступает важнейшим субъектом для обеспечения безопасности общества и всех его граждан.

Под системой безопасности государства подразумевается вся совокупность государственных институтов, процессов социальной практики и жизнедеятельности людей, субъектов деятельности, духовных ценностей и культурных норм, так или иначе связанных с защитой от угроз целостности государства, с эффективностью его функционирования, с действенностью реализации его важнейших целей.

Институты и организации государства и общества стимулируют формирование в обществе представления о стратегии безопасного развития страны, не допускают конфронтационного столкновения идей, норм поведения разных групп людей, следят за приемлемым балансом традиционных и ин-

новационных процессов, а также предотвращают конфликты между целями деятельности, интересами разных социальных групп и этнонациональных обществ, придавая тем самым обществу целостный характер и обеспечивая непротиворечивое развитие.

Фактически данная система дает возможность нейтрализовать внутренние угрозы для общества и конкретных людей, обеспечивать социальную защиту определенных слоев, минимизировать масштабы и значение многих негативных явлений (бюрократизация, межнациональные столкновения, регионализм, криминализация, коррумпированность и др.).

Рассмотрим на примере определенных исторических событий правомерность такого взгляда.

Реалии третьего тысячелетия ставят систему государственной власти перед необходимостью по-новому взглянуть на взаимоотношения в триаде власть – общество – человек.

Возможность существования для системы государственной власти при изменении внешних условий – это вопрос о возможности развиваться и изменяться, причем зачастую принципиально. Прежде всего, это означает смену приоритетов: отказ от идеи “человек для государства” в пользу принципов “государство для человека”. Только в таком случае в основе происходящих в обществе процессов будет лежать создание условий для качественного существования личности.

Современные сторонники идеи гуманизации государства, декларируют отказ от насилия, агрессии, психотропных методов воздействия на людей. Это, по их мнению, поможет властным структурам сохраниться, сделаться гибкими, быстро и чутко реагирующими на происходящие в обществе процессы и тем самым не противопостав-

лять себя гражданскому обществу, а быть с ним в гармоничных отношениях. Разумеется, дисбалансы при этом останутся, но предполагается, что неантагонистические, а вопрос государственного управления видится как партнерские отношения власти и граждан¹⁰.

Возникает масса вопросов: о политических рисках, о структурно-логической схеме построения такого неогосударства, о необходимом времени для подобной перестройки, об экономических затратах и т.д.

Следует отметить, что наша страна имеет определенные исторические, культурные, морально-этические традиции, свой уровень правовой и политической культуры. Тем не менее, ошибочно было бы утверждать, что особый национальный характер России несовместим с демократическими и правовыми нормами государственного управления, самоуправлением, гражданским обществом, традициями частной собственности, предпринимательства, рыночных отношений.

Исторический опыт нашей страны показывает, что формирование российской государственности с древнейших времен шло двумя путями: с одной стороны, постепенно все российские земли объединялись в единое централизованное государство, а с другой – в нем образовывались самостоятельные общества, которые, сохранив каждое свою самобытность, не теряли между собой связи и единства.

Институт веча как верховного органа власти городов-государств (вторая половина XI – начало XIII в.) позволял народу участвовать в политической жизни. Ограждая свои местные политические интересы договорами с князем (на основании внутренних правовых традиций, частично заимствованных из византийского права), российские города постепенно приобретали в своих

областях значение руководящей политической силы (формирование навыков правовой культуры, самоуправления, демократических традиций), которая соперничала с верховной властью князей. Однако такая форма власти была не готова к такому испытанию как татаро-монгольское нашествие.

В результате, важнейшая проблема соотношения власти и общества в результате завоевания монголами Древней Руси была решена в пользу приоритета государственной власти. В описываемых условиях в российском обществе исчезло представление о необходимости равновесия прав и обязанностей. Ценность власти в итоге превысила ценность права.

Рассмотрим еще один исторический момент. Борьба между Москвой и Новгородом во второй половине XV в., по сути, дела велась за выбор направления развития государства. “Новгород стоял за федеративный строй русской земли и за местную и личную свободу. Москва хотела сделаться центром России, притянуть к себе все силы, поглотить собой самодеятельность ее частей; Москва домогалась единого государства, слития особенностей, подчинения личности общественной воле, выражаемой совмещением ее в идеале верховной власти”¹¹.

Исход этой борьбы во многом предопределил судьбу Русского государства, но не остановил противоборство и до наших дней. На приведенном историческом отрезке победа принципов жесткой централизации над принципами федерации способствовала утверждению самодержавного строя.

Объединение русских земель в централизованное государство было подготовлено не только княжеской властью, но и обществом. К середине XV в. почти все социальные слои феодального общества в той или иной мере были за-

интересованы в сильной власти, способной обеспечить феодальный порядок взамен феодальной анархии.

Таким образом, русское государство с абсолютной монархической властью создалось не только благодаря усилиям ее правителей, но и благодаря поддержке со стороны народа в борьбе против феодальной анархии.

Термин “политический риск” – это современный термин и применить его к рассматриваемым историческим событиям можно лишь с точки зрения современного анализа. В те времена, скорее всего, бытовали представления о политическом риске как об определенных государственных (или индивидуальных) выгодах, заинтересованностях и т.п.

Возрождение Московского государства в XIV–XV вв. произошло потому, что общество, имеющее опыт татаро-монгольского нашествия, было заинтересовано во внешней защите. Это и позволило облечь верховную власть неограниченными полномочиями. Такое государство могло избежать феодальной анархии, сохранить независимость перед угрозой агрессии с Востока, Юга и Запада и сделаться могущественным только за счет напряжения всех сил населения¹².

Таким образом, создание единого самодержавного русского государства в XV в. стало результатом договора между обществом и властью. Для своего самосохранения, национальной безопасности и единства русское общество наделило свою верховную власть неограниченными полномочиями. Из двух зол сознательно (или интуитивно) было выбрано меньшее. Политический риск неограниченной власти, сосредоточенной в одних руках являлся тем самым “меньшим злом”.

Абсолютная власть при объединении феодальных княжеств подмяла и

монополизировала все экономические, социальные и политические процессы в обществе, установив крепостное право и лимитировав свободы человека.

Гибель вечевой Новгородской и Псковской республик, утверждение в общественном сознании приоритетов государственных интересов над частными интересами человека, утверждение власти государства предопределили судьбу будущей России более чем на пятьсот лет – так был заложен фундамент российской империи.

В условиях Российской империи – унитарного государства имелись элементы децентрализованного управления, при котором верховная власть опиралась на местную элиту и учитывала местную политическую ситуацию. Во внимание принимались также территориально-географические, социально-экономические, этнические и культурно-исторические особенности регионов. Все это позволяло сохранять на обширной территории Российского государства традиционные нормы права, быта и обычаяев народов.

Дозированно использовались элементы демократии на уровне низовых общинных ячеек: выборность старейшин, согласование индивидуальных интересов в коллективе, коллективное принятие решений и т.п. Парадокс заключался в том, что политически (при абсолютной монархии), в общественной жизни бытовая демократия была более свободна, чем в Западной Европе¹³.

Подобное положение дел подготовило к периоду XVII–XIX вв. возмож-

ность серьезных попыток верхних слоев российского общества реформировать всю систему взаимоотношений общества и власти.

По сути, речь шла об ограничении самодержавной власти. Если раскрыть содержание данного тезиса, то предлагавшаяся реформа российской абсолютной власти сводилась к решению двух вопросов: первый, – кому же достанется земля распадавшихся общинных миров – помещикам, строившим свое экономическое благополучие на барщине, или “лучшим людям” русского крестьянства – протобуржуазии, поднимавшейся на денежной ренте; и второй – как, каким путем осуществить (а реформа этого требовала) духовное очищение церковных иерархов, как обеспечить интеллектуальный подъем духовенства.

Как видно, реформация была выбором между процессами:

- закрепощения крестьянства или превращения его в независимое сословие – протобуржуазию;
- между барщиной – феодализмом или денежной рентой – капитализмом;
- между идеологическим и политическим тоталитаризмом или мировоззренческим плюрализмом и свободой выбора;
- между деспотизмом власти или демократией.

В перспективе – это был выбор между экстенсивным и интенсивным характером развития России, а исторически сложилось так, что судьба этого выбора зависела от изъятия земли из церковной собственности в светскую собственность.

Итак, следует отметить, что историческая ретроспектива политической жизни русского общества проявляет определенную закономерность взаимоотношений в триаде власть – общество – человек: волнообразный процесс перетекания политических полномочий от властных государственных структур к общественным, но всегда в интересах сохранения национальной безопасности.

Примечания

- ¹ Кузнецов В. Социология становления евразийской безопасности как глобальная гуманитарная инновация XXI века: геокультурный аспект // Россия: новые цели и приоритеты. Социальная и социально- политическая ситуация в России. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006. С. 119 –120.
- ² Круглый стол “Господин Кризис, как Вас теперь называть?” // Полис. 2009. № 3. С. 9–33.
- ³ Медведев Д.А. Россия, вперед! / www.gazeta.ru/2009/09/10
- ⁴ Послание Президента РФ Дмитрия Медведева Федеральному Собранию Российской Федерации. 12 ноября 2009 года // Российская газета. 2009. 13 ноября.
- ⁵ Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. “Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года” // archive.kremlin.ru/2009/05/21.
- ⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. первая. М.: Книга. 1988; Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991.
- ⁷ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. С. 94–95.
- ⁸ Делягин М. Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? / М.: ИД “Коммерсантъ”, 2009. С. 60.
- ⁹ Аванесова Г.А., Иванова Е.В. Система безопасности государства: сущность, функции, структура // Безопасность. 2001. № 3–4. Март–апрель. С. 93–105.
- ¹⁰ Арианин А.Н. К новой стратегии развития России. Федерализм и гражданское общество, Идеино-теоретические, политические и правовые аспекты М., 2000. С. 55–60.
- ¹¹ Костомаров Н.И. Бунт Стеньки Разина. Исторические монографии и исследования. М., 1994. С. 253.
- ¹² Миллоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. 1995. Т. 3. С. 24, 26.
- ¹³ Лосский Н.О. Характер русского народа. Кн. первая. Посев, 1957. С. 48.

Подписка на 2010 г.

**на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 – на 6 месяцев**

Проблема терроризма в Испании на современном этапе*

Александр Орлов

ЭТА торпедирует мирный процесс

Организация “Страна Басков и Свободы” (ЭТА) объявила 22 марта 2006 г. об одностороннем “бессрочном прекращении огня”, породив в уставшем от насилия испанском обществе надежду на скорое “переговорное” завершение террористического безумства. Испанское правительство, сформированное Испанской социалистической рабочей партией (ИСРП), откликнулось на “мирную” инициативу ЭТА готовностью к диалогу.

Однако по-настоящему предметных переговоров властей с террористами так и не получилось. Каждая из сторон понимала суть диалога по-своему. Правительство – как возможность выработки условий отказа баскских радикалов от террора, ЭТА – как средство добиться от Мадрида уступки по

вопросу о самоопределении Страны Басков.

Существенно осложнили перспективы переговоров два обстоятельства. С самого начала им активно противодействовала правая Народная партия – стержень оппозиции, отвергавшая любой иной вариант договоренности с террористами, кроме их полной капитуляции. Правительству в этих условиях приходилось постоянно оправдываться, доказывая, что оно действует в рамках конституции, не превышает своих полномочий, не идет на поводу у террористов и т.д. Это, конечно, сужало рамки его маневра. С другой стороны, в самой ЭТА в период перемирия произошла смена руководства. Бразды правления захватили люди из “военного крыла”, не признающие никаких полутона и комп-

ОРЛОВ Александр Арсеньевич – профессор МГИМО(У).

Ключевые слова: национализм, сепаратизм, терроризм, права человека, Испания, Страна Басков, ЭТА, “Батасуна”, Испанская социалистическая рабочая партия, Народная партия, Баскская националистическая партия.

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2009. № 10, 11.

ромиссов, которые “подвинули” умеренных, обвинив их, но уже со своей точки зрения, приблизительно в том же, в чем правые обвиняли правительство, – в мягкотелости, уступчивости и прочих подобных грехах.

Итогом этих процессов стал жестокий, разрушительный и абсолютно бессмысленный, как показалось аналитикам, террористический акт, осуществленный боевиками ЭТА в мадридском аэропорту Барахас ранним утром 30 декабря 2006 г.

Полностью разрушенным оказался многоэтажный паркинг 4-го терминала аэропорта, под руинами которого погибли двое эквадорских рабочих.

Реакция на варварскую акцию ЭТА как в самой Испании, так и за рубежом была вполне предсказуемой: решительное осуждение. Террористы вновь всем показали свое антигуманное лицо и тем самым только еще больше навредили своему давно испорченному имиджу.

Замешательство возникло даже в стане так называемых “левых баскских патриотов” (*izquierda abertzale*), объединяющих баскских радикалов-сепаратистов, составляющих массовую опору ЭТА. Уж слишком далеко отстояли “светлые идеалы”, которые проповедует верхушка ЭТА, и ее практические действия.

Однако, как оказалось, в абсолютно алогичной на первый взгляд акции ЭТА присутствовала своя логика.

Консервативная оппозиция, используя благоприятную для себя конъюнктуру, развернула мощную антиправительственную пиар-кампанию, призванную продемонстрировать правильность своей линии в вопросах противодействия ЭТА и иным радикалам-националистам и, соответственно, ущербность тактики своих извечных оппонентов-социалистов.

Рассчитывала ЭТА, что правые сыграют по ее партитуре или это окажется “удачной импровизацией” – вопрос риторический. Но факт остается фактом: в результате был нанесен удар по национальному антитеррористическому консенсусу – едва ли не главному достижению постфранкистской Испании, одна из главных составляющих которого заключается в том, что демократические политические партии воздерживаются от использования темы терроризма во внутриполитической борьбе.

Раскол единого антитеррористического фронта демократической Испании, вероятно, является одной из главных целей ЭТА на современном этапе. Об этом теоретики террористического подполья предпочитают особо не распространяться, однако анализ действий ЭТА в течение последнего времени приводит именно к такому выводу.

Тем не менее тактика “силового воздействия и запугивания”, к которой прибегла ЭТА, сработала только на первых порах. В этой связи необходимо отдать должное руководству как Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП), так и Народной партии, которые, обменявшиеся в пылу публичной полемики острыми уколами, вовремя остановились, сумев во имя общего блага возвыситься над узкопартийными интересами. Достижение согласия между двумя системообразующими партиями современной Испании по вопросу противодействия терроризму означало восстановление консенсуса главных политических сил страны по ключевому для стабильности государства вопросу.

А что же ЭТА?

Взорвав в прямом и переносном смысле диалог с правительством, организация упустила предоставленный ей шанс отказаться от террора и насилия, так или иначе, легализовать свое при-

существие на национальном политическом поле.

Североирландский образец, который должен был послужить основой для умиротворения баскских радикалов, не

сработал. Часы истории вернулись на несколько лет назад. Силовое подавление ЭТА вновь стало для испанских властей единственным возможным, безальтернативным вариантом действий.

Националисты в Стране Басков теряют позиции

Прорвал по вине ЭТА “мирного процесса” привел к тому, что значительная часть населения Страны Басков отшатнулась не только от крайних радикалов, но и от умеренных баскских националистов.

Эта тенденция, которая проявилась на общенациональных выборах в Генеральные кортесы Испании (март 2008 г., когда относительное большинство голосов во всех трех провинциях, входящих в Автономное сообщество Страны Басков, получила ИСРП), была закреплена на выборах в автономные органы власти, прошедших 1 марта 2009 г. Хотя большинство голосов на них получила Баскская националистическая партия (БНП), побеждавшая в Стране Басков всегда с момента проведения первых демократических выборов (1980 г.), ее представитель впервые в истории не стал главой автономного правительства (*lehendakari*). Этот пост в результате послевыборной договоренности между ИСРП и Народной партией (НП) занял социалист Патчи Лопес.

Два исторических антипода, никогда прежде не вступавшие в коалицию друг с другом, смогли совместно, сложив голоса своих депутатов в баскском парламенте, отстранить от власти в этой автономии националистов. Возникший “народно-социалистический” альянс, хотя представители НП не

Басков теряют позиции

вошли в автономное правительство Патчи Лопеса, стал неким аналогом “большой коалиции” в составе христианских демократов и социал-демократов, до недавних пор существовавшей в Германии.

Для баскских националистов перспектива потери власти в своей автономии до поры до времени представлялась, по сути дела, сюрреалистическим сюжетом. Настолько они были убеждены в своей непогрешимости и едва ли не генетическом стремлении басков к самоопределению вплоть до отделения от Испании.

Однако, как выяснилось, настроения в баскском обществе постепенно эволюционировали: укреплялись позиции общенациональных партий – социалистической и народной, в то время как социально-политическая база БНП и группирующихся вокруг ЭТА крайних радикалов-сепаратистов сужалась.

Сегодня уверенно можно говорить о том, что соотношение сил между двумя блоками баскского общества: националистами и централистами (гражданами, твердо выступающими за сохранение единства испанского государства) близко к паритету (из 75 мест в баскском автономном парламенте у социалистов и “народников” в сумме 38 голосов), но с тенденцией к росту влияния последних.

Тактика террористов

Оказавшись в растущей политической изоляции, ЭТА прибегла к характерной для нее тактике морального прессинга на общество, заключа-

ющейся в чередовании террористических актов с более или менее продолжительными паузами, имеющими целью еще больше повысить градус страха и

напряжения в стране. Преступная организация вернулась к практике совершения убийств.

С 30 мая 2003 г. по 30 декабря 2006 г., то есть в течение 43 месяцев, ЭТА воздерживалась от убийств.

Гибель эквадорских рабочих при взрыве в аэропорту Барахас ЭТА вполне могла списать на несчастный случай, поскольку никакой практической надобности для нее в этом не было.

На этом фоне убийство 1 декабря 2007 г. двух гражданских гвардейцев было продуманной и спланированной акцией, призванной продемонстрировать испанцам готовность ЭТА продолжать борьбу за свои "идеалы", не считаясь ни с чем, даже с человеческой жизнью. В последующий период "террористическая банда" (этот термин широко используется в Испании для обозначения ЭТА) совершила еще шесть убийств и осуществила целый ряд других террористических актов.

Наиболее громким из этой серии преступлений стал подрыв в июле 2009 г. жилого многоэтажного ведомственного дома ("дома-казармы") в г. Бургос, где проживали семьи служащих Гражданской гвардии.

Данный теракт был совершен ночью, когда в доме находились 117 чел., из них – 41 ребенок. Лишь по счастливой случайности обошлось без жертв, хотя, как считают испанские специалисты, ЭТА в данном случае рассчитывала на многочисленные жертвы в этой правоохранительной структуре.

Акция в Бургосе стала новым звеном на пути моральной деградации ЭТА, которая расширила "фронт" своей борьбы, включив в число потенциальных жертв, наряду с представителями силовых структур, также и членов их семей, в том числе детей.

Однако попытки ЭТА запугать общество все больше напоминают акты безысходности. Пожалуй, давно террористы не испытывали столь сильного, целенаправленного, решительного напора со стороны испанских властей,

действующих в тесном взаимодействии с французской правоохранительной системой.

За последние полтора года по руководящей верхушке и инфраструктуре ЭТА был нанесен ряд чувствительных ударов.

В этот период в результате совместных операций испанских и французских спецслужб в сети правосудия последовательно попали четверо лидеров ЭТА – двое "политической организации" (считываются максимальными руководителями) и двое – "военного крыла".

В октябре 2009 г. по распоряжению судьи Бальтасара Гарсона аресту подверглись представители руководства союзных ЭТА псевдополитических организаций, обслуживающих интересы "террористической банды".

Среди задержанных оказался лидер запрещенной партии "Батасуна", называемой в Испании "политической рукой" ЭТА, Арнальдо Отели, который в период перемирия позиционировался в качестве баскского аналога Джерри Адамса из североирландской "Шинн Файн", способного взять под политический контроль террористов.

Судья Гарсон инкриминировал указанной группе лиц создание "координационной комиссии" (*Bateragune*, в переводе с баскского – "место встречи"), подчиненной ЭТА и призванной проводить ее "военно-политическую стратегию" в среде "левых баскских патриотов".

В истории борьбы испанского государства с ЭТА было несколько случаев ареста всего руководящего ядра террористической организации, что обычно приводило к продолжительной депрессии в деятельности "банды". Но никогда прежде силовикам не удавалась комбинация из серии последовательных действий, когда из "игры" один за другим выводились каждый раз новые руководители ЭТА. Сумеет ли террористическая структура, потеряв несколь-

ко своих ключевых фигур, восстановиться? Этим вопросом сегодня задаются многие в Испании.

Министерство внутренних дел Испании считает, что ЭТА сегодня слаба как никогда прежде и, возможно, финал баскского терроризма уже не за горами. Но так ли это, покажет время.

Вполне очевидно, что преодолеть терроризм Испания сможет только тогда, когда ему будет противостоять все испанское, в том числе и баскское общество. Мерилом отношения к терроризму в Испании принято считать осуждение политическими партиями и общественными организациями этого явления. То есть те, кто осуждает терроризм, признаются демократическими партиями/организациями, кто нет – соратниками ЭТА.

К примеру, партия “Батасуна” и ряд ее “дублеров” и “клонов” на баскском политическом поле традиционно воздерживаются от осуждения как терроризма в целом, так и конкретных актов насилия в исполнении боевиков ЭТА. Это послужило основанием для запрета, в частности, “Батасуны”.

В то же время Баскская националистическая партия и другие партии и организации, объединяющие умеренных националистов, терроризм отвергают на словах, временами весьма решительно.

Это замечание поможет лучше понять и разобраться в политической ситуации, сложившейся в Стране Басков после ареста Отеги и его соратницей.

На следующий день после взятия под стражу активистов “баскского левого патриотического движения” на улицы Сан-Себастьяна вышли десятки тысяч людей. Но появились они там не затем, чтобы приветствовать успехи испанского государства в борьбе с терроризмом, а выразить свой протест против задержания тех, кто “словом и уважением к правам человека хочет построить мирное будущее”. Приведенные

слова сказаны лидером БНП в провинции Гипускоа Хосебой Эгибаром, принялшим участие в протестном шествии, как и тысячи других “умеренных националистов”.

При этом другой руководитель БНП, Руфи Эчеберрия, утверждал, что участие сторонников БНП в демонстрации “не означает, что эта партия идентифицирует себя с ЭТА и ее гипотетическими планами”.

В это же самое время, отмечает автор статьи в мадридской газете “Эль Паис”, в толпе демонстрантов раздавались здравицы в честь “Батасуны” и крики осуждения по отношению к “фашистской” ИСРП!

Приведенный выше эпизод показывает, что определенная часть баскского общества, причем не маргинальная, а прочно встроенная в правовую систему страны, проявляет солидарность если и не напрямую с ЭТА, то с ее “политическим” окружением.

Из этого следует, что ЭТА и ее сателлиты являются важными фигурами в сложной политической игре за власть, которую ведут с испанским Центром умеренные баскские националисты. Поэтому жертвовать ими без соответствующей политической компенсации со стороны Мадрида БНП и ее союзники не собираются. А такой компенсацией может быть только признание центральными властями права Страны Басков на самоопределение, то есть достижение той цели, за которую ЭТА борется методами террора и насилия.

Лидер в недалеком прошлом филиала Народной партии в Стране Басков Мария Сан-Хиль бросила пару лет назад довольно красноречивую фразу: “Если бы не было ЭТА, то Ибарретче не был бы лендакари”. Поясним читателю, что Хуан Хосе Ибарретче – многолетний лидер Баскской националистической партии, был в течение 10 лет (1999–2009 гг.) главой автономного правительства Страны Басков.

Прямое обвинение БНП и ЭТА в политическом сговоре – это все же, на верное, преувеличение. Тем не менее не разглядеть известной синхронности в

их действиях тоже было бы проявлением близорукости. Подобный недекларируемый альянс всех баскских националистов, естественно, является существенным препятствием на пути преодоления терроризма в Испании, который остается инструментом в руках не только упретых радикалов, но и матерых политиков.

Некоторые обобщения в качестве заключения

В январе 1991 г. тогдашний руководитель Баскской националистической партии Хабьер Арсаллус заявил: “Кто пойдет с нами, тот должен ясно понимать, что как нация, мы – баски, и никто больше”. В этих словах, как в капле воды, отражается суть баскской проблемы.

Определенная часть басков отрицает существование единой испанской нации, утверждая, что можно говорить только о государстве как юридической структуре власти, которое, в конце концов, растворится в процессе европейской интеграции.

Как отмечал в этой связи Альберто Руис-Гальядон, ныне мэр Мадрида, один из лидеров Народной партии, для баскских националистов “присутствует лишь один сюжет: существование баскской нации. *Euskadi* или *Euskalerrna* (Страна Басков – на баскском языке. – Авт.). Это тезис Сабино Араны*, и корни этого не уходят в историю глубже 1895 г. Забыть историю – это опасное дело; поработать с историей с помощью ластика с целью ее переписывания, является безрассудством, граничащим с шизофренией. Баскский национализм занимается этим с конца XIX века”².

Баскский национализм, как, впрочем, многие другие национализмы, вновь “расцветшие” в конце XX – начале XXI в., во многом основаны на

Поэтому пророчить скорый конец терроризма в Испании, даже учитывая понесенные ЭТА в последнее время потери, пока преждевременно.

К большому сожалению решение этой системной для современной Испании задачи до сих пор не найдено, а страна давно заслужила мирной и спокойной жизни.

откровенном мифотворчестве, на подгонке каких-то малозначительных эпизодов в отдаленной истории, не поддающихся объективной проверке, под современную политическую конъюнктуру.

Упомянутый Руис-Гальядон пишет, что в своей работе “За независимость Бискайи”, датированной 90-ми годами XIX в., С.Арана дает совершенно фантастическую интерпретацию нескольким сражениям средневековой Бискайи, выводя оттуда многое и мало основу для независимости Страны Басков².

Все это очень напоминает, в частности, труды ряда привластных историков современной Украины, которые занимаются ровно тем же самым: пытаются разглядеть в каких-то несущественных баталиях давно минувших дней, особенно тех, в которых украинские ратные люди вроде как “побили” какой-то отряд “москалей”, признаки зарождения украинской государственности.

Необходимо обратить внимание и на такое обстоятельство.

Страна Басков не является каким-то закрытым от остальной Испании анклавом, где в первозданном виде сохранилось генетически однородное баскское население, говорящее исключительно на родном языке и беззабетно преданное своей исторической культуре.

* Сабино Арана (1865–1903 гг.) – политик и писатель. Считается отцом и идеологом баскского национализма.

ре. Баски с незапамятных времен живут бок о бок со своими соседями, являясь частью многонационального испанского народа, к тому же приверженного в своем подавляющем большинстве католической конфессии. Думаю, что найти сегодня генетически “чистого”, без “примесей” баска было бы большим успехом ученых. Все давно переплелось и перемешалось.

Это лишнее подтверждение того, что баскский национализм – явление более политическое, чем по-настоящему этническое.

Трудно вообразить себе большее лицемерие, чем то, когда приспешники террористов из так называемого политического окружения ЭТА причисляются к борцам за права человека.

А ведь такие суждения высказываются не какими-то безответственными людьми, а руководителями главной силы умеренного национализма – Баскской националистической партии. Приходится констатировать, что для этих людей главное право человека – право на жизнь – менее значительно, чем во многом искусственно раздуваемое право басков на самоопределение, которое нужно не столько баскскому народу, сколько горстке лжепророков, озабоченных повышением своей политической статусности.

Баскский национализм – радикальный, бескомпромиссный, подчас откровенно агрессивный – это естественная питательная среда для терроризма. Между двумя этими явлениями суще-

ствует прямая причинно-следственная связь. Понимание и учет этого обстоятельства является непреложным условием для окончательного избавления Испании от насилия и террора.

И последнее, о чём хотелось бы сказать.

ЭТА позиционирует себя в качестве левой, марксистско-ленинской организации.

Такая идентификация откровенно террористической организации, действующей в демократической стране, в которой созданы все необходимые условия для открытой политической борьбы, наносит серьезный ущерб всем левым силам как в самой Испании, так и за ее пределами, которые ищут свое новое место и лицо в партийно-политической палитре XXI в.

Гуманистическая составляющая – это один из ключевых, фундаментальных элементов марксизма, являющегося не только научной теорией, но и социальным явлением. Такое его прочтение и понимание имеет принципиальное значение в наступившем веке. Поэтому использование марксистско-ленинского “лейбла” террористами, как бы и чем бы они ни пытались объяснить и оправдать свои преступные деяния, недопустимо. Активисты ЭТА могут сколько угодно петь Интернационал на своих сходках, но это ни на йоту не приближает их к подлинному марксизму, нуждающемуся в очищении от всевозможных чуждых ему примесей и суррогатов.

Примечания

¹ El País.com // http://www.elpais.com/articulo/espana/nacionalismo/vasco_sale/unido/calle/San/Sebastian/apoyo/Otegi/elpepuesp/20091017elpepunac_7/Tes?print=1

² Ruiz-Gallardon A. La nación española // ABC. 1 de febrero de 1993.

Сталин – Гитлер: стратегическая дуэль

Александр Сенявский

Существуют объективные закономерности функционирования любых самоорганизующихся систем, включая социальные организмы, в том числе государств в системе международных отношений.

Они достаточно просты: каждое государство стремится к самосохранению, внутренней устойчивости (прочности), максимизации располагаемых им ресурсов, влиятельности, то есть расширению внешнего контроля и минимизации внешнего вмешательства, а именно обеспечению суверенитета.

Для решения этих взаимосвязанных задач используются различные (экономические, дипломатические, военные и другие) средства.

Если государство отказывается от решения этих задач, то его ждет участие ослабления, распада, косвенного подчинения или даже поглощения другими странами (в различных вариантах), осуществляемых мирными или военными средствами.

Внутреннее развитие и внутренняя политика тесно взаимосвязана с внешней политикой.

Выбор целевых приоритетов и средств их достижения во многом определяется как объективными возможностями страны, так и субъективным фактором: доминирующей в данном обществе ментальностью, в том числе идеологией, существующим механизмом принятия решений высшей властью, зависящим от общественно-политического устройства, конкретными личностными качествами лидеров. Для решения своих внешнеполитических задач государства неизбежно вступают в коалиции, которые усиливают их потенциал в противостоянии конкурентным це-

СЕНЯВСКИЙ Александр Спартакович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра “Россия и СССР в истории XX века” Института российской истории РАН.

Ключевые слова: международные отношения в Европе, внешняя политика СССР и Германии, межвоенный период, политическая стратегия, “стратегические игры”.

лям других стран и увеличивают возможность реализации собственных задач. Коалиции могут быть, по сути, конфронтационными (враждебными другим) и неконфронтационными (относительно редко).

Естественно, исторически меняются системы международных отношений. Сохранение или обретение суверенитета государств не всегда благо для их народов и нередко может быть в интересах только государственной бюрократии и элиты. Так, в современных условиях глобализации региональная интеграция ведет к сознательному и добровольному отказу от значительной части суверенитета в странах Западной Европы; на очереди и другие регионы. Но для рассматриваемой нами эпохи 20-х – начала 40-х годов XX в. – перечисленные выше закономерности оставались правилом. В этих закономерностях – объективный, фундаментальный источник возникновения Второй мировой войны. Естественно, для того чтобы она разразилась необходимо было еще множество конкретных условий и факторов реализации.

П о проблеме развития международных отношений межвоенного периода, в том числе истокам Второй мировой войны написано море литературы.

Нас интересует лишь один аспект: как в этом глобальном контексте складывались отношения СССР и Германии как главных противников этой войны, от которых в решающей степени зависел ее исход.

По этой проблематике также имеется немалая весьма дискуссионная историография, болевыми точками которой, в частности, являются обвинения Сталина в заключении пакта с фашистской Германией и вопросы: “Ковался ли фашистский меч в СССР?” и “Собирался ли Stalin первым нападать на гитлеровскую Германию?”.

Постановка обоих вопросов представляется упрощенной, а второй еще и вряд ли имеет достоверный ответ: мысли, намерения Сталина нам недоступны, по документам они не реконструируются однозначно и непротиворечиво; факты форсированной подготовки СССР к войне также говорят лишь о закономерных действиях государства в ситуации готовившейся и тем более разразившейся мировой бойни. В том числе и намерение СССР вести оборонительную или наступательную войну

зависело от множества приводящих факторов.

Например, Stalin, безусловно, был рад столкновению крупнейших “империалистических хищников”, но он никак не ожидал, что Франция окажется такой легкой добычей гитлеровской Германии. И начинать войну один на один с почти всей подмятой под Германию Европой, да еще не завершив ни ключевые планы индустриализации, ни перевод промышленности на военные рельсы, ни мобилизацию армии и т.д., и т.п., – было слишком рискованным, а Stalin был расчетливый pragmatik. Так что неопределенностей в изучении предвоенных международных отношений и проблемы военно-политической стратегии Сталина, в частности, предостаточно.

Ц елесообразно привлечь в качестве инструмента интерпретации динамики развития международных отношений дополнительные средства исторической реконструкции, например, на базе теории игр.

Что может дать эта теория историку? Она предоставляет средства моделирования конкретного среза исторического процесса, рассматриваемого в определенном ракурсе “конфронтационных (и коалиционных) игр участников с собственными целями”.

Теория игр рассматривает неопределенные, в частности, конфликтные ситуации, "в которых сталкиваются интересы двух (или более) сторон, преследующих разные (иногда противоположные) цели, причем выигрыш каждой из сторон зависит от того, как себя поведут другие. ...

Цель (теории игр) – выработка рекомендаций по разумному поведению участников конфликта. ...

Конфликтующие стороны условно называются "игроками", одно осуществление игры – "партией", исход игры – "выигрышем" или "проигрышем".

В игре могут сталкиваться интересы двух или более участников; в первом случае игра называется "парной", во втором – "множественной".

Участники множественной игры могут образовывать коалиции (постоянные или временные). ... Множественная игра с двумя или более постоянными коалициями, естественно, обращается в парную. Развитие игры во времени можно представить как ряд последовательных "ходов" участников.

Стратегией игрока называется совокупность правил, определяющих выбор варианта действий при каждом личном ходе в зависимости от сложившейся ситуации.

... Оптимальной стратегией игрока называется такая, которая обеспечивает ему наилучшее положение в данной игре, то есть максимальный выигрыш¹.

Основной принцип теории игр – принцип осторожности ("принцип минимакса"), который рекомендует выбирать ту стратегию, при которой наш минимальный выигрыш максимален: "поступай так, чтобы при наихудшем для тебя поведении противника получить максимальный выигрыш".

Как правило, минимаксные стратегии меняются под влиянием информации о поведении другой стороны (сторон), и происходит корректировка или полная смена собственного поведения.

Здесь нет возможности раскрывать аппарат и многочисленные "нюансы" теории игр. Обозначим лишь соотношение его с категориями международных отношений и результат его приме-

нения в анализе избранной проблематики.

Формальные правила "международный игр" определяются системой действующих в данный мирный период международных и двусторонних договоров, реальные, – учитывая формальные, – строятся на фактическом соотношении сил, определяемых, в частности, наличием открытых и тайных коалиций.

И сходную позицию для длительной стратегической игры задала новая расстановка сил и система международных отношений, сложившиеся в результате исхода Первой мировой войны.

Страны Антанты, прежде всего США, Англия и Франция, закрешили свою победу Версальским мирным договором 1919 г.

Согласно договору, Германия выплачивала огромные репарации, теряла 1/8 территории, 1/10 населения, значительную часть экономического потенциала, отказывалась от колоний, подвергалась существенному ограничению суверенитета, в том числе военным ограничениям (армия не должна была превышать 100 тыс. чел., всеобщая воинская обязанность отменялась, ликвидировался генеральный штаб, предельно ограничивалась подготовка офицерских кадров, запрещалось иметь тяжелую артиллерию, танки, подводные лодки, авиацию, резко ограничивался военно-морской флот).

И все же крайне ослабленная Германия и после войны оставалась одним из основных международных игроков.

Аналогичные потери и ограничения коснулись союзников Германии (Австрии, Венгрии, Болгарии, Турции).

Так, территория Венгрии сократилась в 3, а население в 2,5 раза.

Потенциал этих стран в системе международных отношений не имел самостоятельного значения, а только – в коалициях.

Потрясенная революцией и заключившая сепаратный мирный договор с Германией Россия также понесла огромные потери от войны. Она подверглась интервенции не только со стороны Германии, Турции, но и недавних союзников из Антанты, а также Японии и США. Но окончание Гражданской войны в результате победы советской власти на большей части бывшей Российской Империи сохранило Россию (СССР) в качестве одного из основных международных игроков (хотя в первые послевоенные годы лишь потенциально).

И все же именно страны-победительницы, прежде всего США, а также Англия и Франция (владевшие к тому же огромными колониальными империями), а также наращивавшая военно-экономический потенциал Япония становились главными действующими субъектами мировой политики, естественно, с весьма конкурирующими друг с другом в разных областях и регионах мира интересами. Это проявилось, прежде всего, в определении конфигурации послевоенного мирового устройства, получившего название версальско-واشنطنской системы.

Германский реваншизм был в решающей степени продуктом версальской системы.

Германия, как крупная индустриальная страна с укоренившимся национальным самосознанием, мощным научно-промышленным потенциалом, народом, воспитанным “прусской школой”, в условиях национального унижения, резкого ограничения государственного суверенитета, экономических, военных, геополитических и иных возможностей, должна была бороться против версальских пут, за – по крайней мере – восстановление суверенитета, расширение своего потенциала и внешнего влияния.

Это она и делала различными способами в течение многих лет по разным направлениям. Возможности ее были предельно ограничены, что усугублялось и внутренней социально-политической напряженностью и потрясениями.

“Конечные” политико-стратегические цели определялись не только возможностями страны, но и идеологией правящей элиты.

Именно Германия, независимо от конкретных политических сил, стоявших у власти, больше всех была заинтересована в сломе сложившегося соотношения сил в мире и системы международных отношений.

Именно она выступала инициатором и самым активным участником большой международной политической игры.

Еще одним активным участником игры со своими целями был СССР, с одной стороны, многое потерявший в Первой мировой, а с другой – формировавший политику под влиянием идеологии, в которой существенное место занимали идеи “мировой пролетарской революции”.

Ни преувеличивать, ни преуменьшать значение этого фактора не следует, так как он, безусловно, влиял на советский внешнеполитический курс, хотя из самоценного постепенно трансформировался в инструмент государственных интересов СССР.

Эта политика становилась все более прагматичной, сообразовывавшейся с реальными возможностями, которые у обоих указанных субъектов “большой игры” были крайне ограничены.

Мы не станем здесь подробно разбирать все “партии” этой игры, тем более что и ее правила, и цели участников в течение двух десятилетий не раз менялись. Обозначим лишь основные этапы и их результаты.

Весь межвоенный период можно разделить на две стадии: до 1933 г. и после, поскольку приход Гитлера к власти принципиально изменил весь расклад международных сил и правила игры: из преимущественно дипломатической она превращается в силовую.

Две страны-“изгоя” (по разным причинам) естественно сближались друг с другом. Основой решения внешних стратегических задач в условиях Веймарской республики была “политика маневрирования”, а также балансирования между Востоком и Западом. В соответствии с ней были установлены дипломатические отношения с Советской Россией, в 1922 г. был подписан Рапальский договор, ставший основой почти десятилетнего сотрудничества двух стран в разных областях. Оно было взаимовыгодным, потому что, во-первых, основывалось на взаимодополняемости потенциалов двух стран, во-вторых, препятствовало дипломатической, экономической и др. изоляции обоих государств.

Германия играла также на противоречиях Франции и Англии, боровшихся за гегемонию в Европе и используя для этого вопрос о reparационных платежах.

США, имевшие собственные и экономические, и политические интересы в Европе, вели свою игру.

Они были заинтересованы, во-первых, в Германии как полноценном экономическом контрагенте; во-вторых, в ней же – как полноценном политическом субъекте европейской политики, конкурирующем с Англией и Францией; в третьих, как в силе, спо-

собной противостоять “экспансии большевизма”.

Вмешательство США с планом Дауэса*, согласно которому с 1924 по 1932 гг. Германии были предоставлены огромный заем и капиталовложения почти в 32 млрд. марок, позволило ей восстановить экономику, военно-промышленный потенциал и выплачивать reparации. Целью плана была ликвидация революционного движения в Германии на основе экономического подъема, а также – в перспективе – ориентация будущей германской экспансии на Восток.

Этому способствовали локарнские договоры 1925 г., гарантировавшие границы западных соседей Германии, но не предусматривавшие аналогичных гарантий для ее восточных соседей, а также вступление Германии в 1926 г. в Лигу Наций.

Вместе с тем, Германия не взяла на себя никаких антисоветских обязательств, тем самым, сохраняя на данном этапе свободу рук.

Торговый договор 1925 г. между Германией и СССР и договор о нейтралитете 1926 г. закрепляли свободу маневра германского правительства.

Между тем уже в 1925 г. правящие круги Германии сформулировали программу-минимум, которая заключалась в восстановлении довоенных позиций, в том числе возврат колоний, изменение восточных границ, присоединение Австрии. В конце 20-х годов был поставлен вопрос об ослаблении военных ограничений Версальского договора, началось строительство 4-х броненосцев.

С приходом Гитлера к власти меняется вся сущность международных от-

* План Дауэса – reparационный план для Германии, разработанный международным комитетом экспертов под представительством американского банкира Ч. Дауэса, был утвержден 16 августа 1924 г. на Лондонской конференции представителями держав-победительниц в Первой мировой войне. Он предназначался для восстановления в рамках Версальского договора экономически сильной и платежеспособной Германии.

ношений, поскольку Гитлер еще в середине 20-х годов в Библии фашизма “Майн Кампф” откровенно высказал претензии на мировое господство. Его расовая теория в сочетании с идеей захвата жизненного пространства делала внешнюю политику фашистской Германии откровенно реваншистской, милитаристской и агрессивной. Причем Гитлер открыто обозначил главных своих врагов в Европе: Францию как давнего соперника на континенте и Россию как “источник жизненного пространства”.

“Нам нужна не западная ориентация и не восточная ориентация, – писал он в “Майн Кампф”, – нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа. Для этого нам нужны силы, для этого нам нужно, прежде всего, уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе, ибо Франция является смертельным врагом нашего народа, она душит нас и лишает нас всякой силы”².

Англию и Италию Гитлер в тот момент рассматривал как потенциальных союзников, тогда как Россию – как главный объект экспансии.

“Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, – откровенничал он, – мы, конечно, можем иметь в виду только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены”².

Эта идеологическая и внешнеполитическая платформа Гитлера и обозначила рамки, а в известной мере и правила “большой игры”, а точнее, исторической драмы, которая развернулась в международных отношениях в 30-е годы.

Основными задачами Гитлера в этой игре были:

- полное снятие ограничений германского суверенитета, в том числе в военно-промышленной сфере;
- наращивание военно-экономического потенциала;

– обретение военно-политических и экономических союзников;

– предотвращение и расстройство реальных и потенциальных антигерманских коалиций;

– политическое и военно-экономическое ослабление основных противников;

– поэтапное решение – дипломатическими и военными мерами – задачи подчинения Германии ряда окружающих государств.

Соотношение сил сначала явно было не в пользу Германии, и Гитлер до определенного момента не был заинтересован в открытом военном столкновении с Францией и ее союзниками. В то же время откровенность Гитлера относительно агрессивно милитаристского характера его внешней политики, представлявшей угрозу “демократическому Западу”, с одной стороны, а с другой – об экспансионистских планах по отношению к большевистской России – все это побуждало основных международных “игроков” осуществлять “политику умиротворения” на Западе, подталкивая Гитлера к экспансии на Восток. Причем помимо пацифистских иллюзий ряда государственных деятелей, другим основным мотивом такой близорукой политики был воинствующий антисоветизм “западных демократий”. Так, вспоминая уже в начале 60-х годов ситуацию “Мюнхенского сговора”, бывший премьер-министр Франции Даладье признал, что в то время “идеологические проблемы часто затмевали собой стратегические императивы”³.

Геополитический и идеологический раскол Запада в 30-е годы вызвал потребность в использовании СССР как значимой военно-политической силы в “большой игре” за мировое господство между “демократическими” и “тоталитарными” режимами. При этом

англосаксонский мир проводил свою традиционную – в течение по меньшей мере трех столетий – по отношению к России политику натравливания наиболее сильных континентальных держав друг на друга с тем, чтобы ослабить и по возможности устраниć геополитических соперников: так было в Первую мировую войну, в которой Англии удалось стокнуть Германию и Россию, что вызвало в них революционные потрясения и крах имперских систем, так было и во Вторую мировую войну, когда посредством Мюнхенского сговора Англия и Франция толкали Гитлера на Восток.

В этих условиях главной внешнеполитической целью СССР было избежать (или как можно дольше оттянуть) вовлечение в назревавшую мировую войну, а задачами, которые пришлось решать Сталину, являлись:

- наращивание военно-экономического потенциала, что обеспечивалось, прежде всего, форсированной индустриализацией первых пятилеток;
- недопущение внешнеполитической и экономической изоляции СССР;
- предотвращение складывания потенциальных антисоветских коалиций и ослабление реально формирующихся;
- создание, по возможности, собственных коалиций, а в идеале – создание системы коллективной безопасности в Европе.

Не стоит забывать, что на Востоке у СССР был серьезный потенциальный противник в лице Японии, которого также следовало нейтрализовать. Основным средством достижения внешнеполитических целей была игра на многочисленных противоречиях западных стран.

Гитлер искусно играл на антибольшевистских настроениях западных держав, лелеявших планы стокнуть и тем самым ослабить и уничтожить два диктаторских режима. На этапе вплоть до

пакта с СССР ему удалось достичь очень многое – фактически, решения всех своих основных промежуточных задач. Гитлер успешно блокировал попытки создания региональных систем безопасности, например:

- Восточного пакта между СССР, Чехословакией и странами Прибалтики;
- сформировал в 1936–1937 гг. Антикоминтерновский пакт с Японией и Италией;
- способствовал победе Франко в Испании;
- стимулировал антисоветские настроения в крупнейших западных странах, предотвращая их сближение с СССР.

В то же время, еще в 1935 г. между Берлином и Лондоном было подписано морское соглашение, дезавуировавшее пункт Версальского мирного договора, запрещавшего Германии строительство военно-морского флота. Началось англо-германское сближение, причем Англия и США активно разжигали экспансионистские настроения Германии и Японии против СССР.

В 1937 г. велись англо-германские переговоры о гарантиях целостности Британской империи и свободе рук для Германии в Центральной и Восточной Европе. Франция также все больше отдалась от СССР, а французская система региональных союзов (Малая Антанта и советско-франко-чехословацкий договоры) оказалась в кризисе.

Aктивно осуществлялась милитаризация Германии: в 1935 г. в нарушение версальских ограничений был создан вермахт, а в 1936 г. немецкие войска вошли в Рейнскую зону, не получив отпора.

В марте 1938 г. произошел аншлюс Австрии. Западные демократии не реагировали, потакая агрессору. Они не раз демонстрировали “понимание законности” территориальных претензий

Германии в отношении Австрии, Данцига и даже Чехословакии.

Под видом самоопределения Судетской области Чехословакию вынудили удовлетворить притязания Гитлера “в интересах сохранения мира”. Франция открыто предала своего недавнего союзника.

Мюнхенское соглашение конца сентября 1938 г. радикально изменило ситуацию в Европе, предоставив Гитлеру огромный военно-промышленный потенциал Чехословакии, выгодное стратегическое положение для нападения на Польшу, а в перспективе – и для агрессии на Восток. Но главное, оно подтвердило полную безнаказанность и отсутствие противодействия фашистской агрессии. Была упущена последняя возможность раздавить еще не располагавшую достаточной мощью германскую военную машину, чей потенциал до захвата Чехословакии был существенно меньше совокупного франко-чехословацкого потенциала. А единство действий СССР (который не раз предлагал свою военную помощь), Франции и Англии моли легко остановить зарвавшегося экспансиониста.

В контексте всех этих процессов и событий международное положение СССР было очень сложным. Ни о какой мировой революции не было и речи, и СССР объективно был заинтересован в сохранении мира в Европе. Об этом свидетельствует и еще не преодоленная отсталость страны в индустриальном развитии, и многочисленные внешнеполитические шаги:

- заключение в 1935 г. договора с Чехословакией и Францией о совместной обороне против агрессии, под которой имелась в виду именно германская угроза;

- новая активная полоса (1933–1935 гг.) установления дипломатических отношений, в том числе с США;

– вступление СССР в 1934 г. в Лигу Наций;

- поведение СССР в условиях Мюнхенского кризиса;

- неоднократные предложения и инициативы, направленные на формирование системы коллективной безопасности в Европе, не нашедшие поддержки “западных демократий”.

В результате Мюнхена международная ситуация для СССР оказалась крайне напряженной: Франция не могла рассматриваться как надежный союзник, система коллективной безопасности отсутствовала, ни Восточный, ни Тихоокеанский пакты заключены не были. Была реальной перспектива изоляции перед лицом открытой агрессии одновременно с Запада и Востока, со стороны германо-японского альянса. Попытки добиться заключения союза с Англией и Францией летом 1939 г. не увенчались успехом, поскольку Лондон и Париж не хотели брать на себя конкретных обязательств, добиваясь односторонних преимуществ, и у СССР были все основания ожидать, что “западные демократии” намерены подставить его под удар Гитлера.

Одновременно осуществлялись тайные контакты Англии и Германии, причем в случае успеха Англия готова была отказаться от гарантий, данных Польше и другим странам, разделив сферы влияния.

В этих условиях для СССР оставалась только одна возможность: попытаться нормализовать отношения с Германией, и в случае развязывания войны в Европе обеспечивать собственную безопасность путем нейтралитета. Возможности здесь открывала и внешнеполитическая игра Гитлера, который остановился на варианте разгрома Польши в “молниеносной войне”, в результате чего западные союзники не смогли бы оказать ей помощь. Но для реализации этого плана Гитле-

ру также требовался нейтралитет СССР. Поэтому от Германии исходила инициатива активизации торгово-экономических отношений еще с конца 1938 г., что стало базой для более широких контактов.

Двойная игра Англии и Франции, очевидный провал переговоров с ними о заключении реального союза, информация о готовности Германии начать вооруженные действия уже в конце августа 1939 г. – все это подтолкнуло Сталина к заключению пакта с Германией о ненападении. Прочность этому союзу, по мнению сторон, должен был придать секретный дополнительный протокол, определявший разграничение “сфер интересов” двух стран в Восточной Европе и позволивший СССР извлечь определенные геополитические выгоды из сложившейся ситуации.

Авантюристическая решимость Гитлера не оставляла сомнений в нападении на Польшу в ситуации, пока существовали временные военно-экономические преимущества Германии, располагавшей самой боеспособной отмобилизованной армией в Европе, пока ее противники не развернули собственный потенциал. Не было сомнений и в том, что Польша будет разгромлена в течение одного-двух месяцев, а значит германская армия выйдет на ее восточные границы в непосредственной близости к Киеву и Минску.

Секретные протоколы пресекали эту возможность, улучшая стратегическое положение СССР, и обеспечивали его интерес, заключавшийся в том, чтобы войска вермахта остановились как можно дальше от его “старых” границ.

Вероятно, для того, чтобы закрепить статус военного нейтралитета СССР в условиях разгоравшейся мировой войны, Сталин пошел на дальнейшее сближение с Гитлером, заключив “Договор о дружбе и границе” (28 сентября 1939 г.), по которому, в частно-

сти, из сферы германских интересов перешедла в сферу советских Литва. Оба договора не были безупречны с точки зрения норм международного права, но вполне соответствовали практике международных отношений того времени, не особенно щепетильных по части права и тем более морали. “С волками жить...”, в том числе и с “демократическими”...

В промежутке между двумя событиями – пактом и 22 июня 1941 г. – СССР, абсолютно обоснованно действовавший в интересах собственной безопасности, отодвигавший свои границы (кстати, в пределах Российской Империи, окраины которой были насильственно оторваны от нее немецкими оккупантами, польскими авантюристами Пилсудского, а также мелкими пограничными государствами – Румынией, Финляндией и др.) рассматривался “демократическим Западом” как враг. Враг, вызывавший тем большую ненависть, что “не оправдал надежд” и не попал в расставленную ими политическую ловушку.

Несмотря на pragматичную политику Сталина, разгадавшего замыслы коварных будущих союзников и заключившего вынужденный договор о ненападении с Гитлером, давший некоторую мирную передышку, избежать вовлечения СССР в мировую войну не удалось, и Англия, стоявшая перед угрозой немецкого вторжения на Остров, торжествовала: руки Гитлера оказались связаны на Востоке. Довольны были и США, оказавшиеся в положении “третьего радующегося”, смотрящего на взаимное уничтожение “живой силы и техники” своих противников со стороны и имевшие теперь возможность не спеша провести полномасштабную подготовку своего общества, экономики и армии к вступлению в войну в Европе в наиболее выгодный для себя момент.

Но от СССР это уже не зависело, как бы ни старался Сталин ускорить открытие “второго фронта” в Европе.

Подводя итоги анализа, можно сделать следующие выводы.

В военно-политической дуэли Сталин проиграл Гитлеру **тактически**, не сумев определить время фашистского нападения, и, тем более, не успев нанести превентивный удар.

С осени 1939 г. в СССР была свернута внутренняя и внешняя антифашистская пропаганда, осложнились отношения со многими государствами, вступившими в противоборство с Германией. В определенной степени СССР связывала руки боязнь Сталина раньше времени спровоцировать Гитлера на войну. Трагическое начало Великой Отечественной 22 июня 1941 г., тяжелые поражения и отступление Красной Армии в первые месяцы войны – во многом следствие этих просчетов.

Однако стратегически по основным военно-политическим позициям Сталин выиграл.

Этих выигрышей было, по крайней мере, несколько. Прежде всего, Сталин переиграл дипломатии “западных демократий”, которые с самого начала хотели столкнуть СССР и Германию, повернув агрессию Гитлера на Восток. Вместо этого, в результате заключения пакта с СССР Гитлер направил свой первый удар против стран Запада. Тем самым СССР:

- предотвратил возможные коалиции и соглашения фашистской Германии с западными демократиями;

- прорвал международную изоляцию, фактически сложившуюся в результате “Мюнхенского сговора”;

- в перспективе получил в лице западных стран потенциальных военно-политических союзников, которые стали реальными с началом германской агрессии против СССР;

- выиграл время, использованное на форсированный перевод промышленности на военные рельсы, модернизацию и мобилизацию армии;

- ослабил потенциальный удар против СССР гитлеровской Германией, вынужденной рассредоточить силы и держать их на Западе, участвуя в боевых действиях, а также в оккупированных странах;

- отодвинул границы СССР на несколько сотен километров, тем самым “погасив” силу германского удара из-за растягивания коммуникаций, предотвратив мгновенный захват Ленинграда и отсрочив форсированное продвижение вглубь советской территории в условиях, когда каждая неделя имела существенное значение;

- заключением пакта с Германией в период конфликта СССР с Японией Сталин ослабил Антикоминтерновский пакт и фактически лишил Гитлера активного стратегического союзника на Дальнем Востоке, готового одновременно с Германией нанести военный удар на советских восточных границах.

Нападение фашистской Германии на СССР автоматически превращало его в союзника “западных демократий”. И совместная борьба с гитлеровской Германией изменила многие внешние формы взаимоотношений, в том числе изменился характер и тон взаимной пропаганды, произведший инверсию официальных образов с образа врага на образ союзника. “Братство по оружию” стало доминирующим ядром этого образа, а “классовые” оценки просто игнорировались.

Однако лидеры союзников – они же вожди народов разных цивилизаций и социально-экономических систем – никогда не забывали “кто есть кто”. Хотя в разгар противостояния с фашистской угрозой западные союзники доносили до своих народов правдивую информацию о подвиге Сталинграда, других

крупных битвах, что поднимало их собственный моральный дух, внушая веру в успех в борьбе с ранее “непобедимым III Рейхом”, но одновременно в тайне от СССР велись приготовления “на будущее” – создавалась ядерная бомба, готовились планы по послевоенному противостоянию с СССР.

В последние годы все чаще предвоненную внешнюю политику СССР 30-х годов оценивают с моральной точки зрения.

Однако следует подчеркнуть, что в те годы каждая из крупных стран вела свою игру: имела свои интересы, часто противоречившие другим странам, свои, всегда относительно ограниченные ресурсы для их реализации, ставила свои цели, вступала для их достижения в различные коалиции, выигрывала или проигрывала в конкурентной борьбе на мировой арене.

Ни один из участников “большой игры”, включая “западные демократии”, отнюдь не руководствовался соображениями морали, а только собственными интересами и принципом “каждый за себя”.

Тайная дипломатия, секретные протоколы, разделение “сфер влияния”, попрание норм международного права, предательство недавних союзников, –

все это было весьма обычным в международной практике 30-х годов.

Западные демократии “отметились” в подобных действиях отнюдь не меньше Сталина и Гитлера.

Чего стоит одно только Мюнхенское соглашение!

Наконец, собственную безопасность и интересы демократический Запад на-меревался обеспечить, прежде всего, за счет СССР, сложными политическими интригами пытаясь столкнуть в военном противоборстве германский фашизм и российский большевизм. Но в результате ни один из западных (да и восточных) политиков в мастерстве политической интриги оказался несопоставим со Сталиным, проявившим себя действительно лучшим политическим стратегом того времени.

К оценке этой исторической личности можно подходить с разными критериями. С современных позиций вполне очевидно, насколько соглашения СССР с фашистской Германией содержат морально-правовые изъяны. Однако, не-предвзято учитывая всю совокупность обстоятельств того времени, как дипломату и политическому стратегу, действовавшему в конкретно-исторической обстановке в интересах своей страны, Сталину следует воздать должное: действовал он профессионально и адекватно.

Примечания

¹ Вентцель Е.С. Исследование операций. М., 1980. С. 174–176, 179.

² Гитлер А. Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 567, 566.

³ Цит. по: Великая Отечественная война. 1941–1945. В 4-х книгах. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 21.

Георгий Константинович Жуков в Белорусской операции

Владимир Афанасьев

В сентябре 2009 г. на территории Республики Беларусь прошли беспрецедентные в постсоветский период по масштабам совместные российско-белорусские оперативно-стратегические учения “Запад-2009”. Весьма показательно, что они прошли примерно в тех местах, где за 65 лет до них проходили бои по освобождению Республики от немецко-фашистских захватчиков. Поэтому представляется уместным вернуться к событиям 65-летней давности.

В Белорусской наступательной операции – одной из крупнейших операций Второй мировой войны, во всем блеске проявилось полководческое искусство советских военачальников – Г.К.Жукова, А.М.Василевского, К.К.Рокоссовского, Г.Ф.Захарова, И.Д.Черняховского, И.Х.Багряянина, блестящей плеяды командармов.

Имя Маршала Советского Союза Г.К.Жукова в этой операции занимает особое место. При ее подготовке и проведении Георгий Константинович в очередной раз проявил себя выдающимся организатором операций крупного масштаба

Являясь заместителем Верховного Главнокомандующего, членом Ставки ВГК, Маршал Жуков принимал непосредственное участие в выработке замысла и плана операции, ее всесторонней подготовке и в качестве представителя Ставки координировал действия войск 1-го и 2-го Белорусских фронтов во время ее проведения.

Операция проводилась во исполнение перспективных планов, разработанных Ставкой при непосредственном участии Жукова еще в конце 1943 г.

Замысел летней кампании и основной в ней Белорусской операции неоднократно обсуждался у Верховного

АФАНАСЬЕВ Владимир Анатольевич – старший научный сотрудник ЦМВС, полковник запаса.

Ключевые слова: военное искусство, стратегическое планирование, наступательная операция, планирование и подготовкавойской операции.

Главнокомандующего в марте – апреле 1944 г., то есть в период операций по освобождению Правобережной Украины, когда Жуков командовал 1-м Украинским фронтом, заменив погибшего Н.Ф.Ватутина. В это время маршалы Г.К.Жуков и А.М.Василевский, занятый тогда операцией по освобождению Крыма, неоднократно вызывались с фронта для разработки предстоящей кампании.

После тщательной отработки необходимых материалов Г.К.Жуков и заместитель начальника Генштаба генерал А.И.Антонов в конце апреля 1944 г. доложили Верховному Главнокомандующему первые наметки плана кампании.

Всесторонне оценив обстановку, Жуков предложил тогда перенести основные усилия Красной Армии с юго-западного на западное стратегическое направление и нанести главный удар в Белоруссию, уничтожив так называемый “Белорусский балкон”, который гитлеровское командование расценивало как важный стратегический плацдарм на московском направлении.

Докладывая свои соображения, он акцентировал внимание на том, что разгром группировки войск противника в Белоруссии подорвет устойчивость всей его обороны на Восточном фронте. Его мнение не вызвало возражений у Верховного Главнокомандующего и руководства Генштаба.

Блестящее завершив Прокурорско-Черновицкую операцию, Г.К.Жуков с 22 апреля работал в Москве, сосредоточившись на детальной разработке плана летне-осенней кампании, в частности на разработке плана разгрома группировки противника в Белоруссии.

В конце мая после уточнений и дополнений план Белорусской операции, получившей кодовое название “Баграцион”, был утвержден.

К операции привлекалась стратегическая группировка в составе войск 1-го, 2-го, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов. В ночь на 31 мая была завершена отработка частных директив фронтам, которые за подписями Сталина и Жукова были направлены командующим фронтов.

По пространственному размаху и оригинальности замысла операция заметно отличалась от предыдущих. Общая полоса наступления превышала 1200 км, глубина операции составляла 600 км.

Целью операции был разгром основных сил группы армий “Центр” и завершение освобождения Белоруссии и части территории Литвы.

Предполагалось выйти на побережье Балтийского моря и к границам Восточной Пруссии, рассечь германский фронт и создать выгодные предпосылки для ударов по вражеским войскам в Прибалтике.

Замыслом операции предусматривалось: сковать противника с фронта активными действиями 2-го Белорусского фронта и, нанося главные удары силами 3-го и 1-го Белорусских фронтов, разгромить поначалу наиболее сильные фланговые вражеские группировки, окружить и уничтожить их в районе Витебска и Бобруйска, а затем, развивая наступление в глубину, окружить и уничтожить Минскую группировку противника, не допустив ее отхода на запад.

Успех операции во многом зависел от четкого взаимодействия сил и средств фронтов. Поэтому координацию действий фронтов, привлекавшихся к операции, Ставка поручила Жукову и Василевскому. За Жуковым закреплялись 1-й и 2-й Белорусские фронты, которыми командовали генералы К.К.Рокоссовский и Г.Ф.Захаров, за Василевским – 3-й Белорусский и 1-й

Прибалтийский генералов И.Д.Черняховского и И.Х.Баграмяна.

Теперь предстояла сложная, многоэтапная работа по непосредственной подготовке войск к предстоящей операции.

Срок начала наступления Г.К.Жуков и А.М.Василевский должны были определить сами, сообразуясь со степенью готовности войск подопечных им фронтов и в зависимости от складывающейся обстановки. Такое право было предоставлено им Ставкой ВГК.

Завершив отработку плана операции, Г.К.Жуков по своему обыкновению направился в войска. “Перед отправкой на фронт, – вспоминал Г.К.Жуков, – мы встретились с А.М.Василевским и самым внимательным образом обсудили все сильные и слабые стороны обороны противника, а также те мероприятия, которые нужно было провести в штабах и войсках.

С А.И.Антоновым, временно исполнявшим должность начальника Генштаба, мы договорились о контроле за со средоточением войск, материальных запасов и резервов Ставки, а также по вопросам связи и ориентирования нас о мероприятиях Ставки на других направлениях”¹.

Работать Г.К.Жукову предстояло в местах, которые он хорошо знал. В Белоруссии прошла значительная часть его службы.

С 1923 г. по 1939 г. он прошел здесь путь от командира кавалерийского полка до заместителя командующего округом по кавалерии.

Во время многочисленных учений и маневров он хорошо изучил местность, на которой предстояло действовать войскам порученных ему фронтов.

Учитывая, что в предстоящей операции нашим войскам предстояло действовать в сложных условиях лесисто-болотистой местности против сильного противника, создавшего мощную глубокоэшелонированную оборону, особое внимание он обращал на тщательное изучение особенностей местности перед нашим передним краем, разведку системы обороны противника, на всестороннюю подготовку войск, штабов и тыловое обеспечение операции.

С присущей ему скрупулезностью он вникал во все организационные и подготовительные мероприятия, проводимые в войсках, о своей работе информировал Ставку ВГК.

Так, 6 июня Г.К.Жуков докладывал И.В.Сталину:

“1. В 8 часов 5.6. прибыл к Румянцеву* и вручил ему директиву Ставки.

В течение дня с Румянцевым, Горбатовым, Романенко, Батовым, Козаковым, Руденко и командующим АБТ разобрали обстановку на правом фланге Румянцева. Особенно тщательно рассмотрели характер местности и систему обороны пр-ка. Командарм Лучинский находится в Гомеле на излечении и прибудет на свой участок не раньше 9.6. Я лично Лучинского могу проинструктировать только 9.6.

2. Румянцеву, Горбатову, Романенко и Батову дал указания по планированию и по подготовке переселения.

Особо потребовал от командармов:

а) тщательного изучения системы обороны пр-ка на всю глубину тактической обороны;

б) тщательного изучения характера местности (перед передним краем обороны пр-ка, на самом переднем крае и в глубине обороны пр-ка);

* Псевдоним К.К. Рокоссовского.

в) поучительной практической тренировки войск на местности схожей с местностью, на которой придется действовать.

В помощь войскам послал своих людей. Я лично с Яковлевым с утра 6.6. выезжаю к Горбатову и Романенко для просмотра и изучения переднего края обороны противника и с наблюдательных пунктов дам предварительные указания по организации известного Вам дела.

7. 6. с этой же задачей буду на переднем крае Батова. 8.6. выеду к Захарову.

План перевозок резко отстает от утвержденного плана. На 5.6. план перевозок недовыполнен на 25 эшелонов. Прошу приказать Кагановичу и Хрулеву выполнить план в указанные Вами сроки”².

8 июня Жуков прибыл на 2-й Белорусский фронт, работал на КП фронта, на следующий день посетил 49-ю армию, побывал на переднем крае, работал с командирами соединений и частей.

Поскольку 2-му Белорусскому в готовившейся операции предстояло нанести вспомогательный удар, Г.К.Жуков оставил там представителя Генштаба генерала С.М.Штеменко, сам же сконцентрировал свое внимание на подготовке к операции 1-го Белорусского фронта, которому отводилась главная роль в операции. При этом, находясь преимущественно в войсках К.К.Рокоссовского, он внимательно следил за ходом подготовки операции и других фронтов, которым предстояло участвовать в операции, находясь в тесном взаимодействии с А.М.Васильевским и получая информацию из Генштаба.

Как и в предшествующих операциях, огромное внимание уделялось достижению внезапности. Под особым контролем Жукова были вопросы, связанные с обеспечением скрытности

подготовки операции, мероприятия, направленные на введение противника в заблуждение относительно наших намерений.

Для создания у немецкого командования впечатления, будто летом Красная Армия будет наносить главный удар на юге, по указанию Ставки ВГК на правом крыле 3-го Украинского, севернее Кишинева, была создана ложная группировка наших войск. Подготовка же операции в Белоруссии тщательно скрывалась. Делалось все возможное, чтобы ввести противника в заблуждение относительно намечавшегося главного удара советских войск.

Задача эта была непростой.

Предстояло для создания наступательной группировки скрытно сосредоточить в западных районах 5 общевойсковых, 2 танковые и воздушную армии, 5 танковых, 2 механизированных и 4 кавалерийских корпуса, значительное количество отдельных бригад и полков различных родов войск, доставить порядка 400 тыс. т боеприпасов, 300 тыс. т горючего, 500 тыс. т продовольствия и фуражка, значительное количество других материальных средств.

29 мая за подписями Г.К.Жукова и А.И.Антонова в адрес командующих фронтами была направлена директива Ставки³, которой определялся комплекс мер, направленных на обеспечение скрытности проводимых мероприятий.

Все передвижения войск и техники предписывалось производить только в ночное время, строго соблюдая дисциплину ночного марша.

На дневках и в новых районах сосредоточения войска и техника должны были располагаться рассредоточено, тщательно маскируясь, не допускалось общение личного состава с местным населением, максимально ограничивалось движение грузов и подразделений по открытым дорогам и участкам местности.

В течение всего периода перегруппировки и подготовки к активным действиям сохранялся существующий режим ведения огня.

Строго был определен порядок рекогносцировок.

В полосах, намеченных для активных действий, было предписано вести оборонительные работы, обратив внимание на качество (правдоподобность) строительства ложных сооружений, ложных минных полей и т.д., в красноармейской печати главное место отводилось оборонительной тематике.

Был введен жесткий режим использования радиосредств, строго ограничивалась служебная переписка.

Предусматривались и другие мероприятия, направленные на маскировку готовившегося наступления.

Выполнение предписанных мероприятий было взято под жесткий контроль.

Старания Г.К.Жукова по обеспечению скрытности проводимых мероприятий и дезинформации противника не прошли даром.

Благодаря принятым мерам германское командование не сумело раскрыть ни общего замысла операции, ни ее масштаба, ни направления главного удара, ни сроков ее начала. Ожидая наступления наших войск на Украине, большинство своих танковых и механизированных дивизий противник держал южнее Полесья.

В период подготовки Белорусской операции в очередной раз проявилась еще одна характерная черта полководческого почерка Г.К.Жукова – постоянный поиск нестандартных решений, неприятие шаблонных действий и поощрение инициативы подчиненных. Постоянным поиском наиболее оптимальных решений характеризовался этап планирования операции. Творческая обстановка царила и на этапе непосредственной ее подготовки.

Вот один характерный пример.

Местность, где предстояло наступать войскам 1-го Белорусского фронта, была сильно заболочена. Данные разведки, оп-

рос плленных подтвердили предположения, что немцы исключали возможность наступления большими силами через болота и имели здесь очень слабую оборону. Топи были непроходимы для людей и для всех видов техники.

В 65-й армии генерала П.И.Батова родилась идея пустить танки через болота, по гатям, чего противник никак не ожидал. На болотах вдали от переднего края были оборудованы своеобразные танкодромы, на которых танкисты учились преодолевать топи. Г.К.Жуков внимательно изучил инициативу, поприсутствовал на занятиях, где танки один за другим уверенно двигались по гатям через болотные топи, побеседовал с танкистами. Идея пришла ему по душе.

По его указанию помимо утвержденного плана был разработан второй, ускоренный вариант где “главный удар намечался … через болота, где оборона противника слабее. Отсюда вытекала возможность ввести танковый корпус и стрелковые дивизии вторых эшелонов в первый же день боя.

В этом и было зерно, суть ускоренного варианта.

Как только стрелковые части преодолеют главную полосу немецкой обороны, входит в бой танковый корпус. Танкисты без больших потерь сами прорвут вторую полосу. Противник не имеет за болотами ни крупных резервов, ни мощного огня.

Обычный вариант оставался в силе на тот случай, если по каким-либо не-предвиденным обстоятельствам темп наступления дивизий первого эшелона замедлится. Он предусматривал прорыв обеих позиций вражеской обороны силами пехоты и ввод в бой подвижных частей с утра второго дня операции”⁴.

Однако для претворения идеи в жизнь предстояло провести исключительно большой объем инженерных ра-

бот: предстояло рассчитать и в короткий срок скрытно оборудовать множество гатей, способных выдержать тяжелую технику. Не случайно как-то во время проигрыша операции на ящике с песком, Г.К.Жуков образно назвал ее “инженерной операцией”⁵. Работы эти были выполнены, хотя и потребовали значительной затраты сил и средств, и сыграли позитивную роль в разгроме группировки противника в Белоруссии.

Творческая атмосфера при подготовке операции царила и в других армиях фронта. Г.К.Жуков внимательно высушивал предложения подчиненных, и, если видел в них рациональное зерно, поощрял решения порой весьма неординарные. В войсках шел постоянный поиск наиболее рационального использования различных родов войск.

По-новому была спланирована, а затем и осуществлена артиллерийская поддержка атаки пехоты и танков на 1-м Белорусском фронте. Тогда впервые был применен двойной огневой вал.

Необходимо отметить, что способы применения различных родов войск, в частности артиллерии и авиации, которым по замыслу операции отводилась исключительно важная роль, были предметом особого внимания Г.К.Жукова. Именно артиллерия и авиация должны были нанести такой огневой удар по тактической зоне обороны противника, который позволил бы нашим войскам вырваться на оперативный простор.

При рассмотрении плана использования авиации по предложению Георгия Константиновича было предусмотрено участие в операции не только фронтовой, но и авиации дальнего действия. Под его руководством был тщательно подготовлен маневр всеми наличными силами авиации в интересах 1-го и 2-го Белорусских фронтов, увязанный по времени и целям, с действиями артиллерии.

Предметом особой заботы Г.К.Жукова был выбор наиболее целесообразных способов действий войск. Каждый элемент решения, каждый практический шаг по подготовке операции всесторонне продумывались, прорабатывались возможные варианты развития операции. Для него не было мелочей. Он часто бывал в войсках, тщательно проверял ход подготовки к операции как в штабах, так и непосредственно на переднем крае.

Невзирая на опасность, Г.К.Жуков самым тщательным образом изучал оборону противника, местность, где предстояло наступать нашим войскам. Он поработал на местности в полосе каждой армии, еще и еще раз примериваясь и рассчитывая различные варианты операции, лично стремясь убедиться в правильности выбора направлений главных ударов, проверяя знание командирами стоящих перед ними задач, организацию взаимодействия (конкретно, по времени и рубежам)⁶.

Все проверялось практически, в деле. Никаких словесных объяснений. Конкретные вопросы и четкие конкретные ответы. За неполадки и погрешности в подготовке боевых действий был строжайший спрос, вплоть до отстречения от должности.

Накануне наступления на специально оборудованных макетах полосы наступления под руководством Г.К.Жукова в армиях были проведены проигрыши предстоящих боевых действий с руководящим составом армий, корпусов и дивизий. Разбиралось возможное течение боя на отдельных участках, особенности построения боевых порядков, отрабатывалось взаимодействие с соседями и средствами усиления. Обсуждения были предельно конкретны и предметны, без отвлеченных разговоров и теоретической риторики.

Вспоминая впоследствии об одном из подобных проигрышах, маршал войск свя-

зи И.Т.Пересыпкин отмечал: "Я старый кадровый офицер, много раз участвовал в подобных играх, но такого искусства, которое показал Жуков, ни разу не встречал. На ящике с песком до деталей была воспроизведена впереди лежащая местность, включая и зону обороны противника. Были проиграны различные варианты предстоящего наступления. Все это обеспечило армии большой успех ..."⁷.

Г.К.Жуков внимательно выслушивал решения командиров соединений, при необходимости вносил необходимые корректировки. Он не зажимал инициативу командиров, предоставляя им свободу действий, разумеется, в рамках решаемой задачи.

Так, на подобном совещании в 3-й армии командарм генерал А.В.Горбатов доложил решение, сильно отличающееся от указаний командующего фронтом⁵.

Он предложил нанести основной удар армии не с плацдарма, как это планировалось, а форсируя реку правее и левее, обходя группировку противника, расположенную перед плацдармом. Обосновывал он свое предложение тем, что перед плацдармом у противника имеются сплошные минные поля, проволока в 5–6 рядов, огневые точки в металлических колпаках и бетоне, сильная войсковая и артиллерийская группировка.

Предложил он изменить и оперативное построение армии.

В первом эшелоне он предлагал иметь не два, а три корпуса, причем третий корпус должен форсировать самую заболоченную часть реки, где противник не ожидает удара.

Для этого в армии были уже подготовлены переправочные средства. Свое мнение, отличное от указаний командующего фронтом, он имел и по вопросу использования второго эшелона армии.

Г.К.Жуков выслушал доводы командарма, во время перерыва в совещании поинтересовался мнением командиров корпусов В.Г.Жолудева и

В.К.Урбановича. В результате в решение командующего фронтом были внесены изменения, впрочем, определенные корректировки были внесены и в решение А.В.Горбатова. Затем Георгий Константинович дал участникам совещания ряд практических указаний по подготовке и проведению наступления.

На протяжении всего времени подготовки операции Г.К.Жуков ни на минуту не упускал из вида вопросы материально-технического обеспечения войск.

Он в полной мере использовал свою власть и свой авторитет для решения этих вопросов, при необходимости обращаясь за помощью к Верховному Главнокомандующему.

Н апряженная работа Г.К.Жукова, командиров и начальников всех степеней по подготовке операции не прошла даром.

Грандиозное наступление началось и развивалось в соответствии с намеченным планом. Утром 23 июня перешли в наступление войска 1-го Прибалтийского, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, на следующий день – войска 1-го Белорусского фронта.

Соединения 49-й армии 2-го Белорусского фронта в первый же день прорвали оборону на глубину 5–8 км и форсировали р. Проня. Затем, ломая сопротивление врага, они форсировали р. Веста и вклинились в оборону противника на глубину до 30 км, выйдя на оперативный простор и начав преследование отступавшего противника.

Успешно развивалось наступление и левофланговых армий 1-го Белорусского фронта.

Войска 65-й и 28-й армий при активной поддержке авиации в первый же день наступления вклинились в оборону противника на 10 км, расширив участок прорыва до 30 км. В 18 час. в прорыв был введен 1-й гвардейский танковый корпус.

Ускоренный вариант наступления, разработанный в армии П.И.Батова и поддержаный Жуковым, себя полностью оправдал.

Г.К.Жуков в это время находился на НП 3-й армии генерала А.В.Горбатова. Здесь на рогачевско-бобруйском направлении обстановка развивалась менее успешно. Армия в первый день наступления добилась незначительных результатов, отбивая яростные контратаки пехоты и танков, здесь удалось овладеть только первой и второй траншеями противника. Сказалась плохая работа разведки, не сумевшей полностью вскрыть систему огня противника.

Жуков по свидетельству начальника ГАУ маршала артиллерии Н.Д.Яковleva, также находившегося на НП Горбатова, "ничем не выдавал своего волнения. Он даже не беспокоил командарма, а, прогуливаясь по рощице, в которой располагалась НП армии, лишь изредка интересовался сообщениями о боевой обстановке в целом на фронте и у соседа – в войсках 2-го Белорусского фронта. ... Такому хладнокровию можно было только позавидовать"¹⁸.

С большими трудностями шло наступление и в полосе 48-й армии. Тем разительнее были донесения из левофланговых армий.

"Во второй половине дня, когда наблюдательный пункт нашей армии уже свертывался, чтобы перейти вперед, – вспоминал П.И.Батов, – меня срочно позвали к телефонному аппарату.

"Лично доложите действительную обстановку перед фронтом армии. Жуков", – читала телеграфистка.

Ответ: "Корпус Иванова прорвал оборону противника на фронте восемь километров. Корпус Панова введен. Ускоренный вариант первого дня наступления выполнен раньше намеченного срока".

Снова читаю на ленте: "Этого не может быть. У Романенко и Горбатова проilden всего два километра. Доложите точное расположение войск".

Ответ: "Стрелковые дивизии корпуса Иванова вышли на рубеж Городец – Протасы.

Танковый корпус ведет бой впереди в районе Брожа. Переношу свой командный пункт в Гомзу".

Аппарат молчал. Наконец отстукал короткую фразу: "Приеду смотреть сам".

В 15.00 на НП в Гомзу приехали Жуков, Рокоссовский, Новиков. Только проскочили их машины, как артиллерия противника из Паричей накрыла участок дороги.

– У тебя тут жарко, Павел Иванович, – сказал Рокоссовский.

Да, не безопасно, товарищ командующий. Советую не задерживаться.

– Никуда не поедем, – сказал Жуков. – Обедать будем. А пока докладывай, какие меры приняты против Паричей.

– Противник окружжен. Наносим удар силами стоящего корпуса при поддержке армейского танкового полка с задачей уничтожить окруженнную группировку"¹⁴.

К исходу третьего дня соединения армии Батова вышли южнее Бобруйска к Березине, а войска 28-й армии форсировали р. Птич.

После перегруппировки, с согласия Жукова, войск 3-й и 48-й армий к северу от направления главного удара, где сопротивление неприятеля было слабее, введения резервов и усиления действий по противнику авиации 16-й воздушной армии 26 июня и на этом участке фронта наступил перелом. Наши войска, усиленные 9-м танковым корпусом, при поддержке авиации прорвали тактическую оборону противника, и утром следующего дня танкисты вышли к Березине, отрезав противнику пути отступления.

Танкисты 1-го гвардейского танкового корпуса, прорвавшиеся в полосе 65-й армии во вражеские тылы, также перехватили пути отхода немецких войск.

В результате в районе Бобруйска в окружении оказалось около шести дивизий противника. Для скорейшего уничтожения окруженнего противни-

ка, пытавшегося вырваться из окружения, маршалы Жуков и Новиков решили привлечь 16-ю воздушную армию. Массированный налет около 400 бомбардировщиков и штурмовиков, продолжавшийся полтора часа в совокупности с ударами артиллерии по району окружения решили дело.

В это время войска 2-го Белорусского фронта при активной поддержке авиации 4-й воздушной армии и содействии партизан форсировали Днепр и окружили в Могилеве значительные силы противника. 26 июня после ожесточенного сражения наши войска освободили Могилев.

Для развития успеха на 1-м Белорусском фронте уже на второй день наступления в прорыв была введена конно-механизированная группа генерала И.А.Плиева, преодолевшая в 1-й день 30 км, во 2-й – 40 км и к 26 июня перехватившая все пути, ведущие к Бобруйску с юга и юго-запада. Быстрое продвижение конно-механизированной группы облегчило продвижение частей 65-й армии.

Как вспоминал И.А. Плиев, “представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г.К.Жуков внимательно следил за действиями корпуса и, получив донесение о выполнении нами задачи, напра-

вил представителей для проверки. Помнится, добраться до нас удалось только одному – полковнику Смирнову – на самолете По-2”⁵.

За пять дней войска 1-го Белорусского фронта продвинулись на глубину до 100 километров со средним темпом 20 км в сутки, в три раза превышавшем планировавшийся. Средний темп наступления конно-механизированной группы достигал 25 км в сутки.

Георгий Константинович Жуков внимательно следил за развитием обстановки не только в полосе 1-го и 2-го Белорусских фронтов, действия которых он координировал, он следил и за действиями войск 3-го Белорусского и 1-го Прибалтийского фронтов, участвовавших в операции “Багратион”. Операция развивалась успешно.

Наши войска прорвали всю оперативную глубину обороны противника, окружили и уничтожили витебскую и бобруйскую группировки противника и, преследуя отходящего противника, продолжали продвигаться на запад, охватывая минскую группировку.

Учитывая успешные действия подвижной группы 1-го Белорусского фронта, Георгий Константинович обращается к Верховному Главнокомандующему:

“Товарищу Сталину.

В связи с выходом корпуса Плиева – Столбцы, Городзей, Невиж и с подходом 3.7 корпуса Кривошеина в район Барановичи, у нас получился глубокий обход слева всей Минской группировки.

Крайне необходимо то же самое сделать и северо-западнее Минска, то есть нужно как можно быстрее подвижными частями Черняховского захватить район Молодечно, Волошин, Красное тогда мы заставим пр-ка быстрее бросить Минский район и припрем минскую группировку пр-ка к Нанибокской Пуще, где дорог очень мало. Прошу приказать Владимирову подвижными частями как можно быстрее выйти в район Молодечно, Волошин, Красное.*

2.7. 1944 г Жаров **.*

* Псевдоним А.М. Васильевского.

** Псевдоним Г.К. Жукова

Развивая наступление, продвигаясь с боями по труднодоступной лесисто-болотистой местности войска 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов окружили восточнее Минска 100-тысячную группировку основных сил 4-й и 9-й немецких армий. Причем в отличие от Сталинградской и Корсунь-Шевченковской операций здесь был создан подвижный внешний фронт окружения, что лишило противника возможности организовывать непосредственное взаимодействие его окруженной группировки с войсками, действовавшими вне окружения, и обеспечивало надежное и полное уничтожение окруженных сил врага в короткие сроки.

“В момент преследования отходящего пр-ка все подвижные части должны неотступно гнать пр-ка, не давая ему оседать на рубежах. Я категорически требую от вас:

1. Бросить вперед Панова, Бахарева и подвижные части 28, 65 и 48 А. Всем подвижным частям поставить задачу: не ввязываясь в бой с мелкими частями, обходя крупные части, стремительно выдвинуться на р. Щара и форсировать ее с хода, захватить зап. берег и держать захваченные плацдармы до подхода передовых частей армий.

Плиева и Кривошеина после захвата Барановичи бросить с той же задачей вперед на р. Щара.

2. Если Панов и Бахарев сильно истощились, пополните их за счет самоходных и танковых частей армий, а также примите меры срочного восстановления матчасти, для чего бросьте в поле все ремонтные средства фронта и запчасти.

3. Прошу обратить внимание на отставание подвижных частей фронта от частей Черняховского.

5.7.1944 г. Жаров”²².

Для того чтобы заполнить образовавшийся более чем 400-километровый разрыв в своей обороне и создать новый сплошной фронт обороны на восточно-прусском и варшавском направлениях, немецко-фашистское командование начало спешно перебрасывать свои стратегические резервы из глубины (в том числе с территории Франции, где шла Нормандская операция, Италии, Польши, Венгрии), с Львовского и других стратегических

Окруженная группировка была полностью деморализована, потеряла управление, ее успешно уничтожали войска 2-го Белорусского фронта и 31-й армии 3-го Белорусского фронта.

17 июля по улицам Москвы провели свыше 56 тыс. немецких военнопленных, сдавшихся советским войскам. В обороне противника образовалась огромная брешь, в которую устремились наши войска.

В условиях, когда противник спешно отходил на запад, важно было не дать ему закрепиться на заранее подготовленных оборонительных рубежах. Георгий Константинович дает Рокоссовскому распоряжение:

“В момент преследования отходящего пр-ка все подвижные части должны неотступно гнать пр-ка, не давая ему оседать на рубежах. Я категорически требую от вас:

1. Бросить вперед Панова, Бахарева и подвижные части 28, 65 и 48 А. Всем подвижным частям поставить задачу: не ввязываясь в бой с мелкими частями, обходя крупные части, стремительно выдвинуться на р. Щара и форсировать ее с хода, захватить зап. берег и держать захваченные плацдармы до подхода передовых частей армий.

Плиева и Кривошеина после захвата Барановичи бросить с той же задачей вперед на р. Щара.

2. Если Панов и Бахарев сильно истощились, пополните их за счет самоходных и танковых частей армий, а также примите меры срочного восстановления матчасти, для чего бросьте в поле все ремонтные средства фронта и запчасти.

3. Прошу обратить внимание на отставание подвижных частей фронта от частей Черняховского.

5.7.1944 г. Жаров”²².

направлений. Только с 23 июня по 16 июля в Белоруссию были переброшены 46 дивизий и 4 бригады.

Учитывая, что противник начал перебрасывать в Белоруссию механизированные и танковые соединения с Украины, Г.К.Жуков, продолжая координировать действия 1-го и 2-го Белорусских фронтов, включился в планирование и подготовку крупной наступательной операции войск 1-го Украинского фронта на львовском направлении.

11 июля он развернул свой командный пункт в районе Луцка, на стыке 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

С началом Львовско-Сандомирской операции 1-го Украинского фронта, начавшейся 13 июля, полоса наступления советских войск расширилась до 1000 км.

В результате ее проведения было нанесено тяжелое поражение группе армий "Северная Украина", освобождены западные области Украины и юго-восточные районы Польши. Эта операция способствовала успеху наступления наших войск в Белоруссии.

Необходимо отметить, что Г.К.Жуков не ограничивался рамками порученных ему для координации фронтов. Он постоянно искал пути скорейшего и полного разгрома войск противника.

Проанализировав развитие обстановки, складывающейся в результате действий наших войск в Белорусской операции, Г.К.Жуков доложил в Ставке свои соображения о дальнейших действиях. Он предложил, значительно усилив войска 2-го Белорусского фронта и фронтов, руководимых А.М.Васильевским, поставить им задачу при успешном развитии Белорусской операции, с ходу сломать оборону противни-

Белорусская операция, спланированная, подготовленная и проведенная при непосредственном участии Г.К.Жукова, по праву вошла в историю, как блестящий образец военного искусства.

По своему размаху и военно-политическим результатам она явилась самой крупной наступательной операцией наших войск за весь предшествующий период войны. Ее успеху во многом способствовали умелый выбор направлений главных ударов фронтов и решительное массирование на них имевшихся сил и средств.

В ходе операции была успешно решена задача одновременного прорыва мощной обороны противника на нескольких, далеко отстоящих один от другого, участках, а также быстрого развития успеха в оперативной глубине за счет умелого использования крупных танковых объединений и соединений.

В Белорусской операции по новому проявилось мастерство Жукова.

Операция внесла заметный вклад в развитие стратегии, оперативного искусства и тактики, обогатила военное искусство опытом окружения и уничтожения крупных группировок врага в короткие сроки и в самых различных условиях об-

ка, отсечь немецкую группу "Север" и захватить Восточную Пруссию.

Однако, видимо по политическим соображениям, предложение Жукова тогда принято не было. В результате позднее пришлось затратить значительные усилия, чтобы разгромить противника в Восточной Пруссии.

Продолжая наступление, наши войска завершили освобождение Белоруссии, а также части территории Литвы, Польши и вышли на подступы к Варшаве.

Наступая в полосе до 1100 км по фронту, они продвинулись на глубину 550–600 км и создали благоприятные условия для проведения наступательных операций на львовско-сандомирском направлении и последующего наступления на варшавско-берлинском направлении.

В ходе операции была разгромлена группа армий "Центр", большой урон понесли также группы армий "Север" и "Северная Украина".

Было полностью уничтожено 17 дивизий и 3 бригады противника, а 50 дивизий потеряли более половины своего состава.

В стратегическом фронте противника была пробита брешь до 400 км по фронту и до 500 км в глубину, которую немецкому командованию быстро закрыть было нечем.

становки. Причем восточнее Минска крупная группировка противника впервые была окружена не в исходном положении, как это было под Сталинградом, а в ходе развития наступления в оперативной глубине и в отличие от Сталинградской операции окружение, расчленение и уничтожение группировки противника под Минском осуществлялись одновременно как единый оперативный процесс. При этом осуществлялось фронтальное и параллельное преследование противника с выходом подвижных частей на его фланги и тыл, что было новым явлением в военном искусстве.

Успеху этой грандиозной операции в значительной степени способствовали воинское искусство, твердость и энергия Маршала Жукова, а также четкое взаимодействие войск нескольких фронтов, организованное им и А.М.Василевским.

Кстати, впервые за годы войны во время этой операции Г.К.Жукову и А.М.Василевскому Ставкой (29 июля) было предоставлено право, не только координировать, но и руководить войсками подопечных им фронтов.

Таким образом, летом 1944 г. Г.К.Жуков проявил себя зрелым руководителем высшего стратегического звена, способным спланировать, скрытно подготовить и провести крупномасштабную операцию, приведшую к разгрому крупной группировки противника и коренным образом изменившую политическую и стратегическую ситуацию на советско-германском фронте.

Полководческие заслуги и личное мужество Г.К.Жукова в Белорусской операции были отмечены второй Золотой Звездой Героя Советского Союза, а впереди его ждали новые блестящие победы.

Примечания

¹ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х томах. 13-е изд. М.: ОЛМА – ПРЕСС, 2002. Т. 2. С. 223.

² Документ предоставлен Институтом военной истории МО РФ.

³ ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 3. Л. 3–5.

⁴ Батов П.И. В походах и боях. Изд. 4-е. М.: ДОСААФ, 1984. С. 390–391, 395–396.

⁵ Освобождение Белоруссии 1944. Изд. 2-е. М.: Изд. “Наука”, 1974. С. 574, 356–357, 435.

Вермахт и бандеровцы: как они сотрудничали

Владимир Галицкий

Украина занимает важнейшее геополитическое положение в бассейне Черного моря. Владея Крымом, Украина способна контролировать фактически все Черное море (конечно в случае наличия у нее достаточного по количеству и качеству военно-морского флота). В силу этого она является весьма привлекательным регионом для стран НАТО и, прежде всего, США.

После распада СССР и не всегда продуманной политики России в отношении Украины сложилась реальная опасность развертывания на ее территории военно-морских и иных военных баз НАТО.

Не следует забывать также и о наличии на территории стран НАТО многомиллионной украинской эмиграции разных веков (особенно в Канаде и США), которая в подавляющем большинстве состоит из выходцев из Западной Украины и которая недружелюбно настроена по отношению к России как в прошлом, так и в настоящем. Она используется, и будет использоваться для нагнетания антируссизма на Украине и по отрыву ее от России, а также в инспирировании всевозможных конфликтов с нашим государством.

Обращает на себя внимание и тот факт, что некоторые политики, политологи, журналисты Украины и России, депутаты Госдумы и Верховной Рады уклоняются умышленно или по неосведомленности от объективного обсуждения таких наиболее актуальных вопросов как, почему:

- союз кучки западноукраинских националистов и бывших членов ОУН–УПА диктуют свою волю всей Украине;
- при различных изменениях во всех властных структурах Украины, политика украинских властей всегда остается враждебной России, хотя в это время Россия сохраняет добрососедство и доброжелательность к Украине;

ГАЛИЦКИЙ Владимир Прохорович – доктор юридических наук, профессор, действительный член Академии военных наук.

Ключевые слова: украинский сепаратизм, украинский национализм, сотрудничество ОУН–УПА с фашистским военным командованием.

- украинские националисты, являясь в подавляющем большинстве выходцами из Западной Украины, выступают от имени всего народа Украины, а им не достаточно дается отпор;
- в своих глобальных интересах США и НАТО демонстративно пытаются установить в сопредельных с Россией странах дружественные им и враждебные России политические режимы (Украина, Грузия, Румыния, Польша и др.);
- большинство украинского народа (за исключением его русскоязычной части) остается дезинформированным в отношении той огромной помощи, оказываемой Украине Россией на протяжении многих десятилетий, а определенная его часть остается на негативных к России позициях и т.д.;
- украинские дети воспитываются в государственных школах в духе ненависти к России;
- продолжается активный и системный пересмотр истории российско-украинских отношений, игнорируется тот факт, что, начиная со времен Киевской Руси, мы все были единым Русским народом с единой территорией, культурой, языком и Верой и лишь значительно позже, не по воле русского народа, стали делить его на русский, украинский и белорусский.

Нерешенность этих и других проблемных вопросов является результатом антироссийской деятельности украинских националистов, оголтело клевещущих на политику России в отношении Украины как в прошлом, так и в настоящем, а также попустительства правительства Украины. Украинские националисты имеют полную материально-финансовую, идеологическую и моральную поддержку как со стороны нынешнего политического руководства Украины, так и от своих единомышленников в странах НАТО, и прежде всего, в США и Канаде.

Опыт раз渲а Советского Союза с его главной идеологической основой – “дружбой народов” со всей очевидностью показал вред сокрытия исторической правды. К сожалению, до сих пор в современной России продолжают хранить чужие секреты прошлых времен. Однако в современной Украине этого не собираются делать, а используют выгодные для себя исторические факты, зафиксированные в быв-

ших наших общих секретных исторических документах, для того, чтобы опровергнуть прошлые отношения между Россией и Украиной. Это относится и определению роли и места Украинской повстанческой армии (УПА)* и Организации украинских националистов (ОУН) в приобретении Украиной самостоятельности и т.п.

Сокрытие исторической правды в России лишает российских историков

* В 1995–1999 гг. Национальной академией наук Украины совместно с Институтом украинской археографии и источникознавства им. М.С. Грушевского, издательством “История УПА”, Государственным архивом Ровенской области и Главным архивным управлением при Кабинете Министров Украины был издан двухтомник “Истории УПА”, в котором в выгодном свете изложена история деятельности УПА в 1943–1945 гг. (основной акцент сделан на политико-пропагандистской работе среди украинского населения – немецкой оккупации и тактике боевых действий в условиях разной местности). Особое внимание уделено сатирическим материалам на советскую власть, Сталина и других руководителей большевистской партии, отношениям партии большевиков к украинцам и их политика на Украине. В этих материалах содержатся прямые и косвенные призывы украинского населения к борьбе и сопротивлению Красной Армии и советской власти, если она возвратится снова на Украину, а также ненависти к русскому народу.

аргументов против очернителей и фальсификаторов бывшей совместной истории, истории народов Советского Союза вообще и отношений с Украиной, в частности. Утаивание информации (по политическим сиюминутным и иным соображениям) порождает незнание, а незнание – веру в скрытый или открытый обман. Это имеет прямое отношение, прежде всего, к участию представителей многих народов Советского Союза в войне на стороне фашистской Германии против собственной Родины вообще и украинского населения Западной Украины, в частности.

Правда о Великой Отечественной войне – это, прежде всего, правда о героическом подвиге всего советского народа (русских, украинцев, татар, чеченцев, ингушей, осетин, дагестанцев, белорусов и многих других народов, входивших в состав Советского Союза), сокрушившего полчища иноземных захватчиков и спасшего свою Родину и все человечество от фашизма. Не следует забывать, что на оккупированной немцами территории Украины было развернуто партизанское движение, в котором участвовало свыше 500.000 чел. (из них 95 чел. были удостоены звания Героя Советского Союза и 185.000 награждены орденами и медалями)² и это не говоря уже о миллионах украинцев, сражавшихся против фашистов в рядах Красной Армии, ВМФ и BBC Советского Союза.

Вот кто завоевал самостийность Украины, а не кучка бандеровцев, сотрудничавших с фашистами! Но это также и правда о тех, кого любыми путями стремятся перевести из категории коллаборационистов – предателей своего народа в категорию победителей фашизма и освободителей Украины.

К сожалению, вдохновителями преднамеренного искажения отечественной истории стали министерство образования и науки Украины и отдельные

структуры Национальной академии наук (НАН) Украины.

Школьные и вузовские программы не только не дают объективных знаний, но даже приближенных к правде сведений о событиях Великой Отечественной войны. Дело дошло до того, что, например, в учебнике для пятого класса утверждается, что освободителем Украины была УПА, а студенты исторических факультетов учатся по учебнику "Новітня історія України", в котором говорится, что "Украинская повстанческая армия верно служила высоким идеалам свободы и человека. В контролируемых ею районах... фактически функционировало государственное управление. УПА успешно боролась с немецкими захватчиками, польскими шовинистами..."³.

В учебнике для студентов неисторических специальностей высших учебных заведений Украины утверждается, что Украинская повстанческая армия уже в 1943 г. утвердила как "третья сила" в борьбе за освобождение Украины от немецких захватчиков⁴.

Однако исторические документальные факты убедительно свидетельствуют, что ОУН, бывшая в предвоенный период членом фашистского интернационала, не только по идеологии, но и по форме и методам действия была профашистской организацией, целью которой было создание украинского "нациократического" государства фашистского типа.

В Акте о независимости, зачитанного бандеровцами во Львове 30 июня 1941 г., сказано, что "Вновь образуемая украинская держава будет тесно сотрудничать с национал-социалистической Великой Германией, которая под предводительством своего вождя Адольфа Гитлера создает новый строй в Европе и мире", а ее армия "будет и дальше сражаться с союзной германской армией против московской оккупации за суверенное соборное государство и новый строй во всем мире"⁵.

Оуновцы составляли большую часть охранников нацистских концлагерей в

Европе, а формирования вспомогательной украинской полиции, наряду с немецкими айнзатцкомандами, являлись основными исполнителями политики геноцида евреев на территории Украины.

Только в одном Киеве в первые месяцы оккупации в Бабьем Яру было расстреляно 33.000 евреев, причем из 1.500 палачей 1.200 были из украинской полиции³.

Начиная с весны 1943 г., бандеровцы развернули массовые этнические чистки польского населения, жертвами которых стало не менее 120.000 поляков³.

Только с 10 по 15 июля 1943 г. отряды УПА на Волыни убили более 12.000 чел. мирного польского населения².

Вооруженное формирование Организации украинских националистов, получившее название Украинской повстанческой армии (УПА), было создано 12 октября 1942 г. при содействии германских спецслужб по фашистскому образцу.

По архивным данным, около 16% участников УПА служили в германской армии, украинской и немецкой полиции и жандармерии.

Костяк УПА составили бывшие офицеры вермахта и агенты германских спецслужб, среди которых были Шухевич, Клячкивский (командующие УПА), Маевский (начальник штаба УПА), Лебедь (один из организаторов формирования и расправы над польским населением).

Основным методом вербовки в УПА была насильтвенная мобилизация украинского населения с применением публичных наказаний, вплоть до смертной казни непокорных и их семей.

Савченко сообщал: “В материалах Полиции Безопасности и СД в Галиции, обнаруженных нами после изгнания немцев как оккупантов в бывшем здании СД гор. Львова, найден ряд совершенно секретных документов Полиции Безопасности и СД об их переговорах и совместной деятельности с ОУН-УПА на территории западных областей Украины в борьбе против Красной Армии и Советской власти.

Аналогичная ситуация была и с формированием дивизии СС “Галичина”.

По имеющимся документальным материалам, военное фашистское командование передало УПА только с августа 1943 г. по сентябрь 1944 г. более 700 орудий и минометов, около 10 тыс. станковых и ручных пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, 100 тыс. ручных гранат, 30 тыс. мин и снарядов, более 12 млн. патронов и др. оружия^{3,5}.

Кроме оружия, в распоряжение главного штаба УПА было предоставлено 300 полевых радиостанций, около 100 портативных типографий и другое снаряжение, выделены немецкие военные инструкторы и специалисты.

В этом отношении показательным является переписка и личные встречи руководителей ОУН-УПА и немецкого военного командования и разведслужб.

Во время освобождения г. Львова в 1944 г. органами госбезопасности Украины были захвачены трофейные документы немецкого военного командования и ОУН-УПА, в которых задокументирован говор между ними, соглашения о совместной борьбе с Красной Армией и советской властью.

О данной находке Народный комиссар государственной безопасности УССР комиссар госбезопасности 3 ранга Савченко доложил Народному комиссару государственной безопасности Союза ССР В.Н.Меркулову спецсообщением “О соглашении Центрального провода ОУН и командования УПА с полицией безопасности и СД о борьбе против Советской власти” (23 февраля 1945 г. № 340/с, г. Львов).

Анализ изъятых документов свидетельствует, что бандеровский Центральный “Провод” ОУН с начала 1944 г. в связи с возросшими темпами наступления частей Красной Армии и освобождением территории Украины от немецких захватчиков, неоднократно обращался к различным германским инстанциям с предложением максимально использовать кадры ОУН и УПА в борьбе против Красной Армии, партизанских формирований и органов Советской власти в нашем тылу.

Отдавая себя всецело в распоряжение немцев и заверяя их, что “Провод” ОУН подчинит все свои организации и банды УПА только выполнению заданий германского командования, представители “Провода” ОУН добивались ведения переговоров и заключения соглашения с немцами для борьбы “против большевизма” как равные партнеры. Представитель Центрального “Провода” ОУН, выделенный от военной и политической референтур этого “Провода”, называвший себя Герасимовским, при своих неоднократных встречах с представителями Полиции Безопасности и СД каждый раз доказывал последним, что бандеровцы никогда не вредили немецким интересам, а наоборот, все время оказывали им максимальную помощь, ведя борьбу за интересы Германии.

Герасимовский, как это видно из ряда захваченных нами документов, делал при этих переговорах от имени “Провода” заявление, что ОУН всегда являлась сторонником и союзником немцев, что единственная задача ОУН – бороться против большевизма, что основной закон ОУН гласит – ничего не предпринимать против немецких интересов и той политики, которую проводят немцы на Украине.

От имени Центрального “Провода” ОУН Герасимовский заверял немцев, что ОУН и УПА будут помогать германскому командованию в обеспечении подвоза к линии фронта немецких войск и техники, содействовать немецкой стройке на востоке и проведению мобилизации украинцев в германскую армию, представлять агентурно-разведывательные данные о Красной Армии, коммунистах и партизанах, действующих в тылу у немцев, и организовывать бандитско-диверсионную и террористическую работу в советском тылу”.

Во всех захваченных документах о переговорах и установлении контактов между ОУН и немцами, красной нитью проходит исключительная угодливость, проявляемая Центральным “Проводом” ОУН в отношении немцев. Представитель “Провода” Герасимовский 5.3.44 г. заявил представителю полиции безопасности и СД Галиции СС гауптштурмфюреру и криминальному комиссару Паппе, что ОУН никогда не будет требовать освобождения Бандеры и он может остаться в руках у немцев.

Герасимовский сам не раз предлагал немцам передать попавших в руки УПА советских разведчиков, парашютистов и партизан. Он предлагал также немцам передать им украинцев, дезертиров из дивизии СС “Галичина” с условием, чтобы их строго не наказывали, хотя всем было известно, что за дезертирство по германским законам полагается только смерть.

За свою бандитско-террористическую и шпионскую работу, которой будет подчинена вся деятельность ОУН и УПА Центрального “Провода”, Герасимовский просил немцев только снабжать его оружием и боеприпасами, причем во избежание расшифровки перед украинским народом прямой служ-

бы ОУН немцам – снабжение это должно было осуществляться конспиративным путем.

В этой связи следует подчеркнуть, что “Провод” ОУН настаивал, чтобы его переговоры с немцами носили сугубо секретный характер, чтобы о них совершенно не знали не только в народе, но даже среди рядовых членов ОУН–УПА, дабы “не дать повода большевикам, – как указывал Герасимовский, – считать ОУН–УПА прямой германской агентурой, состоящей на службе полиции безопасности и СД”.*

в 19 апреля 1944 г. совещании признали, что основной базой немецкой разведки, откуда она черпает кадры шпионов, диверсантов и террористов, является ОУН и УПА.

Перед бегством из Львова Центрального провода, ОУН согласился передать германскому командованию специально обученных членов ОУН–УПА в качестве агентов-диверсантов и агентов-шпионов радиостанций со специальными заданиями

немцев в тыл Красной Армии, так и для оседания на территории западных областей Украины.

Полиция безопасности и СД приняла предложение Центрального провода ОУН и 5 марта 1944 г. в гор. Тернополе произошла встреча представителя Центрального провода ОУН, называвшегося Герасимовским и представителя Полиции безопасности и СД Галиции гаупттурмфюрера и криминального комиссара Папе⁶.

На этой встрече Герасимовский заявил следующее: “Большая часть украинского народа из-за отступления немцев снова попала под большевистское насилие.

Среди попавших под большевистское господство украинцев, конечно, находится и организация ОУН с ее нелегальной работой. Если поэтому на сегодня немецкая и украинская стороны пришли бы к политическим переговорам, в течение которых бандеровская группа получила бы от немцев какую-нибудь уступку и этим была бы политически признана, то Сталин получил бы то преимущество, что он всех украинцев и членов ОУН, попавших под его насилие, мог бы назвать немецкими союзниками или их агентами и поэтому имел бы право всех их уничтожить. Исходя из этого, наша организация требует никаких политических переговоров не вести и, больше того, желает, чтобы все переговоры и встречи и последующее после этого сотрудничество проводилось строго конспиративно”⁶.

Касаясь отношения Центрального провода ОУН и его организаций, а также УПА к немцам, Герасимовский заявил: “... Традиционная опора Германии для украинцев и их дружба с немецким народом будут в дальнейшем, как и прежде, представлены в организациях украинцев, и нужно покончить с той ошибкой, якобы, бандеровские группы рассматривают Германию, как противника.

Политическое развитие на территории Великой Украины также стало иным, когда Германия, после освобождения от большевистского ига в 1941 г., дала согласие украинцам на самостоятельное государственное управление.

* В документах сохранена орфография оригинала.

Бандеровская группа утверждает, что украинцы удовлетворились бы государственной формой, подобно протекторату, но этот шаг к самостоятельности украинцев не был выполнен Германией, так что бандеровская группа, связанная идеей, вынуждена для своей политической цели работать нелегально. Но все же в нелегальной работе строго предусмотрено не действовать против Германии.

Основным законом для ОУН было ничего не предпринимать против немецких интересов и немецкой стройки. Если же в отдельных местах и происходили акты саботажа, возможно даже случались убийства немцев, то это никогда не было по приказу руководства бандеровской группы, а произошло самовольно украинцами из уголовных побуждений или чувств личной мести – отплаты⁷⁶.

На переговорах между Герасимовским и Паппе подверглись детальному обсуждению вопросы – как принципи-

ально защитить немецкие интересы, обуздять польский террор, а также меры для борьбы с большевизмом.

В результате прений договаривающиеся стороны пришли, как это видно из захваченных документов, к следующему соглашению, которое должно быть утверждено командиром полиции безопасности и СД Галиции и бандеровским Центральным проводом ОУН.

“1. Требования ОУН-бандеровской группы к немецкой договаривающейся стороне.

а) В будущем немецкие охранные власти больше не будут арестовывать украинцев за их нелегальную деятельность, если эта деятельность не будет выражаться в терроре, саботаже и покушении и если ОУН-бандеровская группа будет придерживаться своего обещания активно действовать исключительно против большевизма.

б) Немецкие охранно-полицейские власти обязуются освободить всех политических украинских пленных и арестованных, чтобы физически сохранить их для решительной борьбы против большевизма.

При определении этого пункта переговоров – по вопросу освобождения всех политических украинских пленных должны последовать особые переговоры и ОУН-бандеровская группа намерена доказать свою добрую волю и честные намерения с немецкой договаривающейся стороной тем, что она отказывается от известного числа или известного сорта украинских политических арестованных, если Полиция Безопасности в задержании этих арестованных особенно заинтересована.

ОУН-бандеровская группа достаточно рассудительна для того, чтобы никогда не требовать освобождения Бандеры. Он сможет без того, чтобы были нарушены начавшиеся с хорошими намерениями переговоры, оставаться в руках у немцев.

в) Немецкая договаривающаяся сторона гарантирует, что она окажет свое влияние на официальные украинские инстанции, а также Центральный Украинский Комитет и Украинский Комитет Взаимопомощи, чтобы в будущем они в своей пропаганде больше не называли ОУН-бандеровскую группу зараженной большевизмом или большевистской агентурой, так как этот неверный и несправедливый упрек затрагивает честь бандеровской группы

и является очень постыдным потому, что большевизм для ОУН-бандеровской группы и всего украинского народа является врагом номер 1.

В такой же степени немецкая договаривающаяся сторона позаботится о том, чтобы также и другие немецкие и украинские официальные инстанции больше не выступали против ОУН с упреком в большевистской зависимости им.

г) ОУН-бандеровская группа получает свободу действий в своей организационной деятельности.

Обеспечение свободной деятельности касается: пропагандистской, организаторской, военно-подготовительной работы, с категорическим ограничением затрагивания немецких интересов в пропагандистском, организационном и военном секторе организации ОУН.

Подготовительная и военно-организационная работа распространяется исключительно на будущую работу против большевизма или на боевые задания, поставленные и указанные организацией со стороны немцев.

д) Немецкая договаривающаяся сторона дает гарантию, что украинский народ и ОУН – бандеровская группа будут защищены от террора польских организаций и польских провокаций.

2. За соблюдение этих условий бандеровская группа обещает со своей стороны немецкой стороне следующее:

а) Бандеровская группа соблюдает полную и безоговорочную лояльность ко всем немецким интересам, как подвоз, немецкое строительство на востоке и необходимые требования в тыловых военных районах.

б) ОУН-бандеровская группа предоставляет в распоряжение немецкой договаривающейся стороне собранный своей разведкой агентурный материал против поляков, коммунистов и большевизма и предоставляет немецкой договаривающейся стороне возможность использовать этот материал и проводить карательные операции соответствующим немецким интересам способом.

в) ОУН-бандеровская группа не предпринимает больше никаких самостоятельных и самовольных действий при помощи своих военных отрядов против польских провокаций и террора, направленных по адресу украинцев⁶.

О результатах этих переговоров с представителем Центрального провода ОУН Герасимовским Управление безопасности и СД направило специальное письмо командующему полиции безопасности и СД Галиции в генерал-губернаторстве СС оберфюреру и полковнику полиции Биркампу 13.3.44 г., в котором указывалось: "...Я предлагаю дать мне возможность при следующих переговорах дать ОУН-бандеровской группе следующие требования для выполнения в доказательство лояльности:

1. ОУН-бандеровская группа прекращает всякий террор против польского населения и всякую деятельность против немецких интересов. 2. ОУН-бандеровская группа обязуется представить в распоряжение Полиции Безопасности все результаты разведки о большевизме, коммунизме и польском повстанческом движении".

23 марта 1944 г. в гор. Львове состоялась вторая встреча СС гауптштурмфюрера и криминального комиссара Паппе, как представителя Полиции Безопасности и СД с Герасимовским – представителем Центрального "Провода" ОУН.

На этой встрече Герасимовский заявил, что в Центральном “Проводе” ОУН “Существует полная ясность относительно обсужденных вопросов и что все пункты признаны и приняты со стороны ОУН. От соглашения с Полицией Безопасности ОУН ожидает очень многое, как для самой организации, а также для взаимного понимания, принимая во внимание будущее развитие на велико-украинской территории и, прежде всего, нынешнее положение и совместную борьбу против заклятого врага – большевизма”.

Особо настойчиво Центральный провод ОУН добивался сохранения в строжайшей тайне ведущихся переговоров с немцами и подчинения всей деятельности ОУН-УПА германским интересам.

Так, из документов видно: “Чтобы эту борьбу против общего врага можно было вести интенсивно, ОУН желает, чтобы немцы доставляли ей конспиративным путем боеприпасы, оружие, взрывчатые вещества. Доставка оружия и диверсионных средств со стороны немцев через линию фронта частям УПА должна производиться по всем правилам конспирации для того, чтобы большевистскому режиму не дать в руки козырь, что оставшиеся за линией фронта украинцы являются немецкими союзниками и их агентами и реагировать против украинцев соответствующими акциями по уничтожению их.

Практикующийся уже теперь немецкой армией метод доставки оружия и боеприпасов отдельным частям УПА за линией фронта, с которыми имеются местные соглашения, путем выброски из самолетов, обозначенными национальными украинскими красками, должен быть немедленно прекращен, так как Советы используют это обстоятельство в своей политике против украинского народа.

Поэтому ОУН желает, чтобы переговоры и соглашения в будущем предпринимались только центром и чтобы немецкой договаривающейся стороной, по возможности, была Полиция Безопасности, так как она знает правила конспирации и понимает как нужно работать, в то время, как у других органов и организаций отсутствуют эти знания. Вообще ОУН выразила свое удовлетворение тем, что между УПА и немецкой стороной вообще имели место местные соглашения”.

Этого же числа, а именно 23 марта 1944 г., с санкции Центрального провода ОУН Герасимовский имел встречу во Львове также и с командиром Полиции безопасности и СД в Галиции – СС оберштурмбанфюрером и старшим имперским советником доктором Витиска.

Как видно из доклада Витиска в Берлине от 21.4.44 г., беседа между Герасимовским и Витиска происходила на частной квартире последнего и касалась вопросов, затрагивавшихся в предыдущих переговорах. Герасимовский снова подтвердил желание ОУН-бандеровской организации о сотрудничестве с немцами против большевизма. Как указывается в докладе, резюмируя свою беседу, Витиска в заключение поставил Герасимовскому три конкретных вопроса:

“1. Прекратит ли ОУН-бандеровская группа всякое разложение украинской добровольческой дивизии СС “Галичина”?

Герасимовский ответил утвердительно.

“2. Будет ли прекращено ОУН-бандеровской группой влияние на украинскую полицию?”

Герасимовский ответил утвердительно.

“В случае, если немцы проведут новую мобилизацию украинцев в армию для борьбы против большевиков, ОУН-бандеровская группа не будет вести пропаганду против этого?”

Герасимовский заявил – “ОУН не помешает. К тому же в украинском народе столько живой силы, что немецкая оккупационная власть может проводить мобилизацию и еще останется достаточно сил для вербовки УПА, так что оба партнера друг-другу не помешают”.

После установления контакта ОУН с полицией безопасности Герасимовский с санкции Центрального “Провода” ОУН обхехал все отряды УПА в Галиции, где обратил строгое внимание командиров отрядов на необходимость лояльного отношения к немцам и чтобы был положен конец всем трениям и стычкам со стороны отдельных отрядов.

Герасимовский при переговорах с немцами делал ссылку на, якобы, изданный Центральным “Проводом” ОУН по этому поводу приказ.

В результате этих мероприятий, как явствует из сообщений Полиции Безопасности, деятельность банд УПА против немецких интересов была сведена почти к нулю.

Об этом характерно свидетельствует доклад тайной Государственной Полиции – Гестапо гор. Тарнополя командиру Полиции Безопасности и СД Галиции доктору Витиска от 22 мая 1944 г.: “За отчетный период в местном служебном округе политическое положение заметно успокоилось, нападений на райхсдойче не было. Также прекратились убийства поляков. УПА издало распоряжение о прекращении нападений на райхсдойче. Это указание проводится теперь в жизнь... ”⁶.

Из документов полиции безопасности и СД устанавливаются многочисленные факты, когда банды ОУН и УПА вступали в контакт с ко-

мандованием различных немецких воинских частей, получали от них оружие и совместно вели борьбу с Красной Армией.

Заслуживает внимания циркуляр “Об обращении с членами УПА”, изданный 12.2.44 г. так называемой боевой группой Прюцманна: “Начавшиеся в районе Деражни переговоры с руководителями националистической Украинской Повстанческой Армии продолжаются теперь также в районе Верба. Договорились: члены УПА не будут нападать на немецкие воинские части. УПА посыпает в настоящее время разведчиков, преимущественно девушек, на занятую врагом территорию и докладывает результаты 1-ц – (представителю разведывательного отдела) боевой группы.

Пленные красноармейцы, а также попавшие в плен лица, состоящие в советских бандах, будут доставлены представителю разведывательного отдела для допроса, а пришлый элемент будет передан боевой группе для направления на разные работы. Чтобы не мешать этому необходимому для нас сотрудничеству, приказывается:

1. Агентов УПА, которые имеют удостоверения за подписью некоего “капитана Феликса”, или выдают себя за членов УПА, пропускать беспрепятственно, оружие оставлять им. По требованию агенты должны быть немедленно приведены к 1ц (представителю разведывательного отдела) боевой группы.

2. Части УПА при встрече с немецкими частями для опознания поднимают к лицу левую растопыренную руку, в таком случае они не будут атако-

ванны, но это может случиться тогда, если с противоположной стороны будет открыт огонь.

3. Часто со стороны УПА имеются жалобы, что немецкие полицейские и армейские части проводят самовольные реквизиции, особенно птицы. В связи с этим указывается на приказ от 11.2.44 г., согласно которому командиры единиц отвечают за прекращение реквизиций всякого рода.

Подписал: Бреннер генерал-майор и СС – бригаденфюрер⁶.

В изъятой органами госбезопасности Украины в 1944 г. докладной записке разведывательного отдела 4-й немецкой танковой армии от 22.5.1944 г. “О положении банд в районе действия армии” отмечается, что: “...Войсковая группа “Украина-Север” ведет переговоры с областным руководством УПА и расценивает их как перспективные. Абверкоманда 202* уже достигла практического сотрудничества с УПА и получает агентурные сообщения секретных осведомителей и активистов, которые используются для боевых действий за вражеским фронтом”⁶.

В захваченном органами госбезопасности Украины секретном наставлении “Поведение по отношению к УПА” Комиссариат пограничной полиции в Дрогобыче от 26 мая 1944 г. также подчеркивает необходимость сотрудничества с УПА и использование для воинских нужд услуг, предоставляемых УПА.

В этом наставлении подчеркивается, что в случае необходимости разрешается поддержка и подкрепление банд УПА, находящихся в советском тылу.

Наряду с этим, официальные документы полиции безопасности и СД, свидетельствуют также и о том, что члены ОУН и УПА в широких масштабах использовались различными германскими разведывательными орга-

ми для шпионской и диверсионной работы в тылу Красной Армии.

19.4.44 г. во Львове состоялось информационное совещание руководителей Абверкоманд 101, 202 и 305 армейской группы “Юг” по обмену опытом разведывательной работы и использованию в этих целях членов УПА.

Из выступлений на этом совещании руководителей абверкоманд следует сделать вывод, что основной базой немецкой разведки на территории Галиции являлись члены ОУН–УПА. На совещании было единодушно констатировано, что немецкая агентура, забрасываемая в тыл Красной Армии из числа членов ОУН–УПА, успешно выполняла даваемые ей немцами задания, предоставляя весьма ценные разведывательные данные.

Заслуживают внимания выступления руководителей абверкоманд, судя по протоколу совещания, захваченного органами госбезопасности Украины, а именно⁶:

“1. Абверкоманда 101. Подполковник Линдгарт раньше проводил свою агентурно-разведывательную деятельность, главным образом, через военнопленных. В результате быстрого продвижения русских, на сегодняшний

* С абверкомандой 202 непосредственно сотрудничал Роман Шухевич.

день почти невозможно стало вербовать их для использования в немецких целях. Исходя из этого, ему остается единственная возможность использовать членов УПА.

Для его разведывательной службы могут быть использованы годные к военной службе и решительные лица, которые в Галиции, как правило, объединены бандеровской группой и УПА. Без связи с УПА его агентурно-разведывательная деятельность была бы вообще невозможной.

Представленный в его распоряжение со стороны военного сектора УПА материал исключительно обширен и в большей своей части годен для использования армией в военном отношении. Кроме того, в некоторых случаях соединения украинских банд УПА вместе с немецкой армией сражались против Красной Армии и большевистских партизан. Хотя соединения УПА имели большие потери, но на некоторых участках в критический момент они оказали немецкой армии услуги, которых нельзя недооценивать.

2. Абверкоманда 202. Подполковник Зелигер подобного мнения. Его задача – организация проведения подрывной работы за линией фронта, которая может быть выполнена только при помощи УПА.

В районах, занятых русскими, УПА является единственным противником. Поэтому ее укрепление путем снабжения УПА оружием и обучение соответствующего количества людей, лежит в интересах армии.

Однако связь с отрядами за линией фронта может быть установлена только посредством частей, находящихся на немецкой территории. Поэтому он должен практически охватить членов УПА на территории Галиции и после обучения и вооружения их перебрасывать с самолетов на русскую сторону или же пропускать большие группы через фронтовые бреши. Для этого есть согласие берлинских инстанций. Он уже продолжительное время имеет связь через посредника с Шухевичем* и уже получил несколько человек для обучения.

Предложение Шухевича вооружить все отряды УПА Галиции и постепенно перебросить их на сторону русских он из-за предосторожности не принял. Все же он, по договоренности с Берлином, в ближайшее время на участке фронта Делатин-Станислав, непосредственно на переднем крае обороны, вооружит около 100 человек и при помощи действующих там немецких частей перебросит их за линию фронта”.

Перед бегством из Львова немцы предприняли ряд мер по насаждению и оставлению своей агентурно-осведомительной сети на территории Галиции. Как свидетельствуют архивные

документы, полиция безопасности и СД установила контакт с ОУН и УПА в части использования их участников в советском тылу для шпионской и диверсионной работы.

Так, 14.7.44 г. командир полиции безопасности и СД в Галиции Витиска в документе, адресованном в Берлин в Главное управление государственной безопасности СС штурмбанфюреру и советнику управления Померингу сообщал: “Я указывал на мой контакт с ОУН-бандеровской группой и УПА,

* Шухевич Роман, о котором речь шла на совещании, являлся главнокомандующим УПА и членом Центрального “Провода” ОУН и практически его возглавлял.

о чем я доложил 1У отделу и командующему Полиции Безопасности. По данным на настоящее время, практика работы УПА в этих районах говорит за то, что они лучше всего пригодны для С (диверсионных) поручений и в то же время они в своих собственных рядах имеют обученных радиостанций.

На последней встрече со связным УПА-ОУН Н-ский референт, обсуждая комплекс этих вопросов, узнал, что штаб ОУН в основном не отклоняет (предложение) представить в распоряжение немецких интересов групп агентов диверсантов и радиостанций. ОУН все же желает, чтобы за саботаж и борьбу УПА против Советов им оставляли уже сейчас вооружение, боеприпасы и медикаменты. Я убежден, что ОУН действительно предоставит группы диверсантов и радиостанций, если будут выполнены их просьбы”.

Оставление в тылу Красной Армии шпионов и диверсантов с приданными им радиостанциями подтверждается также и другим документом от 15.7.44 г., адресованным в Берлин в Главное управление государственной безопасности СС штурмбанфюреру и советнику управления Померингу: “7.6.44 г. Н-референт имел очередную встречу с Герасимовским, на которой преимущественно обсуждался вопрос о выводе за линию советского фронта агентов Ф (радиостанций) и агентов С (диверсантов), а также об оставлении агентов Ф (радиостанций) на случай, если по ходу военных действий в дальнейшем будет оставлена территория Галиции. Этот разговор велся также в интересах дислоцирующейся здесь зондеркоманды “Цеппелин”, а также в разрезе телеграммы – приказа № 63773 от 27.6.1944 г. – 4 А 2 б-227/44 – секретно.

Относительно оставления агентов Ф (радиостанций) и С (диверсантов) для вывода их за линию советского фронта Герасимовский заявил, что УПА поддерживает в этом вопросе связь с армией, а Полиция Безопасности – связь с ОУН-бандеровской группой. Поэтому будет излишним ознакливать также Полицию Безопасности с намеченными членами УПА. Скорее, Полиция Безопасности может указать армии конкретные задания, выполнение которых касается ее интересов для того, чтобы могли быть выполнены агентами армии Ф (радиостанциями) и С (диверсантами) одновременно с заданиями армии.

Прошу немедленно сообщить, имеется ли Ваше согласие на такой метод и в данном случае прошу ознакомить нас с особенно интересующими заданиями по разведке и диверсии в советском тылу. Вопрос оставления радиоагентов в целях моей служебной инстанции, в случае дальнейшей частичной эвакуации Галиции Герасимовский хочет поставить на обсуждение в штабе ОУН-бандеровской группы и при следующей встрече сообщить будут ли оставлены члены УПА для моих целей и для выполнения заданий, указанных в телеграмме-приказе.

Герасимовский использовал разговор с Н-референтом и при освещении деятельности УПА в тыловых советских районах, о которых я особо докладывал, указал, что УПА туда не доставляется оружие, боеприпасы и медикаменты, поэтому расходование этих средств должно быть очень осторожным и ограниченным, что препятствует повышению ее активной деятельности.

Немецким интересам не угрожает ни какая опасность, если для УПА в тыловых вражеских областях будет доставлено с немецкой стороны оружие

и боеприпасы, а также медикаменты путем выброски с самолетов. Наоборот, лучшее вооружение и оснащение УПА на Востоке способствовало бы также немецким военным интересам.

Прошу, по возможности, быстрее сообщить, нет ли против этого принципиальных возражений. Известный контингент вооружения надеюсь, сумею достать сам через начальника СС и полиции и командование армейской группировки “Северной Украины”, чтобы сбросить его самолетами зондеркоманды “Цеппелин” в советский тыл.

В связи с этим, Герасимовский поднял также вопрос о том, не будет ли целесообразно уже сейчас создать в Галиции склады с оружием и боеприпасами для УПА, получить которое она сможет лишь тогда, когда немецкая армия очутится в таком положении (зачеркнуто в оригинале) и вынуждена будет оставить в дальнейшем территорию Галиции.

Склады могли бы с немецкой стороны пока держаться в совершенном секрете, а также таким способом охраняться, чтобы были обеспечены от вскрытия их некомпетентными лицами.

В остальном Герасимовский берет на себя ответственность за то, что УПА, которой тайники должны стать известными только после отступления немецких частей, раньше не присвоит этих складов насильственным путем.

По моему мнению, и здесь нет никакой большой опасности, так как склады могут быть соответствующим образом замаскированы и охранямы. Но прежде чем я буду продолжать вести переговоры об этом и урегулирую технические детали, прошу сначала высказать Ваше мнение по этому вопросу. Я буду очень приветствовать разрешение указанных мероприятий как в интересах установления моей связи, так и в интересах диверсии вражеского подвала и советской администрации.

*Командир Полиции Безопасности и СД в Галиции – Витиска*⁶.

Фактами, подкрепляющими достигнутые соглашения ОУН–УПА с немцами являются конкретные дела бандеровцев.

Выписка из докладной записки “О связи ОУН-бандеровцев с немцами” народного комиссара госбезопасности УССР комиссара госбезопасности 3 ранга Савченко № 626с от 10.04.1944 г. (г. Ровно) в адрес народного комиссара госбезопасности СССР комиссара госбезопасности 1 ранга Меркулова В.Н.: “... Показаниями арестованного УНКГБ по Волынской области члена районного “Провода” ОУН – Сирика установлено, что в первых числах января 1944 года в селе Комарово, Колковского района Волынской области, состоялись переговоры между командующим УПА “Клином Савур” и командованием венгерских частей, использовавшихся немцами для охраны тыла. ...

Такие же переговоры вели и с немцами, в результате которых было достигнуто соглашение между ними и немецким командованием о совместных действиях против Красной Армии.

Как выясняется, переговоры были начаты в начале 1944 года, еще до освобождения нами территории наибольшей концентрации банд УПА. В захваченном УНКГБ по Ровенской области дневнике активного оуновца – Ткачука Владимира имеется следующая запись, датированная 21.1.44 г.: “...

здесь встретились с Сайгором и его “дипломатами”, он ехал на переговоры с немцами. ...”.

Сайгор известен нам как один из ближайших сподвижников командующего Северной группой УПА – “Заграва” – Дубового.

12.2.44 г. Разведотделом боевой группы Прюцмана был издан приказ, в котором указывалось, что в результате начатых в районе Деражно и успешно законченных в районе Верба (Ровенская область) переговоров немецкого командования с руководителями УПА достигнута договоренность о взаимном ненападении и помощи в вооруженной борьбе с Красной Армией. Силы УПА, согласно этому договору, используются также для ведения разведки в пользу немецкого командования. Для опознания банд УПА немецкими частями введена специальная условность. ...

Заключение такого соглашения изменило характер бандеровской пропаганды, исключающей теперь антинемецкие выпады и обращающей все свое острье против нас.

Обнаруженная нами в Красноармейском районе Ровенской области свежая листовка с подписью “Главная Команда Украинской Повстанческой Армии” на русском языке призывает солдат и офицеров Красной Армии переходить в УПА, содержит восхваление по адресу фашистской Германии, которая, якобы, ведет войну “за Новый Мир, построенный на принципе равноправия каждого народа со свободным правлением на своей территории, справедливым правительством, которое не допустит эксплуатации одного человека другим. В борьбе за создание Нового Справедливого Порядка объединились угнетенные народы Советского Союза, с помощью Германской Армии стремящиеся свергнуть игу большевистского империализма. ...”.

Противник в последнее время стал направлять в банды УПА своих офицеров и солдат для руководства их боевыми операциями и перебрасывать банды УПА под командованием немецких офицеров через линию фронта в наш тыл. Так, 7.4.44 г. в с. Майдан Острогского района Ровенской области при ликвидации органами НКВД–НКГБ крупной банды УПА “Лютого” в числе убитых 69 бандитов обнаружено 3 трупа в немецкой форме, которые по всем признакам являются немецкими военнослужащими; 9.4.44 г. в районе населенных пунктов Башковце, Угорск, Телявка Шумского района Тернопольской области органами НКВД–НКГБ была ликвидирована и рассеяна банда “Панасюка” численностью около 60 человек. Установлено, что банда “Панасюка” была переброшена немцами через линию фронта южнее г. Броды. При ликвидации банды балы захвачена немецкая портативная радиостанция. Среди убитых на поле боя бандитов обнаружено несколько трупов немцев”.

Версия о борьбе ОУН–УПА на два фронта: против Красной Армии и немецких оккупантов – трюк с целью добиться признания националистов некой третьей силой, что лежит уже вне сферы науки и исторической правды. Факты свидетельствуют, что на фронте и в тылу сражались две стороны –

Красная Армия и партизаны, с одной стороны, и фашистское воинство со своими прихвостнями в виде ОУН–УПА и других – с другой.

Документы говорят о том, что после изгнания фашистов с Украины структуры так называемой УПА развернули террористическую борьбу про-

тив органов Советской власти и местных жителей: работников сельских советов, председателей колхозов, учителей, трактористов, милиционеров и др.

По официальным данным, за 1944–1953 гг. в западных областях Украины было совершено 14.424 бандитских нападения, в том числе 5.099 террористических и диверсионных актов, 1.004 поджога колхозного и совхозного имущества, МТС, налета на сельсоветы и клубы, вооруженных ограблений, в ходе которых погибло свыше 30.000 мирных советских граждан³.

За этот же период бандеровцы убили более 2,5 тыс. партийных работников и активистов, около 600 председателей колхозов и сельсоветов, почти 2 тыс. учителей, врачей. Среди замученных (по неполным данным) 30 секретарей райкомов партий, 32 председателя и зам. председателя райисполкомов, 37 секретарей обкомов и райкомов комсомола, сотни депутатов областных, городских, районных Советов.

Как указывает канадский ученый украинского происхождения В.Полищук в своем обращении к руководителю рабочей группы профессору С.Кульчицкому: "Если структуры ОУН Бандери убивали этих людей потому, что они были сторонниками Советской власти, то это Постановлением ООН от 1948 г. квалифицируется как народоубийство – геноцид"³, то есть преступное действие, которое вряд ли может служить примером героического служения украинскому народу и основанием для реабилитации ОУН–УПА.

По мнению подавляющего большинства историков и ученых Украины, России и других стран, деятельность ОУН–УПА не имеет ничего общего с национально-освободительным движением. ОУН была, по существу, филиалом германских спецслужб, числясь в документах Абвера как "*Dienst UKO*", а воинские формирования оуновцев воевали на стороне гитлеровцев, в частности, боролись против бойцов антифашистского сопротивления на территории многих стран оккупированной Европы.

ОУН и ее формирования – это всего лишь одно из звеньев общеевропейского коллаборационизма, заклейменного международным сообществом за соучастие в преступлениях фашизма против мира и человечности. Это определено и закреплено в документах Международного Нюрнбергского военного трибунала и многосторонних международных договорах, участницей которых является Украина, в частности, в Конвенции о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечности.

Резолюция, одобренная Генеральной Ассамблеей ООН 3 декабря 1973 г., гласит, что "преступления против человечности, когда бы и где бы они не совершались, подлежат расследованию, а лица, в отношении которых имеются доказательства в совершении таких преступлений, – розыску, аресту, привлечению к судебной ответственности, и, в случаях признания их виновными, наказанию"³.

Странным остается лишь то, что нынешний президент Украины Ющенко, поддерживаемый США как поборник демократии, борец за права людей, фактически выступает против основополагающих принципов Нюрнбергского процесса и ООН о наказании пособников фашизма и виновников геноцида как в период Второй мировой войны, так и после нее.

Не следует забывать и то, что террористическую войну пособники нацистов – коллаборационисты ОУН–УПА вели против Украинской Советской Социалистической Республики, общепризнанного субъекта международного права, одного из соучредителей ООН, в границах которой в 1939–1945 гг. удалось воссоединить все украинские земли.

Нельзя не согласиться с составителями и редакторами сборника материалов и документов о деятельности формирований ОУН–УПА в годы Ве-

ликой Отечественной войны и послевоенный период доктором исторических наук, профессором Е.Ф.Безродным, кандидатом юридических наук, доцентом А.В.Ткачуком и кандидатом исторических наук А.А.Олейниковым³, что реабилитация ОУН и УПА, предоставление “ветеранам” этих террористических организаций статуса “борцов за волю Украины” автоматически означает реабилитацию фашистской идеологии “интегрального национализма” и террористических методов деятельности, что равнозначно реабилитации идеологии и практики фашизма в целом. Такой акт абсолютно несовместим с основополагающими конституционными принципами Украины как демократического и правового многонационального государства. Следствием реабилитации ОУН–УПА явилась дестабилизация общественно-политической ситуации на Украине, фактический отказ Украины от преемственности по отношению к Украинской Советской Социалистической Республике, что, в конечном итоге, поставит под сомнение легитимность ее нынешних государственных границ.

Между тем, не прекращаются претензии национал-экстремистов реабилитировать ОУН–УПА, признать УПА воюющей стороной, а ее боевиков приравнять по правовому статусу к участникам Великой Отечественной войны. И адвокаты оуновцев этого добились.

Основой для такого антиправового, антинародного акта послужили *“Історичні висновки про діяльність ОУН–УПА”*, составленные руководителем рабочей группы правительственної комиссии, заместителем директора Института истории НАН Украины, профессором С.В.Кульчицким, а также публикации тех историков, которые занимают аналогичную позицию.

В связи с этим стоит вопрос: А куда смотрят хваленная западная демократия? А куда смотрят правоборцы всего

мира на подобные творения и игнорирования международного права по преследованию фашистов и их пособников с участием президента Украины?

Да, украинский народ многие века был порабощен и разделен соседними государствами: Австро-Венгрией, Германией, Польшей. После добровольного вхождения в состав России, произошедшего по инициативе Богдана Хмельницкого и его сторонников, часть так называемой казацкой Украины была подвержена ассимиляции в составе государства Российского, но это не носило геноцида в отношении украинского народа. И нельзя забывать, что когда Украина была под Польшей, то ее силой обращали в католическую веру огнем и мечом, принуждали пользоваться только польским языком и т.д. При поляках украинец был холоп и раб и даже зажиточные украинцы находились в униженном, второсортном положении.

О чём достаточно откровенно и подробно писали все прогрессивные украинские писатели и поэты: Т.Г.Шевченко, Иван Франко, Николай Гоголь, Ярослав Галан и др.

Однако, несмотря на исторические факты, прошлыми и нынешними украинскими националистами, историками и публицистами, акцент ставится не на указанных государствах-оккупантах и их роли в порабощении западных украинцев, а на России и русских. Наиболее активно данные вопросы будируются на Западной Украине, которая как раз и была порабощена названными выше государствами, а под Советским Союзом (украинцы отождествляют его почему-то с Россией) она была лишь с конца 1939 г. При этом в деле защиты самостийности Украины возвеличивается роль, прежде всего, таких сепаратистских формирований как ОУН и ее вооруженных формирований: УПА, СС “Галичина” и др. Хотя, названные

украинские националистические организации **так и не решили свою историческую задачу освобождения Западной Украины** ни от Австро-Венгрии и Польши, ни от СССР, но в настоящее время всеми силами стремятся присвоить то, что было добыто украинским народом в сотрудничестве с русским народом без них и вопреки им.

Да, Советский Союз после сентября 1939 г. принес Западной Украине не только освобождение от Австро-Венгрии и Польши, не только создание единого Украинского государства, но и репрессировал часть населения Западной Украины. Это, безусловно, факт. Однако забывается, умалчивается то, что в результате событий осени 1939 г. Украина впервые за всю свою тысячелетнюю историю стала самостоятельным государством в тех границах, которые она имеет сегодня, впервые народ Украины престал быть разделенным народом, а после создания ООН, Украина, благодаря тому же Советскому Союзу, стала еще и членом этой международной организации. И, только благодаря Советскому Союзу, Западная Украина воссоединилась с Восточной, а украинский народ стал единым.

Следует заметить, что РСФСР (нынешняя Российская Федерация) в тот период, то есть при СССР, в ООН не входила!! Таким образом, Украина в составе СССР имела в международном плане значительно больший статус, чем РСФСР (нынешняя Российская

Федерация). Из всех республик СССР такой статус имела только Белоруссия. Так о каком ущемлении независимости, самостийности идет речь?

На этом фоне 14.10.2007 г., в соответствии с указом президента Украины Ющенко, Украина отметила 65-ю годовщину образования Украинской повстанческой армии (УПА), посмертно присваивается звание Героя Украины одному из лидеров УПА Роману Шухевичу, вручаются государственные награды (ордена князя Ярослава Мудрого, княгини Ольги и Богдана Хмельницкого) почти сорока участникам “национально-освободительного движения”¹.

Безусловно, награждение орденами и медалями кого и за что это личное дело высших органов власти Украины. Однако как может укладываться в сознании народа то, что “законно” избранный президент награждает тех, кто в недавнем прошлом был пособником германского фашизма и десятками тысяч уничтожал своих собственных единокровных братьев и сестер только за то, что они работали в колхозе, служили в органах советской власти, которую избрал украинский народ? Это что демократия? Это что шаги в сторону построения современного правового государства?

Историческая Правда рано или поздно все равно восторжествует на Украине и украинский народ еще даст оценку всем тем, кто реанимирует пособников фашизма.

Примечания:

¹ История УПА. Новая серия. Т. 1. Издание Главного командования УПА. На укр. языке. Киев – Торонто: 1995. 481 с.; История УПА. Новая серия. Т. 2. Волынь и Полесье: УПА и подполье. 1943–1944. Документы и материалы. На укр. языке. Киев – Торонто: 1999. 723 с.

² НКВД–МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) // Сборник документов / Составители: Владимирцев Н.И., Кокурин А.И. М.: Объединенная редакция МВД России, 2008. С. 50, 55, 135.

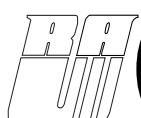
³ Цит. по: ОУН–УПА. Правдивая история. Киев: Солюкс, 2006. С. 6, 7, 8, 9, 10.

⁴ Гудзь В.В. История Украины. На укр. языке. Киев: Издательский Дом “Слово”, 2003. С. 388–389.

⁵ Залесский К.А. Кто был кто во Второй мировой войне. Союзники Германии. М., 2003. С. 432.

⁶ Специальное сообщение Народного комиссара государственной безопасности УССР комиссар государственной безопасности 3 ранга Савченко Народному комиссару государственной безопасности Союза ССР В.Н.Меркулову о соглашении Центрального провода ОУН и командования УПА с полицией безопасности и СД о борьбе против Советской власти. 23 февраля 1945 г. № 340/с. г. Львов.

⁷ Дульман П. Марш непримиренных. Крайне левые и националисты отметили день образования УПА // Российская газета. № 229п. 15.10.2007. С. 3.

БОЗРЕВАТЕЛЬ <http://www.rau.su>
OBSERVER E-mail:observer@nasled.ru

*На сайте Вы найдете информацию о печатных
и электронных изданиях ООО «РАУ-Университет»:*

- журнал «Обозреватель–Observer» (1992–2009 гг.);
- «Современная политическая история России» – «Хроника» (1985–2009 гг.) на CD-диске;
- электронная версия «РАУ-Пресс» (более 230 тыс. производителей товаров и услуг);
- книжное издание «Ратная слава Отечества» в 6 томах;
- информация и аналитика.

Появление в России мифа о «желтой опасности»*

Лекха Жукова

“Желтая опасность” – один из мифов о внешнеполитической угрозе для России – занимает не последнее место в ряду многочисленных подобных мифов и в том или ином виде существует до сих пор.

Появление этого мифа относится к концу XIX в., хотя сам термин был введен значительно позднее.

В процессе формирования мифа о “желтой опасности” можно выделить несколько этапов. Отчасти они обусловлены колебаниями дипломатической линии России на Дальнем Востоке, отчасти – появлением новых аргументов и “общественных идей”.

Началом осознания “опасности с Востока” становятся 90-е годы XIX в. В целом отношение к “желтым” странам не однозначно, оно различается в зависимости от того, насколько реальной представляется возможность распространения на эти территории русского влияния, и в зависимости от “известности” страны в России.

Под “желтым” миром в это время подразумеваются Корея, Китай и Япония. Монголия в “желтом” мире самостоятельно практически не присутствует. Вообще говоря, Монголия уже известна в России – появляются исследования Н.Я.Бичурина, О.М.Ковалевского, И.Я.Шмидта и других исследователей. С созданием в 50-е годы XIX в. Во-

ЖУКОВА Лекха Вильевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры Отечественной истории XIX – начала XX в. Исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Ключевые слова: “желтая опасность”, мессианская идея, культурная миссия, экономическая экспансия, “Желтая Россия”, внешнемирный стереотип, панмонголизм, русско-японская война, боксерское восстание, внешняя политика, Япония, Китай, Корея, Монголия.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Проект № 08-01-00496а.

сточно-Сибирского и Приамурского отделов Русского географического общества возникло академическое и прикладное монголоведение в Кяхте, Верхнеудинске (Улан-Удэ), Владивостоке, Иркутске¹.

Однако в прессе Монголия упоминается редко и вскользь как этническая родина бурят.

Наиболее благожелательно воспринимается в 90-е годы XIX в. Корея.

Она не слишком известна в России, хотя первые сведения о “Стране Утренней Свежести” проникли в Россию уже к концу XVII в.

В 1861 г. была проведена маркировка российско-корейской границы, а в 1886 г. в Сеуле открылась русская дипломатическая миссия.

Однако, несмотря на появление уже довольно большого количества литературы о Корее², ориентированной на массового читателя, особого интереса эта страна в России не вызывала, воспринималась как слабая, не способная к самостоятельной политике и легко ассимилирующаяся русскими³. Поэтому отношение к ней благожелательно покровительственное.

Дiplоматические отношения между Китаем и Россией начинают складываться в XVII в.

К этому времени, по мнению В.С.Мясникова “В российской внешнеполитической традиции … утверждалось представление об относительном равенстве субъектов международных отношений”¹. Однако позитивное отношение к Китаю с течением времени претерпело существенные изменения.

Особенно отчетливо это заметно в середине 50-х годов XIX в. Страна эта кажется хорошо известной – начало развития отечественной ориенталистики теснейшим образом связано именно с Китаем.

К середине XIX в. в общественном сознании укрепился устойчивый сте-

реотип восприятия Китая как страны отсталой, малоразвитой, не способной к самостоятельной внешнеполитической линии, близкой по ментальности к Средней Азии, и “инстинктивно тяготеющей” к России.

Япония становится известна русскому человеку в конце XVII – начале XVIII в., однако более или менее прочные дипломатические контакты начинают устанавливаться лишь к середине XIX в.

Малоизвестная Япония воспринималась по принципу подобия – “тот же Китай”, “татары”, “Средняя Азия” и т.д. с некоторыми элементами негативной окраски. Однако никакой “боязни Японии” еще не существовало, скорее – наоборот. Страна представлялась слабой, отсталой и довольно курьезной.

“Японская” тема начинает выделяться в самостоятельную в русской периодической печати с 80-х годов XIX в.

“Отделение” Японии от остального “желтого” мира приходится на начало 90-х годов XIX в. Причем отделение идет достаточно резкое – по принципу противопоставления. Если остальные страны воспринимаются как “мирные”, то Япония представляется традиционно воинственной³. Если Китай и Корея относятся к странам “самобытным” и от этой самобытности медлительным, то Япония воспринимается как страна, способная не ассимилироваться, а быстро перенять европейскую культуру и развиться как в экономическом, так и в военном отношении.

В 1890–1895 гг. идет активная выработка дальневосточной линии внешней политики России.

В этот период времени в общественном сознании легко уживаются две самостоятельные идеи. Одна – о близости Дальнего Востока к России (и отсюда – “мессианской” задаче России по отношению к отсталым “желтым” го-

сударствам). Другая – о враждебности Дальнего Востока России.

“Мессианская” идея включала два внешне близких подхода. Выразителем одного был П.А.Бадмаев. Смысл его идеи заключался в том, что народы Тибета, Китая и Монголии близки к России и сами хотят перейти “под руку Белого царя”. Для скорейшего исполнения надежд этих народов П.А.Бадмаев предполагал получить от С.Ю.Витте довольно значительный кредит на “вооружение бурят”*.

Несколько по-другому трактует мессианскую задачу России на Дальнем Востоке Э.Э.Ухтомский. По его мнению, Россия должна была способствовать, в первую очередь, культурному и экономическому развитию края, но без малейшего насилия.

Главное отличие двух подходов состояло не только в предполагаемых методах реализации мессианской задачи. Бадмаев, имея в виду в основном бурят-монголов, предполагал механическое включение их в состав Российской империи. Ухтомский же имел в виду, прежде всего, Китай и мыслил категориями экономической и культурной экспансии. Из Манчжурии, Монголии и Северного Китая, по его мнению, должно было быть создано “при минимуме жертв и затрат с совершенно мирными целями”³ некое государство “Желтороссия”. Россия же должна только “просветить” Азию. Интересно, что отношения между Бадмаевым и Ухтомским носили довольно напряженный характер, и окончательно испортились к 1895 г.

В 1895 г. началась война между Японией и Китаем. Для России это был важный момент: с одной стороны,

Россия, вместе с другими европейскими государствами, собираясь активно вмешаться в японо-китайский конфликт, а с другой – следовало определиться – на чьей стороне вмешиваться.

25 мая 1895 г. министр иностранных дел Лобанов-Ростовский предложил Николаю II сделать окончательный выбор.

Николай II колеблется, на его решение пытается оказать влияние Западная Европа. 26 апреля 1895 г. Вильгельм II пишет Николаю II довольно пространное письмо по этому поводу. Появляется новая трактовка мессианской задачи России. Если Россия не поддержит агрессивную Японию, она тем самым не только спасет народы Дальнего Востока, но и Европу от “Азии”. Таким образом, Николаю II предлагается еще один вариант “мессианства”.

Собственно в этот момент и начинается складывание мифа о “желтой опасности”.

Некоторое время под “желтой опасностью” понимались и Япония, Китай в зависимости от пристрастия авторов. Япония, безусловно, представлялась более опасной. Однако и Китай “может пробудиться от своей самобытности под влиянием тяжких поражений, в соединении с Японией составляет уже большую опасность”⁵.

Наконец, Николай II делает свой выбор.

И вскоре получает письмо от Вильгельма II: “...От всей души благодарю тебя за то, что ты так прекрасно положил начало совместным действиям всей Европы на защиту ее интересов против Японии”⁶.

После заключения мира между Японией и Китаем, в России начинается интенсивный процесс мифотворчества.

* Он получил 2 млн. руб. Вооруженные буряты должны были переселяться на территорию Манчжурии и Китая и склонять местное население переходить под покровительство России.

Едва упоминавшаяся в 1895 г. “желтая опасность” нуждается в уточнении и конкретизации. Публикации 1895–1897 гг. как раз и посвящены этому. Этнокультурный стереотип не развивается и отходит на второй план. На первое место выходит “внешнемирный” стереотип. Япония как государство персонифицируется и рисуется страной высокомерной и наглой, “наследственно воинственной”. Огромное количество публикаций посвящено усилиению антирусских чувств в Японии.

Иное отношение к другим странам “желтого мира”. О корейцах говорится, что “они легко научаются русскому языку, вместе с языком перенимают русские обычаи и нравы и переходят в православие”³.

В отношении Китая в этот момент “побеждает” позиция Э.Э.Ухтомского: Россия должна “идти на Восток, и окончательно преградить доступ в империю богдоханов, доступ всякой иностранщине”³. Однако летом 1897 г. “иноzemcина” все же проникает в Китай – немцы занимают Циндао, затем Цзяо-Чжоу, сами китайцы начинают сотрудничать с англичанами, а в России смеется министр иностранных дел – на место умершего Лобанова-Ростовского назначается Муравьев.

Новый министр иностранных дел начинает выработку собственного внешнеполитического курса. В связи с этим инициируется следующий этап мифотворчества.

На этом этапе идет дальнейшее структурирование в общественном сознании понятия “Желтый Восток”.

Корея “отходит... на второй план”⁵. В новом восприятии Корея приобретает особую окраску. Корею отделяют от Китая. Более того, как бы отделяют от желтого мира вообще, полагая, что Корея – лишь разменная монета во внешне-политических интересах России, и Россия может ее “отдать” или “не отдать”.

Наконец появляются и такие выскакивания: “К чему нам навязывать свой протекторат Корее? Пусть ее развивается самостоятельно; нет беды в том, что в этом полудиком государстве усиливается японское и английское влияние”⁵.

Большие изменения происходят в восприятии Китая. Один из первых, кто предупреждает на этом этапе о возможной “китайской опасности” – П.А.Бадмаев.

27 февраля 1897 г. он обращается к Николаю II с запиской, в которой сказано, что “вследствие быстрого решения вопроса о постройке маньчжурской железной дороги могут возникнуть осложнения в Китае”⁷.

Если опасения П.А.Бадмаева, выраженные в личном обращении к Николаю II, смутны и неясны, то другие авторы гораздо откровеннее.

“Китайская угроза” им видится в конкуренции товаров и рабочей силы.

Интересно, что этот момент, очевидно, стал переломом в традиционном восприятии Китая.

До сих пор “отсталая, медлительная, миролюбивая” страна начинает восприниматься по-другому. Оказывается, русские товары в Китае покупают мало (они дороже аналогичных товаров других европейских стран). Сами китайцы после начала строительства железной дороги начинают продавать свой товар России значительно дороже, чем раньше. Обманутые общественные ожидания (до сих пор представлялось, что в Китае мы – “у себя дома”) способствуют резкой подмене стереотипа: “Как оказывается, на восточных наших окраинах китайцы являются в той же роли, со всеми ее последствиями, в какой на западных окраинах являются евреи”⁸.

Другая причина опасений в отношении Китая – конкуренция “в области ручного труда” (Шрейдер).

Еще недавно к китайским поселенцам на Дальнем Востоке относились вполне благожелательно, превознося их старательность, терпение и трезвость. Теперь все меняется – появляется довольно большое количество статей о низкой производительности труда китайцев. Но главная опасность – в дешевизне их труда. Соглашаясь на ничтожную плату, они вытесняют с Дальнего Востока русских рабочих. Рост рабочего движения в Сибири объясняется просто – “виноваты здесь китайцы”⁹.

Наконец, самый главный страх – китайцев слишком много. Даже “Вестник Европы” с опасением отмечает, что “туземцев” (китайцев – Авт.) на Дальнем Востоке – все больше и скоро они совсем вытеснят русских¹⁰.

Нельзя сказать, что “позитивное отношение” к Китаю, и вообще к Дальнему Востоку в этот момент совершенно исчезло.

Мессианская идея, главным адептом которой по-прежнему выступает Э.Э.Ухтомский, также присутствует. Однако и эта позиция претерпевает изменения. Россия должна защитить Китай от тлетворного влияния Запада. Однако после событий 1898 г. князь остается в явном меньшинстве. Да и его собственная позиция меняется, что отчетливо проявляется в укоризненном тоне статьи “О Китае”¹¹.

Что касается Японии, то она в этот период достаточно резко отделяется от “желтого мира”.

Утверждений, что “японцы – те же китайцы” ни в научной литературе, ни в периодической печати больше не встречается. Более того, авторы перестают замечать общность культуры двух народов. “Отделение” Японии от Китая получает и новую интерпретацию – всячески подчеркивается враждебность населения Китая по отношению к Японии и агрессивность Японии по отношению к Китаю (Япония “име-

ет наглость” пытаться участвовать в разделе Китая).

Наряду с достаточно общими и уже традиционными обвинениями в адрес Японии (коварство, двуличие, жестокость, воинственность и т.д.) появляются и новые. В частности, японские торговцы обвиняются в недобросовестности.

Интересно, что в этой связи происходит и “объединение” Японии и Китая – обвинения весьма сходны и употребляются в одном и том же контексте. С другой стороны, появляется тема “угрозы” японских товаров европейским³. “По поводу” японской торговли читателю предоставляются также сведения о растущих военных расходах Японии.

Наконец, на рубеже 1897–1898 гг. появляется и еще один важный аргумент “японской опасности”. Стремясь противостоять расширению европейского, прежде всего германского влияния на Дальнем Востоке, Россия сталкивается с противодействием Японии, которая, по утверждению русских авторов, весьма благосклонно относится к расширению этого влияния. С другой стороны, Англия стремится сделать из Японии “противовес” России на Дальнем Востоке. Таким образом, миф о “японской опасности” оказывается, до известной степени, интегрирован в миф о “европейской опасности”.

Большое количество статей обращает читателя к японо-китайской войне. В этой связи всячески подчеркивается агрессивность Японии, а также ее презрение к нормам международного права.

Новый этап формирования мифа о “желтой опасности” связан с боксерским восстанием в Китае (лето 1900 г.) и назначением нового министра иностранных дел – Ламсдорфа.

Снова обретают популярность мессианские высказывания Э.Э.Ухтомского.

Появляется даже самостоятельная брошюра “К событиям в Китае” (СПб. 1900), в которой толкуется о миссии России на востоке. Некую трансформацию идей десятилетней давности можно усмотреть в резко негативном отношении к Японии. Если раньше страна представлялась только неприятной, не дружественной, то теперь она становится “гнездом иностранцев” (европейцев, что гораздо страшнее! Вот она – “японская опасность”!). В то же время продолжается развитие тезиса об опасности наводнения рынков, в том числе и европейских, японскими товарами.

Однако, все “благожелательные” и “мессианские” высказывания пресекаются кризисом 1901 г.

Дипломатические неудачи (переговоры с Китаем) приводят к резкому изменению отношения СМИ к Дальнему Востоку в целом.

Предвестником нового витка мифотворчества становится серия статей, помещенных в “Вестнике Европы” (февраль 1901 г.). “... Явилось опасение, что приносимые жертвы не оккупятся выгодами, тяжко лягут на живущее поколение, ослабят его культурный рост и ослабят наше положение в Европе”¹⁰.

Оживляются и другие периодические издания. В “Русской мысли” (№ 4, 5, 7, 10, 12 за 1901 г.) говорится о необходимости серьезных военных предосторожностей⁵.

Наконец, уже в октябре 1901 г. появляются высказывания о неизбежности войны с Японией.

Термин “желтая опасность” впервые появляется в 1902 г.

В январе 1902 г. несколько газет (Новый край, Восточное обозрение) публикуют статью И.С.Левитова “Первый номер желтой опасности”.

“...мы должны ... забыть о нашей цивилизаторской деятельности”, – призывает автор.

По его мнению, “желтая опасность” состояла в огромных государственных расходах на освоение края.

Цинизм и откровенность высказываний Левитова несколько испугал (Восточное обозрение) и раздражил (Ухтомский – письмо).

Однако в этом же смысле высказывается и Куропаткин: “Громадные затраты, произведенные и непрерывно производимые на Востоке, служат одною из существенных причин экономических затруднений в населении Европейской России”¹¹.

Отходит от своей мессианской идеи и Э.Э.Ухтомский: “Китай... не в состоянии был бы оценить нашего великодушия... а Запад... проникнут к нам неизцелимою неприязнью”¹².

В то же время целый ряд авторов (например, Россов “Новый край”, октябрь 1903 г. и др. СПБ) использует мессианство в другом, откровенно агрессивном контексте.

Агрессивность этого контекста распространяется теперь не только на Японию, но и на Корею, интересы которой Россия должна защищать с позиции силы.

Наконец, “корейский вопрос” выходит на первое место. Он искусно используется для генерации представления о “желтой опасности”.

Связь “корейского вопроса” и “желтой опасности” замечательно отразилась в серии публикаций и отдельной брошюре И.С.Левитова “Желтый Босфор”.

“Признавая законность” притязаний Японии на Корею, автор как бы “объясняет” причины этого. “Японии тесно стало на своих островах, и она ищет себе места, куда бы могла выпустить избыток своего населения”⁹.

Потом выясняется, что японцы переселяются в Корею, чтобы “произвести объединение желтой расы под своей гегемонией”⁹.

Таким образом, Левитов не только ввел термин “желтая опасность”, но и сформулировал тезис о войне двух рас.

Отношение к Китаю в этот период тоже достаточно негативное. При этом он, впервые за долгое время, в чем-то

объединяется с Японией: он представляет для России экономическую и социальную угрозу.

От довольно большого количества публикаций о дешевизне и малой производительности труда китайских рабочих, авторы, и в первую очередь И.С.Левитов, переходят к обобщению: “Желтая раса не дает возможности сопоставляться на общем рынке труда, в виду дешевизны предлагаемых ими рабочих рук”⁹.

Наконец, в конце 1903 г. (ноябрь) появляется последняя, самая агрессивная трактовка “желтой опасности” – **панмонголизм**. Она постепенно вырисовывается из сочинений И.С.Левитова. Помимо опасности устремлений Японии на континент, автор пророчит “полный крестовый поход против христиан”⁹. Особенную опасность представляет Япония, по мнению автора, в случае ее союза с Китаем.

Отношение к Китаю в этот момент у многих авторов разительно меняется. Еще недавно “отсталый” и “дружественный” Китай теперь даже самым благожелательным авторам видится источником угрозы. Если П.Попов считает, что, объединившись с Японией, “миролюбивые по натуре китайцы вынуждены будут взяться за оружие”¹², то С.Горянинов высказывает более решительно: “Китай может двинуться на Европу медленно, неуклонно захватывая и ассимилируя все на своем пути. Двинуться стихийно, как движется грозная туча саранчи, не зная препяд, не зная цели”¹².

Сторонников Китая остается все меньше.

Даже Ухтомский в этот момент занимает двойственную позицию. Санкт-Петербургские ведомости уверяют, что не правы те китайские газеты, которые “хотят видеть приготовления Китая к войне с Россией”¹³.

В то же время газета помещает статью Сергея Трубецкого, который “зашщищает” Китай на свой лад. По его мнению, агрессия Китая растет не сама по себе, а из-за вмешательства в их отношения Японии – “передового поста монгольского, азиатского мира”¹³.

Сам Ухтомский не может принять “панмонголизма”, как идеи, глубоко чуждой всем его представлениям.

“Никакого панмонголизма, никакой “Азии для азиатов”, никакой Японии, действительно способной направить пробужденный Восток против Европы, по моему и нет, и быть не может. Все те идеи мирового господства (в пределах Старого Света), которыми жили и дышали величайшие монархи Древнего мира и Средневековья, всецело перешли в кровь и плоть русского народа, после столетий единоборства с татарами”¹³.

Голос князя тонет в многочисленных враждебных публикациях, а начавшаяся война пресекает любую возможность дискуссии.

30 мая 1905 г. И.С.Левитов обратился к Ухтомскому с письмом. Выражая радость по поводу “толков о мире”, он ненавязчиво упоминал о своем разговоре с генералом Алексеевым и просил князя переговорить с принцем Ольденбургским, чтобы разрешили “прочесть одну лекцию для народа в народном доме с целью выяснить ему значение для нас мира и при каких условиях мы можем заключить его”¹⁴.

Левитов заверял Ухтомского, что не такой он человек “чтобы воспользоваться и пропагандировать какие-нибудь вредные для государства идеи”¹⁴.

Однако князь, в раздражении, смял письмо, и кинул в мусорную корзину. Санкт-Петербургские ведомости больше не пишут о Востоке. Другой враг – Западная Европа – занимает князя.

Однако “желтая опасность” не забылась.

В 1911 г. русский посол в Турции Н.В.Чарыков подготовил “заключение” по “мусульманскому вопросу”¹⁴.

“Желтая опасность” заключалась, по мнению автора “в возможности культурного и даже военного соперничества желтокожих обитателей Азии с народами белой расы” и она напрямую связана с паназиатизмом, а именно с панисламизмом и пантюркизмом.

И хотя, даже на взгляд самого автора, эта связь была не очевидна*, он предупреждал, что “если... против христианских государств ополчатся сооб-

ща языческие желтые народы Азии и те народы белой и иных рас, которые исповедуют мусульманство, то опасность для христианских государств значительно возрастет”.

Чарыков был не одинок в своей позиции.

“По мнению русского китаиста XIX в. академика В.П.Васильева величайшая угроза миру Евразии могла заключаться в грядущей “исламизации Китая”. Среди отечественных исламоведов эту точку зрения в начале XX в. разделял Н.П.Остроумов”¹⁵.

Таким образом, и после русско-японской войны тема “желтой опасности” не утратила своей актуальности. Напротив, она вписывается в более грозный миф о “паназиатизме”, и, не утратив сущности расового противостояния, приобретает более глобальные масштабы – противостояния “Восток-Запад”.

Примечания

¹ Россия и Восток. СПб., 2000. С.219, 335.

² Шрейдер Д.Б. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.

³ Санкт-Петербургские ведомости (далее – СПВ). 1895. 12 октября. С. 1; 1895. 17 февраля. С. 3; 1895. 6 января. С. 1; 1896. 6 февраля. С. 1; 1898. 8 января. С. 3; 1898. 16 января. С. 1; 1902. 21 января. С. 3; 1903. 10 декабря. С. 3; 1904. 24 января. С. 1.

⁴ Горянинов С. Новый Край. 1903. 12 октября.

⁵ Русская мысль. 1895. Апрель. С. 158; 1898. Май. С. 187; 1898. Апрель. С. 177; 1901. Май. С. 288.

⁶ Переписка Вильгельма с Николаем II. М., 1923. С. 21.

⁷ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 700. Л. 5об.

⁸ Гурьев Г. Очерки сибирской жизни // СПВ. 1897. 14 февраля. С. 3.

⁹ Левитов И.С. Желтый Босфор. СПб., 1903. С. 33., 29, 33, 75, 82.

¹⁰ Вестник Европы. 1902. Февраль. С. 668; 1901. Февраль. С. 145.

¹¹ Куропаткин А.И. Русско-японская война 1904-1905. Итоги войны. СПб., 2002. С. 11.

¹² Новый край. 1903. 9 ноября. С. 2; 1903. 12 октября. С. 3.

¹³ Перед грозным будущим. К русско-японскому столкновению. СПб., 1904. С. 7. Брошюра печаталась также в газете Санкт-Петербургские ведомости с № 24 от 25 января 1904 г. на первых страницах.

¹⁴ РГИА. Ф. 1072. Оп. 1. Д. 10. Л. 12; Ф. 821. Оп. 133. Ед. хр. 469. Л. 293–302.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 74. Л. 246.

Обозреватель–Observer № 12, 2009

Geopolitical Benchmarks of New Russia: Internal Threats and Resources

A.Savelyev, A.Maruyev

The international stance of the state depends among the other things on its internal situation. Applying to Russia, the review of the main threats in domestic policy (crises in the economy and in social sphere, the decrease of military strength and of technological capabilities, alienation of the authorities from the society, deterioration of public health) demonstrates the potential vulnerability of our state, that impedes Russia's adequate participation in global geopolitical play.

Key words: geopolitical status, national security strategy, national interests, international threats, geopolitical enemies, social and economic problems.

About the author: SAVELYEV Artyom – National Security Expert, Candidate of Historical Sciences.

MARUYEV Aleksey – Expert on Geopolitics, Candidate of Political Sciences.

“Medvedev’s Plan” and the priorities of Russian Policy in Europe

V.Mizin

The article is dedicated to the pressing problem of developing and promoting the initiative of the Russian President Dmitri Medvedev on the creation of a new Euroatlantic security architecture and the conclusion of relevant Treaty.

Key words: external security, Euroatlantic territory, the OSCE, the EU, CFE, NATO, OCST, Corfu process, arms control.

About the author: MIZIN Victor – the Deputy Director of the Institute of International Studies at the Moscow State Institute of International Relations(University)

“Perezagruzka” in operation

V.Mikhin

The author tries to understand clause, whether is valid new American B.Abdyly's administrations is aimed at “new thinking”, on new constructive and mutually advantageous attitudes with Russia?

On an example of numerous statements of the American political scientists, senators, other politicians the proof impression is made, that for “perezagruzka” usual demagogical applications cost. Washington, as before, to aspire to pursue only the egoistical purposes and problems. And if it offers cooperation to Moscow, it only there where the American policy revolves: in Afghanistan, Iraq, Iran, at preservation of the positions in the Europe. Not casually, the new scheme of accommodation “Antiaircraft defense” in the Europe, despite of our objections is just declared.

In other words, Washington till now considers Russia as the won country and to aspire, if by hook or by crook the-politician “perezagruzka” – to force it to drag chestnuts for the American misters.

Key words: “Perezagruzka”, Policy of “new thinking”, NATO, Drugs, drug ways, Treaty (agreement) about restriction of strategic offensive arms, Rocket with separate head parts.

About the author: MIKHIN Victor – Full Member of the International Academy of Sciences of Nature and Society, Corresponding member of the Academy of natural sciences, Member of the Union of writers, member of the Union of journalists, more than 20 years has worked in various countries Asia, Africa, the Europe and the USA.

Double standards of Western countries against terrorism

A.Oleinik

In the article on the significant factual material examines contemporary views of the Western states and foreign organizations on a dual approach to the assessment of international terrorism.

Key words: double standards, the political conjuncture, terrorism, terrorist activities.
About the author: OLEINIK Andrey – assistant professor of legal institution.

National security in a historical retrospective

O.Tolstukhin

Analysis the nation of the National Security as a condition of protection person, society and the state from internal and external threats the author states that historical experience of formation of the Russian statehood shows the process of transition of political powers from the authorities to the public ones but always in interests of preserving of National Security.

Key words: National Security, safety of the person, security system.

About the author: TOLSTUKHIN Oleg – is the competitor of postgraduate study of Institute of sociopolitical researches of the Russian Academy of Sciences.

Terrorism in Spain: current situation

A.Orlov

The article describes the particularities of the current phase of antiterrorist efforts in Spain; emphasizes achievements of law enforcement authorities in counteracting ETA; indicates that radical Basque nationalism is still a nourishing environment for terrorism.

Key words: Nationalism, separatism, terrorism, human rights, Spain, Basque Country, ETA, “Batasuna”, Spanish Socialist Workers’ Party, People’s Party, Basque Nationalist Party.

About the author: ORLOV Alexander – professor of the Moscow State Institute of International Relations (University).

Stalin – Hitler: strategic duel

A.Senjavsky

The results of the First World War became a field for the new “large game”. It means the resumption of the struggle between the largest states for deduction and expansion of their positions or even for radical demolition of the international relations system. Revanchism of Germany was an inevitable product of humiliation of such a great state. The arrival Hitler to authority had caused translation of diplomatic struggle in a power sphere. So the USSR had took its stand as the main object of policy “expansions of vital space”. The author opens, how Stalin managed to outline the political strategy, which had prevented the consolidation between the fascist states of “The Axis” and the “western democracies”. Due to those measures the USSR managed not only to escape the worldwide isolation, but also to weaken military impact of fascist Germany.

Key words: the international relations in Europe, foreign policy of the USSR and Germany, the intermilitary period, political strategy, “strategic games”

About the author: SENJAVSKY Alexander – the doctor of historical sciences, the main scientific employee, the head of the Center “Russia and the USSR in the history of the XX-th century” Institute of the Russian history of the Russian Academy of Sciences.

G.K.Joukoff in the Byelorussian operation

V.Afanassieff

In the article the author shows the special features of military leader which Marshal of the Soviet Union G.K.Joukoff demonstrated during the planning preparation and conducting of the Byelorussian strategical offensive operation.

Key words: military art, strategic planning, offensive operation, planning and preparation of military operation.

About the author: AFANFSIEFF Vladimir – retired Colonel Central Museum of the Armed Forces.

Whermacht and Bandervites: How they collaborated with each other

V.Galitsky

In connection with the incessant attempts to rehabilitate the Organization of Ukrainen Nationalists and the Ukrainian Insurgent Army (OUN/UIA) and to transfer them from the category of collaborationists and traitors of their people to the category of winners over fascism and liberators of the Ukraine, the author, using documents, shows the true nature of these nationalist organizations and exposes their collaboration with the Command of german fascist army in the struggle against Red Army and Soviet Power in the Ukraine during the Great Patriotic War of 1941–1945 years.

Key words: Ukrainian separatism, collaboration of (OUN/UIA) with the Command of the german fascist army.

About the author: GALITSKY Vladimir – Dr. Sc. (Law), professor, full-member of the Russian Academy of Military Sciences, Captain (Navy).

Berlin Wall. History. Fall down

I.Kusmin

In the article the author tells about the blocking of frontier between the West and East Berlin on the 13 of August 1961 and attendant circumstances, gives the description of the Wall and tries to explain the reasons of its Fall down as he saw the events in 1989 from the position of Chief of the Information-Analytical Department of the KGB Agency of the USSR in Berlin.

Key words: Berlin Wall.

About the author: KUSMIN Ivan – Doctor of Political Sciences, Doctor (Philosophy) of Humboldt University in Berlin.

The appearance of “yellow danger” myth in Russian

L.Joukova

The article is devoted to the process of forming of the opinions and notions about “yellow danger” in the Russian public opinion over the time of the second part of the XIX – the beginning of the XX century. The author marks out the periods of forming such a the myth. Also the main views on the Far East countries and the Russian’s historical role in this region are emphasized.

Key words: yellow danger, Messianic idea, culture mission, economic expansion, jheltorossia, outer space stereotype, pan-mongolism, Russian-Japanese war, Boxer rebellion, foreign policy, Japan, China, Korea, Mongolia.

About the author: JOUKOVA Lekha – Candidate of History.

Налоговая льгота – Общероссийский классификатор ОК-005-93. Код ОКП-95 2200. Издание зарегистрировано в Комитете по печати РФ. Регистрационный № 012093. Подписной индекс **47653** в каталоге «Газеты и журналы» агентства «Роспечать»

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий и прочих сведений, а также за то, что в материалах не содержится данных, не подлежащих открытой публикации.

Редакция может публиковать статьи в порядке обсуждения, не разделяя точку зрения автора.

Редакция не ведет переписку с авторами. Рукописи не возвращаются. При перепечатке материалов ссылка на «Обозреватель–Observer» обязательна.

Адрес редакции: 115054, г. Москва, ул. Бахрушина, д. 32, стр. 2.
ООО «РАУ-Университет». Тел./факс: (495) 959-2253.

E-mail: observer@nasled.ru Электронная версия: <http://www.rau.su>
Подписано в печать 14.12.2009. Формат 70x100 1/16. Печ.л. 8,0. Печать офсетная.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «Джей Ти Принт». Заказ № 176.